

A religious painting depicting the Virgin Mary and the Christ Child. Mary is shown in a red mantle over a blue gown, holding a golden cross. The Christ Child is wrapped in white swaddling clothes. They are positioned on a large, glowing white cloud against a dark blue, starry night sky. Below the cloud, a group of people in simple, earth-toned clothing are gathered in a camp-like setting, looking up at the figures in the sky. Some are kneeling in prayer, while others stand. The scene is illuminated by a warm, golden light emanating from the figures above.

**МОЖНО ЛИ БЫТЬ
ХОРОШИМ
И НЕ СПАСТИСЬ?**

Свящ. Даниил Сысоев, митр. Владимир (Иким),
прот. Валентин Свенцицкий, прот. Всеволод Чаплин,
профессор МДА Осипов А.И., диакон Георгий Максимов,
профессор МГИМО Зубов А.В., митр. Антоний Сурожский,
свт. Игнатий Брянчанинов, свящ. Вячеслав Перевезенцев,
свящ. Михаил Плотников, свящ. Михаил Воробьев,
свящ. Андрей (Хвыля-Олинтер), прот. Сергей Николаев,
епископ Александр (Милеант),
Ильин И.А., Питанов В.Ю., Максим Степаненко,
Николай Стрижов, Александр Ткаченко,
Владимир Гурболиков, Суворов Е.С. и другие

МОЖНО ЛИ БЫТЬ ХОРОШИМ И НЕ СПАСТИСЬ?

Почему некоторым трудно поверить в Бога?

Миф о «братстве религий»

Есть ли разница, как верить во Христа?

Знаки Промысла Божия в жизни человека

Можно ли «верить в душе» и спастись, не посещая храм?

Как относиться к последователям других религий?

НОВАЯ МЫСЛЬ

Москва

2011

ББК 86.37
Ф-76

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

ИС 10-04-0049

Фомин А. В. Составитель.

Ф 76 Можно ли быть хорошим и не спастись? — М.:
2011. — 560 с.

ISBN 978-5-902716-23-5

Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного. Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает современное светское общество.

ББК 86.37

ISBN 978-5-902716-23-5

© Фомин А. В. Составитель,
2011

© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НОВАЯ МЫСЛЬ», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Испокон веков человек искал ответы на главные вопросы бытия: кто я, в чем цель моего существования, для чего существует мир, продолжаем ли мы существовать после смерти. Вопрос о цели, смысле жизни добавляет к повседневным человеческим испытаниям и страданиям дополнительное, глобальное — а для чего я страдаю вообще? Он не дает нам ощутить удовлетворение, даже когда какие-то из наших повседневных желаний временно исполняются. Человек, достигший желанной цели, довольно быстро начинает чувствовать снова отсутствие удовлетворения. Оглядываясь назад, он видит, как много времени провел в мучительных усилиях по достижению желаемого, но почти не наслаждался достигнутым.

На определенном уровне эволюции человека сознание начинает ставить перед собой

более высокие духовные цели, чем, например, распознавание добра и зла, искать такой смысл жизни, который не уничтожался бы смертью...

«Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного.

Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает светское современное общество. Иисус учил: «Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18, 36). Если человек предпочитает Царству Христа мир сей, это его право, христианину же следует помнить слова Иисуса: «Я победил мир» (Ин. 16, 33) и отвергать всех проповедников идей, противных Священному Писанию и Священному Преданию Христианской Церкви (Гал. 1, 8)»¹.

¹ Питанов В. Ю.

«Наше время — это время невероятно быстрого взаимопроникновения культур и религий, и сейчас как никогда актуальны слова апостола: «...храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6, 20), ибо мы получили от Бога истинное знание, и Церковь будет обладать им вовек (2 Ин. 1, 2), потому что в ее Главе — Господе Иисусе Христе — «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3), потому что Он и есть Истина (Ин. 14, 6).

Обладая истинным и спасительным знанием о Боге, путях нашего спасения и настоящего благочестия, Православная Церковь, которая «есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), не может и не имеет права искать иных знаний от языческих религий и сект, так как это будет удаление от Христовой истины, в которой мы стоим, поиском пустословия и ложных знаний.

Спасение наше, прежде всего, в правильной вере — «...праведный верою жив будет» (Гал. 3, 11), а потом в благочестивых делах. Потому как если христианин правильно верит (каков Бог, к какой праведности Он нас призывает, и каковы пути спасения), он правильно поступает и идет правильным путем спасения. Любое же искажение веры: ересь, суеверие, языческая и человеческая ложная мудрость приводят к тому,

что человек начинает поступать по-иному и оказывается вне пути спасения, «потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14)»¹.

¹ Максим Степаненко, руководитель Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ. Миссионерско-апологетический проект «К Истине».

Глава 1

СПАСЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПАРАШЮТА?

«ЗАЧЕМ ЭТО ВСЕ НУЖНО, ЕСЛИ ВСЕ ЭТО КОНЧАЕТСЯ НИЧЕМ?»

Профессор Андрей Зубов в лекциях «История религий», прочитанных в городе Екатеринбурге летом 2001 года говорит: «Я обрел веру лет двадцати пяти от роду после того, как я долго, в общем-то, искал ее. Я родился в семье нерелигиозной и, пожалуй, какую-то религиозность, впрочем, очень далекую от настоящего христианства, мне могла передать только моя няня, в некотором роде Арина Родионовна. Однако вера, религиозные ощущения были со мной, ну, буквально, с самого начала. Я помню,

как я ребенком ужасался идее своей конечности, своей смертности так, что спать не мог по ночам. Мне было страшно оттого, что меня не будет. Как это может быть? Вот все это будет: мир будет, солнце будет, а меня не будет. Потом, где-то, когда мне было лет 8 или 9, я с некоторым ужасом переживал идею адских мук. Ну, опять же, через мою няню мне передано было это знание. А потом я получил от своей пожилой тетушки ее Новый Завет на русском языке, который ей подарили, когда она еще училась в Петербурге в одной из хороших гимназий до революции. Она его передала мне. Я его храню до сих пор. Тогда я начал его читать и (мне было тогда лет 12–14) мало что понял, хотя там все совершенно понятно, как теперь кажется, но текст был закрыт для меня. Но я выучил почему-то на русском языке на память молитву «Отче наш» и взял за правило ее читать вечером в кровати, не имея при этом никакой глубокой религиозной интенции. Я это делал какое-то время, и потом лет в 16, наверное, прекратил. Но я вот сейчас в глубине души чувствую, что это имело большое значение для моей жизни.

А потом прошло много самых разных событий, и когда мне было около 25 лет, одним прекрасным вечером... Я к тому времени был кандидатом наук, гуманитарием, специалистом по современной истории Востока. В то

время я имел некоторый материальный достаток и жил по тогдашним советским условиям совсем неплохо, ни в чем не испытывал большой нужды и даже малой какой-то потребности. Жил хорошо. Я, в общем-то, так получилось, был рожден в достаточно привилегированной семье высшего московского чиновничества, поэтому во многом не испытывал недостатков. И вот в какой-то момент, имея жену, дочь, квартиру, кандидатскую диссертацию — все, в общем, что можно было и желать для жизни, я сбесился с жиру, т.е. я вдруг понял, что все это абсолютно не нужно, что это все ничто. **Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?** Более того, я по-настоящему увлекся наукой и с удовольствием работал, как научный исследователь (мне было страшно интересно работать, я писал тогда вторую свою книгу). И вдруг я ясно понял, что в книге (не по цензурным соображениям, хотя и по ним тоже, но самое главное потому, что вообще очень много в душе есть невыразимого) я выражу себя процентов на 5–10, а все остальное я не скажу ни жене, ни другу, ни в книге — никому, как и каждый, наверное, из вас. Это все умрет вместе со мной и уйдет в небытие. Так зачем все это? И потом, я также понял, что есть некоторое нравственное измерение жизни, что безнравственная жизнь — это плохо, но почему плохо? Если и праведник, и грешник, если нравствен-

ный и безнравственный равно уходят в пустоту, в небытие, то не все ли равно, как жить? Вот эти три мысли в какой-то момент меня озарили, и хотя это мысли элементарные, они заставили меня чисто умозрительно, чисто философски понять, что если нет цели жизни, вынесенной за пределы этой жизни, то тогда у жизни вообще нет цели. Кроме того, я понял одну простую вещь. Ненадолго отвлечемся, Я поясню это примером. Каждый, наверное, из нас живет совокупностью частных целей: скажем, сегодня мы ставим себе задачу пойти в кино, мы ставим задачу написать книгу, мы ставим задачу разбогатеть, мы ставим задачу скопить денег и поехать на юг отдохнуть и тысячу других задач, больших и маленьких. Но если все эти задачи реализуются только после того, как подготовка к ним исполнена, то когда реализуется вся жизнь?

Получается, что совокупность частных задач ведет в никуда. Такого быть просто не может. И я ясно тогда понял, что должна быть некая абсолютная цель, вынесенная за пределы этой жизни, цель, для которой вся эта жизнь является подготовкой, так же как накопление денег является подготовкой для поездки на юг летом. А коль так, то у этой цели нашей жизни должен быть какой-то оценочный смысл — почему? Ну, если все здесь плохое или хорошее кончается смертью, то должно быть нечто та-

кое, где хорошее и плохое, наконец, себя как бы реализует, себя проявляет, следовательно, есть нечто реализующее между добром и злом, и, следовательно, есть то, что люди называют Богом».

Зубов А.Б., доктор исторических наук,
профессор МГИМО и Православного университета
им. апостола Иоанна Богослова

Лекции по истории религий, прочитанные в
Екатеринбурге проф. А.Б. Зубовым. М.: Никея, 2009.

ПОЧЕМУ НЕКОТОРЫМ ТРУДНО ПОВЕРИТЬ В БОГА?

Стремление человека к Богу — это естественный процесс. Как черепаха, вылупившаяся из яйца под действием неведомых сил стремится к воде, так и человек, появившись на свет, начинает свой путь к Богу. Нет людей, не стремящихся к Богу. Не важно, делает ли это человек осознанно или нет, это стремление заложено в каждом из нас от рождения. Подтвердить это может тот факт, что спрашивая любого человека и себя, в том числе, об отношении к вере и к Богу вы получите вполне аргументированный, продуманный ответ о том, почему человек верит в Бога или не приемлет Его. Это говорит о том, что каждый человек в той или иной степени задумывался об этом и пришел

к определенным выводам. Задайте человеку вопрос, например, о структуре вселенной и вы, скорее всего, получите нейтральный ответ — не знаю, может быть, хотя оба эти вопроса и вопрос существования Бога и структура вселенной в равной степени являются глобальными и лежат, по крайней мере, в данное время, за пределами возможностей физического или научного познания и трактуются, с этой точки зрения, только на уровне гипотез. Оба эти вопроса могут рассматриваться только в области веры и интуиции, однако, ответ на первый вопрос имеет каждый человек и обсуждение этого вопроса вызывает бурю эмоций, в то время, как второй вопрос абсолютно нейтрален и, если кто либо и сообщит вам о новой теории вселенной вы это воспримите всего лишь, как одну из теорий. Почему это происходит? Почему два вопроса лежащих в области веры настолько по-разному отзываются в нас? Почему человек не приемлет Веру в Бога, но вполне допускает веру в квантовую теорию и теорию большого взрыва? Как правило, мы не задаем себе этих вопросов, хотя они очевидны и лежат на поверхности. Если мы задумаемся над этим вопросом еще глубже, мы увидим, что все наши знания на самом деле на 99% представляют из себя веру во что-то — в то, что структура атома такова, как мы ее изучали в школе, что мы поедем этим

летом в отпуск, что свет обладает волновой природой, что нам повысят зарплату, что постоянная Планка равна $6,626 \cdot 10^{-34}$ Дж·с, и т.д. Во всех этих вещах мы не можем быть уверены, что так и есть или будет на самом деле, однако мы верим себе, учителям, ученым, что их теории верны и рассчитаны правильно. Вся наша жизнь состоит из веры во что-то и, зачастую, человек не приемлет только веру в Бога, мотивируя это тем, что существование Бога недоказуемо, а вера в недоказуемое является глупостью. Почему тогда мы все же принимаем на веру так много, но не можем смириться с верой в Бога? Почему такая масса противоречий? Почему мы доверяем ученым, которые говорят нам о структуре вселенной и не доверяем, например, мудрости людей познавших Бога, людей которые посвятили этому вопросу всю свою жизнь и нашли на него ответ, людям, которые в наибольшей степени достойны доверия? Может быть потому, что глубоко задумавшись, не на поверхности, а опустившись в глубины своего сознания, мы ощущаем то, что там в глубине нас самих есть какая-то тайна, есть что-то постоянное, вечное, часть, которая знает Бога. Задумывались ли мы о том, что, если быть честными перед самим собой, то как раз существование Бога не лежит в области веры, а лежит в области нашего внутреннего знания. Эта теория уже обдумана и доказана

каждым перед самим собой в значительно большей степени, чем теория строения атома или корпускулярная теория света. Если этот вопрос нами уже решен, то что же тогда такое спор о Вере в существование Бога? Не является ли он спором не о Боге, а спором со своей собственной совестью? И именно этот факт объясняет столь эмоциональную реакцию при обсуждении этого вопроса потому, что затрагивает нас изнутри, он затрагивает нашу сокровенную часть, наше внутреннее «Я» и отзывается той или иной эмоциональной реакцией. Разве суть этой реакции в факте существования или не существования Бога? Вызовет ли в нас такую же реакцию утверждение, что свет не обладает корпускулярной природой? Очевидно, что нет. В чем же причина? Не в том ли, что хотим мы, чтобы Бог существовал или нет, выгодно ли это нам, не опасно ли это для нас? Не потому, ли мы так горячо говорим о спорности высшей справедливости Бога, что не можем принять справедливость всего происходящего с нами? Не в этом ли суть вопроса о существовании Бога? Подумайте, задайте себе еще и еще раз этот вопрос, ощутите, свое приятие или неприятие Бога, докопайтесь до сути и найдите то почему Вам не выгодно существование Бога. Ищите не веру — она у Вас уже есть, а причину неверия. Обретя Веру вы получите огромное

облегчение, ведь так сложно от самого себя скрывать то, что вы уже знаете — это требует невероятных усилий.

Вера это особого рода знание, которое дано каждому человеку, это знание уже у нас есть, а весь вопрос веры сводится к тому, чтобы скрыть от себя это знание и перевести его в область веры потому, что знание Бога для нас опасно, оно разрушает наше эго, подрывает его корни и приводит к смерти, к смерти эго. «... Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух». Не спорьте ни с кем о Боге — спорьте с собой, со своим эго. Посмотрите на этот вопрос честно и ищите причину неверия в себе, причину, почему Вы скрываете от себя существование Бога. Не поддавайтесь на обман эго, которое если даже под напором аргументов примет факт существования Бога, однако обманет и напугает в другом — в жестокости Бога и неотвратимости наказания, в суде по букве закона. Исаак Сирин пишет: «... те кто исполняет букву закона судят по делам и расстраиваются, когда совершают ошибку даже в малом, а те, кто принял Бога, даже если поступают неправильно, радуются потому, что приняли Бога в душе». Бог есть любовь, а любовь не может наказывать. Это эго предостерегает нас от знания Бога, от полноты знания Бога, т.к. Бог есть смерть его.

В действительности же Бог всегда с нами. Все, что нам нужно — это не скрывать Бога от самого себя.

Стрижов Н. © Memoriam.ru

ЗАЩИТА ПРОТИВ СОВЕСТИ

Я думаю, что атеизм как «опытное знание» — недоразумение. Идеологический атеизм, скажем, философия атеизма может просто соответствовать тому воспитанию, которое вы получили, но когда человек говорит: «Я о Боге ничего не знаю, и поэтому Его не может быть», — это очень примитивный подход. Я могу быть слепым или глухим, ничего не знать о музыке или о видимом мире, но это не доказывает, что его нет. Это может быть осложнено тем, что люди злой воли или сами ослепленные (бывают и другие причины: я вам дам один пример очень любопытный) закрывают другим путь к вере, просто стараясь как бы умертвить способность верить, сводя веру к какому-то религиозному положению, тогда как вера должна охватывать гораздо большую область.

Но иногда человек делается неверующим потому, что это его единственная защита против совести. Мне сейчас вспомнился рассказ одного умного, тонкого, образованного свя-

щенника в Париже. Когда-то он был «безбожником», то есть он без Бога жил и считал себя слишком культурным и развитым, чтобы даже думать о том, чтобы быть верующим. Он разговаривал с одним священником. Сельский священник без всякого особенного образования, который попал из России в эмиграцию, его долго слушал и сказал ему две вещи: «Во-первых, Саша, не так уж важно, что ты в Бога не веришь — Ему от этого ничего, а замечательно, что Бог в тебя верит». И второе: «А ты, Саша, пойдика домой и подумай, в какой момент и почему ты веру потерял, в какой момент тебе оказалось нужным, чтобы Бога не было».

Саша вернулся домой и стал думать; он был озадачен такой постановкой вопроса, таким подходом: он ожидал миссионерской речи или указания читать какие-то трактаты, а вместо этого — пойдика и разберись. И он, как сам рассказывал потом, искал причины сначала в своем образовании в Богословском институте в Париже, потом в университете в России до революции, потом еще где-то, все никак не мог найти, и добрался до шестилетнего возраста. Он жил в одном из городов России, был милый мальчик, ходил в церковь каждое воскресенье и считался очень благочестивым мальчонкой: приходил, крестился, становился посреди церкви впереди и молился Богу. Каждое воскресенье ему давали одну копейку, которую он

должен был положить в шапку нищего слепого; он ее клал и шел в церковь с чувством, что совершил доброе дело, оказал любовь, внимание — и теперь может пойти к Богу с чистой совестью. Как-то перед Рождеством, гуляя с матерью по городу, он набрел на магазин, где была чудная деревянная лошадь, стоившая шесть копеек. Он попросил мать ее купить, та отказала; он вернулся очень огорченный. А в следующее воскресенье, когда он шел в церковь и дошел до нищего, он подумал, что если шесть раз не дать этой копейки, он сможет купить лошадь, — и копейки не дал. Так он поступил четыре раза, а на пятый подумал: а если взять у него одну копейку, то я на две недели раньше смогу купить эту лошадь. И он у слепого украл копейку. После этого он вошел в храм и почувствовал, что не может стоять впереди: вдруг Бог его заметит, — и ушел в какой-то угол. Няня вернулась с ним домой и рассказала родителям, которые пришли в восхищение: до сих пор он был маленький, он становился перед Богом; а теперь он вошел внутрь себя, его жизнь в Боге делается более потаенной, он ищет укромного места, где он мог бы молча и созерцательно пребывать перед Богом (оптимистическая мамаша была!). А Саша чувствовал, что дело очень плохо и что надо от Бога скрываться. И вдруг вернулся из университета его старший брат,

который там нахватался безбожного учения, и ему стал доказывать, что Бога нет. И Саша мне говорил: я за это ухватился. Если Бога нет, то совершенно неважно, что я украл эту копейку и не положил пяти. И с этого началось в нем «безбожие»: учение о том, что Бога нет, он воспринял как единственное спасение против укоров своей совести.

Так что когда человек говорит: «Я неверующий», — или говорит: «Бога нет!», — не всегда надо подходить с философской точки зрения, иногда можно поставить вопрос: Откуда это идет? Не всегда можно поставить его так, как поставил Саше отец Василий, но если вы действительно хотите что-то для этого человека сделать, вы должны себе ставить вопрос за вопросом, чтобы понять; не поняв ничего, вы будете бить мимо всякой мишени.

В каком-то смысле безбожие — это научное недоразумение, это отказ от исследования всей реальности, это так же ненаучно, как сказать: для меня музыка не существует, и поэтому ее нет... Нельзя так ставить вопрос неверующему, потому что, конечно, существует слишком богатый материал, чтобы отбиваться. Но в сущности, безбожие — это нежелание принять свидетельство хотя бы истории, хотя бы отдельных людей, которые говорят: «Я знаю...»

митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом. 2001

ПОЧЕМУ МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ?

В настоящее время мы находимся в таком положении, что уже никакими стенами и никоим образом не можем отделить себя от мира беспредельного религиозного плюрализма. Человек оказался перед лицом такого множества религиозных направлений, каждое из которых предлагает нам свои идеалы, свои нормы жизни, свои воззрения, что предыдущее поколение, пожалуй, не позавидует нам. Чуть-чуть раньше было проще. Основная проблема, перед которой стоял ищущий человек, была вполне ясна — религия и атеизм. Сейчас же, если хотите, появилось нечто гораздо более сложное и худшее. Теперь человеку, прежде чем придти к Православию, уже нужно пройти три и не простые ступени.

Первая из них уже знакомая — есть Бог или нет Его? Но если человек убедился, что Бог есть, то перед ним открывается проблема куда более трудная. Религий-то много, а какая из них истинная, кем ему стать: христианином, а почему бы не мусульманином, а почему не буддистом, почему не кришнаитом? Я не хочу перечислять далее, сейчас много религий и псевдорелигий, сект и синкретических образований и вы их лучше меня знаете. Одним словом, человек оказывается перед

непрерывным вопросом: почему, почему, почему? Такова вторая ступень.

Но и пройдя сквозь дебри этого много­религиозного древа, и убедившись в истинности христианства, человек оказывается перед лицом несколько не менее сложной задачи: а что можно назвать христианством? Ведь оно столь многолико. Кем быть: православным, католиком, протестантом (лютеранином, пятидесятником, баптистом...)? Таким образом, и на третьей ступени далеко не всё просто.

Дальше скажу по секрету, точнее, назову, но не расскажу, поскольку это требует отдельного разговора, что есть и четвертая ступень, требующая особой духовной ревности, постоянного и внимательного изучения Священного Писания и творений святых отцов-подвижников, усилий в борьбе со своими страстями и страстишками, — ступень самая трудная, почему я сразу и не назвал ее. Она состоит в познании того, что есть Православие и что означает быть православным? Вопрос этот приобретает в настоящее время всё более насущный и острый характер.

Вот перед какой ситуацией оказался современный человек. При этом представители новых и старых религий, неправославных конфессий, как правило, имеют значительно большие возможности пропаганды своих идей в средствах массовой информации, чем мы, православные.

Теперь давайте пройдем по этой анфиладе комнат, которая открывается перед каждым ищущим истину, и посмотрим хотя бы в самых общих, но принципиальных чертах, почему все-таки человек должен — не может, а действительно должен на разумных основаниях стать не просто верующим в то, что есть Бог, не просто вообще религиозным и не просто христианином, но христианином православным.

Итак, первая ступень: «Религия и атеизм». Приходится встречаться на конференциях с людьми действительно образованными, учеными, не верхоглядами, и постоянно сталкиваться с одними и теми же вопросами: Есть ли Бог? Кто Он такой? Или, если Бог есть, то почему Он не выступит с трибуны Объединенных Наций и не объявит о Себе? Даже: зачем Он нужен? И такое можно услышать. Что сказать на это?

Нет сомнений, что основным вопросом для человека, независимо от того, осознает он его или ощущает и переживает подсознательно, является вопрос о смысле жизни. И уверен, что каждый человек и все люди ответят на него совершенно однозначно: смысл, конечно же, в жизни. И не просто в жизни, но в осознанной, наполненной положительными чувствами удовлетворения, радости, любви и проч. А как же иначе? Еще никто никогда не мог и во веки веков не будет считать и утверждать, что

конечный смысл жизни человека может быть в вечном сне, в смерти.

Здесь и лежит непроходимый водораздел между религией и атеизмом. Христианство утверждает, что эта земная жизнь является только началом, условием и средством подготовки к вечности, поэтому готовься, человек, ибо тебя ожидает вечная жизнь. При этом христианство предлагает и всё то, что необходимо для достойного в нее вхождения. А что утверждает атеизм? Верь, человек, что нет вечности, нет Бога, нет души. Человеческая личность также смертна, как и тело. Поэтому тебя и, в конечном счете, всё человечество ожидает вечная смерть. Какой ужас, какой пессимизм, какое отчаяние! Мороз по коже от этих страшных слов: «человек, тебя ожидает вечная смерть»! (Я уже не говорю о тех, скажу мягко, странных аргументах, которые приводит атеистическая вера в небытие Бога.) Одно это утверждение заставляет содрогнуться человеческую душу. — Нет, избавьте меня от такой веры.

Когда человек заблудится в лесу, ищет путь домой и вдруг, найдя кого-то, спрашивает: «Есть ли отсюда выход?» А тот ему отвечает: «Нет и не ищи, устраивайся здесь, как можешь», — то удовлетворит ли его такой ответ? Сомнительно. Не начнет ли искать далее? И найдя другого человека, который скажет ему: «Да, выход есть, и я тебе укажу признаки, по

которым ты сможешь отсюда выйти», — то не ему ли он поверит? То же самое происходит и в области мировоззренческих исканий, когда человек оказывается перед лицом религии и атеизма. Пока у человека еще сохраняется искра искания истины, смысла жизни, он психологически не может принять концепции, утверждающей, что его как личность, а, следовательно, и всех людей ожидает вечная смерть. Каков смысл тогда нравственности, идеалов добра, жертвенности, любви к человеку, если завтра умрем?

Не менее убийственным для атеизма является вопрос: «Что я должен сделать, чтобы убедиться, что Бога нет?» — Стать ученым? Но сколько угодно верующих ученых. — Философом? Но среди них также множество верующих в Бога». (Остается одно — пойти на дискотеку, где концерт тяжелого рока — там точно Бога нет.) Но без ответа на этот вопрос атеизм оказывается не более, как слепой верой. Хотя ответ очевиден: есть только один путь, позволяющий убедиться в бытии или небытии Бога — это стать на путь религиозной жизни. Иного способа просто не существует.

Я отметил сейчас только одну сторону, психологически очень существенную, которой, как мне кажется, уже достаточно для каждого человека с живой душой, чтобы понять, что только то мировоззрение, которое принимает

за свою основу Того, Кого мы называем Богом, позволяет говорить о смысле жизни.

Итак, я верю в Бога. Будем считать, что первую комнату мы прошли.

Теперь я вхожу во вторую... Но, Боже мой, что я здесь вижу и слышу? Народу полно, и каждый кричит: «Только у меня истина». И христиане, и мусульмане, и конфуциане, и буддисты, и иудеи и кого только нет. Вот и стоит он, верующий в Бога, посреди всех этих верующих, и ищет, кто же здесь прав-то, кому же верить? Вот задача...

Профессор Московской духовной академии
А.И. Осипов. Лекция по основному богословию,
прочитанная в Сретенском училище 13.09.2000.

Глава 2

ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВИЕ ЕСТЬ ИСТИННАЯ ВЕРА

МИФ О «БРАТСТВЕ РЕЛИГИЙ»

В современном обществе очень популярна следующая идея: каждая религия открывает лишь часть истины, все религии в чем-то верны и все ведут к Одному и Тому же Богу, Который разным народам в разное время открывался по-разному. Попробуем поразмышлять над этими утверждениями.

В основе религий лежат откровения. Православное богословие выделяет три вида откровений. Общее Откровение, которое дается через особых, Богом избранных людей — пророков и апостолов. Это Откровение выражено

Православной Церковью в Священном Писании и Священном Предании. Индивидуальное откровение, которое дается лично человеку с целью его назидания. Естественное откровение, т. е. те представления о Боге, человеке и бытии в целом, к которым можно прийти на основании изучения самого себя и окружающего мира. Многие исследователи религий отмечают сходство разных религий. Действительно, естественное и индивидуальное откровение доступно каждому.

Любая нехристианская религиозная система — это ошибочная система, содержащая некоторые истины. Попытаемся обосновать данную позицию.

В чем уникальность христианства? В Личности Иисуса Христа. Все другие мировые религии — это, по своей сути, попытки человека своими силами взойти на небо. Кем были основатели остальных мировых религий? Людьми, достигшими некоего духовного развития. Христианство — это единственная в мире религия, основанная Самим Богом. Проблема других религий заключается в том, что тайна Боговоплощения Иисуса Христа ими не осознана. Для мусульман Иисус Христос — пророк, для последователей New Age (Нью Эйдж) — человек, ставший Христом, для буддистов — бодхисаттва, но истинного представления об Иисусе Христе ни одна религия, кроме самого христи-

анства, так и не познала. Во Христе человек воссоединился с Богом, этот факт уникален и ни в одной мировой религии не повторен. Рационального объяснения события Боговоплощения не существует, это вопрос веры. Но не затронуть эту тему в рамках рассматриваемого нами вопроса было бы нельзя. Теперь перейдем к дальнейшему сравнению христианства с другими религиями.

Прежде всего, в отличие от большинства мировых религиозных систем, и уж тем более от сект, христианство исторично, а не мифологично. В литературе первого и второго веков существует немало независимых исторических свидетельств о Христе и жизни первых христиан.

Христианство провозглашает самые высокие нравственные эталоны жизни, с которыми не может сравниться ни одна мировая религия. Именно христианство провозгласило, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16). Любить же может только личность: Бог христиан Личен. В христианстве нравственные законы абсолютны, в отличие от всех пантеистических систем, где добро и зло одинаково иллюзорны. Но если не существует четкого разграничения добра и зла, то само понятие нравственности отменяется, оно просто исчезает. Индуизм и все оккультные течения и секты, основанные на пантеизме, по своей сути аморальны, что

следует из их учения, при условии его непредвзятого исследования. Именно христианство провозгласило принцип свободы личности, которым так гордится Запад: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1, 26). Мы уважаем свободу личности, потому что это дар Бога, язычество же, основанное на пантеизме, уничтожает свободу, ведь система пантеизма гласит, что Бог растворен в каждом, личность — это ограничение, «маска», скрывающая Бога. Это значит, что надо уничтожить личность, а значит, и свободу личности. Именно христианство заложило идею свободы от рабства, с которым языческое мировоззрение спокойно мирилось, считая его естественным. Христианство провозгласило ценность каждого человека и основным законом выдвинуло милосердие: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Современное общество так гордится своими социальными достижениями, благотворительностью, но ведь они уходят своими корнями в христианское вероучение о любви к ближним. Если, например, следовать закону кармы, который многие наши сограждане считают прогрессивным по сравнению с «отсталым и архаичным» христианством, то из него следуют вывод о том, что все страдания являются следствием прошлых деяний человека, поэтому, помогая человеку, мы тем самым

усугубляем его карму. Таким образом, с точки зрения учения о законе кармы, милосерднее было бы не спасать человека от страданий, а позволить ему мучиться, чтобы он быстрее «изжил» свою неблагоприятную карму.

Сторонники идеи существования «многих путей», ведущих к Богу, могут сказать, что полнотой истины не обладает ни одна религия. С этим утверждением можно было бы частично согласиться, но даже если мы не можем признать, что знаем о Боге абсолютно все, мы не можем сказать, что мы вообще не знаем о Нем ничего, соответствующего истине. А если это так, то на основании имеющихся знаний мы можем делать уже некоторые заключения об истинности других религий.

В логике есть закон исключенного третьего, суть которого сводится к тому, что два взаимоисключающих утверждения не могут быть одновременно истинными. Быть одновременно истинными эти два утверждения не могут. Сравним представление христиан о личностном Боге с пантеистичной безличностной концепцией бога. Безличная сила, в которой нет внутренних различий, не способна проявлять личностные качества, например, любовь, знание, сочувствие, разум, в то время как Личный Бог всем этим обладает. Отношение людей к Богу-Личности и к безличному богу принципиально отличаются, потому что

в любых взаимоотношениях огромную роль играет нравственная сфера человека. Она же в этих концепциях не просто различна, но диаметрально противоположна. Как видим, эти две концепции никак не могут дополнить друг друга, они взаимно друг друга исключают.

За отстаивание христианами факта своей уникальности их постоянно обвиняют в нетерпимости к другим религиям. Но так ли это? К чему христианин должен быть терпим, а к чему нет? Терпимость можно считать приемлемой, если под ней понимается признание за каждым человеком права верить в то, что он считает истиной. Есть «социальная» терпимость, т. е. признание того, что ко всем людям нужно относиться с уважением, независимо от их религиозных убеждений. И есть «некритическая» терпимость, т. е. мнение, что никакие религиозные воззрения нельзя назвать ложными или менее значимыми, чем другие религиозные убеждения. Фактически «некритическая» терпимость означает запрет любой критики других учений. Вне всяких сомнений, христиане должны проявлять «законную» и «социальную» терпимость, но «некритическая» терпимость ставит под вопрос сам факт существования истины как таковой. Если такую терпимость сделать нормой, то почему бы и сатанизм с человеческими жертвоприношениями не объявить вне критики?

Христианам часто говорят, что Христос призывал не судить никого вокруг (Мф. 7, 1–15), но забывают добавить, что Он добавлял: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7, 24). Последователям «некритичной» веротерпимости следует напомнить, что главный вопрос заключается не в терпимости или отсутствии таковой у кого-либо, а в истинности исповедуемого мировоззрения, на основании которого строится вся жизнь человека, которое определяет его посмертную участь. Христиан любят обвинять в узости мышления, но это довод не рациональный, а скорее эмоциональный: если говорить правду является проявлением «узости мышления», то лучше «узко мыслить» таким образом, чем говорить ложь.

Утверждается, что есть учения, которые полностью примиряют религии между собой, которые нашли «золотой ключик», с помощью которого можно навсегда закрыть проблему межрелигиозного различия. Но это не более чем миф. На практике все выглядит совершенно иначе. Все подобные учения декларируют свою толерантность только на словах, в реальности они предлагают христианам полностью отказаться от своих догматов и последовать за ними. Например, ученик Рамакришны Свами Вивекананда пишет: «К настоящему времени Веды остаются вершинным достижением всего человеческого опыта, умозрений,

анализа, воплощенным в книгах, отобранных и отшлифованных столетиями»¹. О христианах же он пишет так: «Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью». В основном, все, кто заявляют о своей терпимости к другим религиям, просто лгут.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

ХРИСТИАНСТВО ИСТИННО

Какая же из религий истинна? Наверное, та, которая может доказать свое Божественное происхождение. Ибо по определению Бог есть истина. Для этого религия должна представить объективные доказательства, свидетельствующие о том, что ее учение ни откуда не заимствовано, не было создано на основе каких-либо религиозных и философских систем. Так вот, христианство (и только оно) отвечает этим требованиям. Если вам придётся вести разговоры с представителями других религий на эту тему, то вы спросите: «Какие у вас есть аргументы, подтверждающие истинность вашей религии?» Вы даже не представляете, насколько безответен для них этот вопрос.

¹ Свами Вивекананда. Практическая веданта. М.: Ладомир. 1993. С. 368.

Христианство же имеет целый ряд объективных, я подчёркиваю, объективных аргументов, свидетельствующих о нём как о религии, имеющей своим источником именно Бога. Такое утверждение может показаться очень сильным, и потому оно требует для своего должного раскрытия специального времени. Кто заинтересуется данным вопросом, может познакомиться с ним на моем сайте, где есть лекции и на эту тему. Сейчас же лишь представлю эти аргументы.

Исторический. Он наглядно показывает, что в условиях жесточайших гонений на христиан в течение почти трех столетий со стороны иудеев и Римского государства, христианство без особой Божественной помощи не смогло бы выжить.

Духовно-нравственный — говорит о совершенно новом, «антирелигиозном» понимании спасения человека — первым в рай вошел разбойник.

Вероучительный — анализирует все основные истины христианства (о Боге Любви, Боге Троице, Логосе, Боговоплощении, распятом Спасителе, Воскресении Христа, спасении, таинствах, эсхатологии) в сопоставлении с учением предшествовавших религий и философских систем. Этот анализ показывает, что все специфически христианские истины веры являются принципиально новыми в духовной

истории человечества. Даже Ф. Энгельс вынужден был констатировать, что христианство «встало в резкое противоречие по отношению ко всем существовавшим до нее религиям». Но если так, то откуда же оно возникло? Тем более, если учесть, что ни Иисус Христос, ни Его апостолы, в основном простые рыбаки, не были людьми образованными и не могли ни заимствовать извне столь высокие идеи, ни тем более создать такую принципиально новую религию силою своего ума. Поэтому остается только одно — признать Божественность Христа и, следовательно, истинность Его религии.

Проф. Московской Духовной Академии А.И. Осипов

ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ МНОГО РЕЛИГИЙ?

Мы знаем, что только истинная религия — христианство была создана Самим Богом. Кем были созданы другие религии — обычными людьми, жаждавшими славы и власти, или сатаной, желавшим любыми путями увести людей от истинной веры Христовой? Почему Господь позволил некоторым из них так распространиться, что они считаются «мировыми религиями» наряду с христианством?

Религия есть союз человека с Богом. Этот союз предполагает не только устремленность

человека к своему Творцу, но и живое, реальное воздействие Бога на личность человека. Этого нет там, где нет истинного познания Бога, т. е. в религиях, которые принято называть естественными, потому что происхождение их связано с проявлением естественных человеческих сил (разума, воли и чувств). Все они являются выражением субъективного стремления человека к Богу, которое не привело к подлинному Богообщению (в смысле союза человека с Богом). Возникает подмена: сверхъестественные воздействия на человека демонических сил принимаются за Божественную благодать. Это хорошо наблюдается в различных видах восточного оккультизма и в харизматических сектах.

Первая неистинная массовая религия в истории человечества — язычество. Грехопадение повредило человеческую природу. Своим пренебрежением Божественной заповеди человек отделился от Источника Жизни. Оставшись после падения при своих естественных, и притом испорченных, силах, люди неизбежно стали создавать искаженные образы сверхъестественного. Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или дви-

жущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила (Прем. Сол. 13, 1–2).

Почему Господь позволил некоторым из религий так распространиться? Потому, что Бог дал человеку свободу воли и не отнимает ее, если даже человек заблуждается. Ведь и атеизм и неверие тоже распространились в мире и составляют как бы мировую псевдорелигию, основанную на вере в абсолютность материи. Почему? Потому что человек свободен, и насильственно заставить его верить и спасаться невозможно.

Иеромонах Иов (Гумеров). Православие.ru

МОЖНО ЛИ БЫТЬ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЕЗ ХРИСТИАНСТВА?

«Разве нельзя быть хорошим человеком и без христианства?» — нередко спрашивают люди. Об этом меня попросили написать, и я пишу, но начну я немного издалека. Вопрос поставлен так, словно вы думаете: «Мне все равно, кто прав, христиане или материалисты. Мне все равно, каково мироздание. Я хочу правильно и счастливо жить и выберу не то, что верно, а то, что полезно».

Честно говоря, мне такой взгляд понять трудно. Человек, среди прочего, тем и отличается от

животных, что ему хочется знать, какова действительность, не ради пользы, а просто так, ради знания. Когда же ему этого не хочется, он, по-своему, ниже человека. В сущности, я и не верю, что у кого-нибудь из вас нет этого желания. Наверное, вы слишком часто слышали от глупых проповедников, что христианство все у вас уладит, и забыли, что оно — не патентованные таблетки. Христианское вероучение сообщает нам некие факты, и если они неверны, ни один честный человек не вправе им верить, как бы они ни помогали; а если верны, всякий честный человек верить в них обязан, даже если помощи от них нет... Когда мы это поймем, мы поймем и другое. Если христианство истинно, просто не может быть, чтобы приверженцы его и противники были одинаково оснащены для «хорошей, правильной жизни».

Представьте себе, что вы хотите помочь дистрофику. Не зная медицины, вы его плотно накормите, и он умрет. Нелегко действовать в темноте. И христианин, и неверующий могут желать ближнему добра. Но один считает, что люди живут вечно, созданы Богом и лишь в Боге находят истинную и прочную радость, а другой считает, что они — случайный плод слепой материи, что живут они лет семьдесят, счастье их зависит от комфорта, удовольствий и т. п., а все на свете — аборт, вивисекция, законодательство, воспитание — хорошо или

плохо только в зависимости от того, способствует ли оно такому счастью.

Во многом эти два человека согласятся. Оба считают, что людей надо лечить, кормить, одевать. Но рано или поздно разница в вере начнет сказываться. Например, материалист просто спросит: «Лучше ли от этого большинству?», а христианин может сказать: «Если и лучше, мы — против, ибо это несправедливо». И вечно, всегда их будет разделять черта, четкая, как меч. Для материалиста нация, класс, цивилизация важнее человека, так как «дней наших — семьдесят лет, а при большей крепости — семьдесят» (Пс. 89, 10), сообщество же может продержаться гораздо дольше. Для христианина человек важнее всего, ибо он живет вечно, и перед ним цивилизации и расы — просто однодневки. Христиане и материалисты по-разному видят мироздание. Прав кто-то один, а тот, кто неправ, неизбежно станет действовать по закону своего, ложного мира; и при самой доброй воле помощь его будет ближнему в погибель. При самой доброй воле... Значит, он ни в чем не виноват? Значит, Бог (если Он, конечно, есть) с него не спросит? Но ведь нас волновало не это! Я не верю, что вы готовы действовать в темноте всю жизнь, сея несметное множество зол, если за себя вы спокойны. Не верю, что вы, мой читатель, пали так низко. Если же пали — и для вас найдутся доводы.

Не думайте, что вопрос в том, может ли кто-нибудь быть хорошим без христианства. Перед каждым из нас стоит другой вопрос: «Могу ли я?» Все мы знаем, что вне христианства были хорошие люди — скажем, Сократ и Конфуций, которые о нем не слышали, или Джон Стюарт Милль, не веривший в него. Если христианство истинно, люди эти пребывали в честном неведении или в честном заблуждении. Если воля их была так добра, как мне кажется (ведь я, что ни говори, не знаю тайны их сердец), мы вправе верить и надеяться, что Бог в Своем милосердии сумел исправить и предотвратить зло, которое они причинили бы по неведению и себе, и тем, на кого они влияли. Но вы, задавший мне этот вопрос, — в ином положении. Если бы вы о христианстве не слышали, вы бы и не спрашивали. Если бы, услышав, серьезно все обдумали и отвергли, вы бы тоже не спросили. Значит, на самом деле вы спрашиваете: «Стоит ли мне беспокоиться? Не проще ли жить, как жил? Разве мало доброй воли? Разве непременно надо стучаться в страшную дверь?»

Прежде всего, я отвечу, что вы собираетесь быть хорошим, не зная, что такое «хорошо». Но этого мало. Незачем спрашивать, накажет ли вас Бог за леность и малодушие; они сами себя накажут. Ведь вы передергиваете. Вы намеренно не хотите знать, истин-

но ли христианство, потому что боитесь, что с ним хлопот не оберешься. Так мы нарочно забываем посмотреть на доску объявлений, чтобы не увидеть там своего имени, или зайти в банк и справиться, не кончился ли наш счет. Так мы избегаем врача, чтобы не узнать о своей болезни. Человек, не верующий по этим причинам, не находится в честном заблуждении. Он — в заблуждении нечестном, и нечестность эта окрасит его дела и помыслы, так как он утратил девственность разума. Если вы просто избегаете Его, переходите на другую сторону улицы, не снимаете телефонной трубки, не распечатываете писем, — это дело другое. Быть может, вы и впрямь не уверены, надо ли быть христианином, но вы прекрасно знаете, что надо быть человеком, а не страусом. Честь разума пала в наши дни так низко, что меня спросят: «А какая мне польза? Стану ли я счастливее? Стану ли лучше? Если вы в этом ручаетесь, что ж, приму христианство». Но я не хочу отвечать на этом уровне. Вот — дверь, за которой вас ждет разгадка мироздания. Если ее там нет, христиане обманывают вас, как никто никого не обманывал за все века истории. И всякий человек (человек, не кролик) просто обязан выяснить, как обстоит дело, а потом — или всеми силами разоблачать преступный обман, или всей душой, помышлениями и сердцем предаться истине. Неужели вам

безразлично все, кроме «правильной жизни»? Ладно, скажу уж: христианство поможет вам, и гораздо больше, чем вы думаете. А первая помощь будет в том, что оно вобьет вам в голову очень важную и не очень приятную вещь. Все, что вы до сих пор считали «приличной», или «правильной», жизнью, — добропорядочность, благодушие и многое другое — совсем не так всецелительно, как вам казалось. Христианство научит вас, что вы и дня не можете пробыть «хорошим» без Божьей помощи. Потом оно научит еще, что если бы вы и смогли, вы все равно не достигли бы того, для чего вы созданы. Простая «нравственность» — не цель жизни. Вам уготовано иное. Милль и Конфуций (о Сократе не говорю, он был гораздо ближе к истине) просто не знали, для чего мы живем. Не знают этого и те, кто задает вопрос, с которого начинается статья. Если бы они знали, они бы поняли, что «порядочность» — чистейшая ерунда перед истинным замыслом о человеке. Нравственность необходима; но жизнь в Боге, к которой мы призываем, просто поглощает, вбирает ее. Мы должны родиться заново. Все кроличье в нас должно исчезнуть — и то, что роднит нас с похотливым кроликом, и то, что роднит нас с кроликом ответственным, порядочным, приличным. Шерсть будет вылезать с кровью, и, изнемогши от крика, мы вдруг обнаружим то, что было под шкуркой, —

Человека, сына Божия, сильного, мудрого, прекрасного и радостного.

«Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор. 13, 10). Желание «быть хорошим без Христа» зиждется на двух ошибках. Во-первых, это вам не под силу, во-вторых, это не цель вашей жизни. Нельзя взобраться самому на высокую гору праведности, но если бы мы и взобрались, мы бы погибли во льдах и разреженном воздухе. Начиная с определенной высоты, не помогут ни ноги, ни топорик, ни веревка. Нужны крылья; дальше придется лететь.

К. С. Льюис. Тихоновский благовест, № 3 (15), 2005.

СПАСИТЕЛЬ БЕЗНАДЕЖНЫХ

Разговор начистоту

Здравствуйте. Хочу задать вопрос, который возник у меня после прочтения нескольких книг о Православии. Везде написано, что христианство — религия спасения, что главная задача христианина — спастись. Насколько я понимаю, спастись — значит прожить жизнь так, чтобы Бог взял тебя в Рай. А для этого нужно делать добро и избегать зла. Это очень красиво и убедительно.

Но я не понимаю, почему для этого обязательно нужно становиться христианином? Ведь

вокруг множество хороших, добрых людей, не исповедующих христианство, которые, тем не менее, стремятся строить свою жизнь по такому же принципу: творить добро и не делать никому зла.

Выходит, что добро, сотворенное неверующими людьми, негодно Богу христиан? Но в таком случае добро неверующих людей в нравственном смысле — выше, потому что оно — бескорыстно. Ведь христианин творит добро в надежде на воздаяние от Бога, а неверующий не ждет награды и творит добро ради самого добра.

Так можно ли быть хорошим человеком и не спастись лишь потому, что ты — не член Церкви?

С уважением, Сергей Николаевич

Хорошие люди — спасаются. Плохие, соответственно — погибают. Такое понимание спасения — не редкость в современном мире. Все тут, вроде бы, ясно, логично и не нуждается в пояснениях. Но давайте попытаемся разобраться: а кто же такой этот самый — хороший человек? По каким признакам можно определить, что вот этот человек — хороший, и достоин спасения, а вон тот — так себе человечешко и спасения не заслуживает?

Здесь мы сразу столкнемся с рядом проблем. Предположим, водопроводчик дядя

Вася регулярно пропивает зарплату и бьет свою жену. А его сосед, профессор математики — человек непьющий, добросовестный труженик и прекрасный семьянин. Кто из них хороший, а кто плохой? Ответ, казалось бы, очевиден: конечно, профессор хороший, а водопроводчик — редкостная дрянь. Но вот студенты, которых профессор «заваливает» на каждой сессии по малейшему поводу, вряд ли согласятся с подобной оценкой нелюбимого преподавателя. А собутыльники водопроводчика, напротив, убеждены, что дядя Вася — прекрасный человек, а его жена — кобра, мешающая культурному отдыху настоящих мужчин.

Причина такой путаницы, как это ни странно — в отсутствии объективных критериев понятия «хороший человек». Представления о добре и зле в массовом сознании сегодня, к сожалению, весьма бессистемны, слабо осмыслены и не имеют под собой никакого основания, кроме личных предпочтений, расхожих стереотипов и мнений, сложившихся в силу влияния социальной среды, полученного воспитания и образования. То, что считает для себя порядочным один человек, другой, возможно, оценит как недолжный, нечестный поступок. Поэтому категории «хорошо-плохо» в светской этике сегодня все больше напоминают формулировку Лесковского персонажа: «Что русскому хорошо, то немцу — смерть».

Можно, конечно, попытаться вывести четкие этические критерии из мнения статистического большинства. Но двадцатый век убедительно доказал, что в разделении людей на плохих и хороших ошибаться могут даже целые народы. А ошибки такого масштаба всегда чреватые колючей проволокой нового ГУЛАГа, или печами очередного Освенцима.

Но если мы обратимся к христианской этике, мы увидим еще более загадочную картину. Дело в том, что в христианстве вообще нет понятия «хороший человек». Ни в одной из двадцати семи книг Нового Завета это словосочетание не встречается ни разу. В христианстве человек не отождествляется со своими качествами и поступками. Иначе говоря, поступающий плохо не назван в Евангелии — плохим. Равно как и совершающий хорошие дела не определяется как — хороший. Более того, у христиан есть строгий запрет на определения подобного рода. Господь говорит: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». Поэтому очевидно, что критерии спасения следует искать там, где не происходит деления людей на плохих и хороших.

Разбойники, мытари и блудницы

В «Записных книжках» И. Ильфа и Е. Петрова есть замечательный по своей нелепости ло-

зунг, подсмотренный ими на спасательной станции одного из одесских пляжей. Лозунг гласил: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Абсурдность подобного метода спасения на водах очевидна. Ведь утопающий — это тот, кто действительно нуждается в спасении, кто погибает и помочь себе уже не в состоянии. А если у купающегося человека на воде возникли какие-то проблемы, но он в состоянии справиться с ними без посторонней помощи, то вряд ли можно назвать его утопающим.

Рассмотрев христианское учение о Спасении, мы обнаружим тот же принцип: спасти можно только погибающего. На протяжении всего Евангельского повествования Христос постоянно общается с людьми, которых вряд ли можно назвать хорошими. Мытари, блудницы, законченные грешники приходили к Нему в надежде на прощение своих грехов. И никто из них не был Им осужден или отвергнут. Более того, первым человеком, вошедшим в Царствие Небесное, стал... уголовный преступник, разбойник, распятый рядом с Христом на Голгофе. Вот как говорит об этом Евангелие: «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. ...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал

его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Но кого же тогда осуждает Христос? Как ни странно — тех, кого их соплеменники считали безусловно хорошими людьми, и даже праведниками: фарисеев, книжников и старейшин Иудейских. «...Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие». Кто такие блудницы, сегодняшнему читателю объяснять не надо. А мытарями в Евангелии названы набранные из местного населения сборщики налогов в римскую казну. Пользуясь своим привилегированным положением, они бессовестно обирали земляков, взимая с них много больше положенного. В общем — нечто среднее между проворовавшимися налоговыми инспекторами и полицаями времен Великой Отечественной. И такой вот народ был оценен Христом выше, нежели знатоки и ревнители иудейского Закона!

А причина такой оценки очень проста. Все грешники, приходившие ко Христу просить его о прощении своих грехов, были совершенно уверены, что не имеют никаких заслуг

перед Богом. Это были изгои, отверженные своим народом. Все они знали, что ничего, кроме осуждения, ни у людей, ни у Бога не заслужили. Кроме милости Божией, им не на что было рассчитывать. И они получили эту милость. Это, конечно, не значит, будто Христос спасает только преступников и негодяев. Просто опустившийся до дна лучше понимает, что тонет. А от дна иногда удобнее оттолкнуться.

В одной из книг Библии Бог назван удивительными словами — «Спаситель безнадежных». В этой фразе очень точно выражена сама сущность христианства. Кого спасает Христос? Тех, кто, оказавшись в безвыходной ситуации, просит Его о помощи, ни на что более не надеясь. Эти погибающие люди и называют себя христианами. А делить гибнущих на «плохих» и «хороших» не принято даже у спасателей с одесского пляжа. И если хороший человек, не будучи христианином, надеется спастись, этому может быть лишь два объяснения. Либо такой человек не понимает кто такие христиане, либо не считает свое положение окончательно безнадежным. Он может надеяться на собственные силы или на помощь кого-то еще, кроме Христа. И это — его законное право. Бог не отнимает у человека свободы выбора. Но всем хорошим (да и плохим тоже) людям нужно ясно понимать масштаб беды, от которой Христос спасает тех, кто согласился назвать Его

своим Господом. Потому что Христос спасает Своих людей от смерти.

Свободолюбивый водолаз

Ни один человек не знает своего будущего. Мир вокруг нас постоянно и стремительно меняется. Вместе с ним меняемся и мы сами. Каждое прожитое мгновение приносит в нашу жизнь новые обстоятельства, заставляющие нас корректировать свои планы даже на самое ближайшее время. Мы можем лишь предполагать с разной степенью уверенности, что с нами произойдет, а чего мы попытаемся избежать. И лишь в одном факте нашей будущей биографии каждый из нас может быть абсолютно уверен. Мы все умрем.

Каждый — в свой срок. Одни — от старости, другие — от болезней или несчастных случаев...

Но умрем обязательно. Человек боится смерти и не любит о ней думать. Но это не меняет дела. По сути, мы начинаем умирать в момент своего рождения. И каждая секунда приближает нас к концу нашей жизни. Вот тут и возникает вопрос вопросов. Если смерть — полное прекращение бытия человеческой личности, то совершенно непонятно: а зачем все это было нужно? Ну жил человек какое-то время, ну радовался, страдал... Пытался познать мир, себя в этом мире, искал смысл

своего существования. А смысл оказался в том, что и сам он, и его дети и дети их детей, все без исключения приговорены к смерти. И остается лишь потратить оставшееся время жизни на получение максимального количества удовольствий. Которые, правда, тоже довольно быстро приедаются. Но это все-таки лучше, чем ничего...

Христианство предлагает совершенно иной взгляд на жизнь и смерть. Человек рождается для того, чтобы жить вечно. Смерть для христиан не конец, а просто переход к другой форме существования. И качество этого существования напрямую зависит от того, как человек прожил свою земную жизнь. Иными словами, мы можем использовать свою жизнь как ступеньку к Жизни Вечной. А вот каким образом это происходит, мы можем понять лишь, выяснив, что такое смерть и откуда она появилась.

Христианское вероучение утверждает, что Бог не сотворил смерти. С религиозной точки зрения смерть — результат неверно употребленной свободы, которую Бог предоставил первым людям. Человек был создан с очень высоким предназначением — быть заместителем Бога на земле. По замыслу Божию, он должен был царствовать над всем материальным миром, выполняя волю Божию об этом мире. Но человек мог также отказаться от этой миссии и начать жить по своей воле. К сожалению, пер-

вые люди избрали второй вариант отношений с Богом. Но ведь человек не имеет в себе источника жизни, поскольку эту жизнь дал ему Бог. Что же происходит с живым существом, оторвавшимся от источника своей жизни? На эту тему в современной православной публицистике есть расхожий аллегорический сюжет.

Предположим, водолаз работает глубоко под водой, на морском дне. Воздух, необходимый для дыхания, поступает к нему с поверхности моря по шлангу. И вдруг водолаз решает, что этот шланг сковывает его свободу передвижения. Чтобы спокойно ходить по дну в любом направлении на большие расстояния, водолаз перерезает шланг... Дальнейшая его судьба — очевидна.

Отпав от Бога, человек начал умирать. Эта смертность перешла по наследству и всем его потомкам. Отпадение от Бога как источника жизни вызвало патологические изменения в духовной и физической природе человека. Он, можно сказать, заразился смертельным заболеванием, которое передается по наследству и, несмотря на все человеческие усилия, неизлечимо.

Но «...невозможное человекам, возможно Богу». Сам Создатель этого мира пришел к людям, чтобы исцелить больную природу человека и восстановить связь человека с Богом, которую первые люди так неосмотрительно раз-

рушили. Отпадение произошло из-за уклонения человеческой воли ко злу. Следовательно, для того чтобы спастись, человек должен привести свою волю в соответствие с Волей Божией, которая выражена в заповедях. Вот, казалось бы, и ответ на вопрос: можно быть просто хорошим человеком, исполнять заповеди и, тем самым — спастись, не будучи при этом христианином. И здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом христианства. Дело в том, что важнейшим моментом в вере христиан является их убеждение в полной своей неспособности к исполнению какой-либо Божией заповеди.

Корысть — значит польза

В христианском понимании добро — это следование замыслу Бога о мире и человеке, а зло — уклонение от Божией воли. Отпадение от Бога искалечило нравственную природу человека. Все его душевные качества, изначально предназначенные для добрых дел, пришли в расстройство. Добро падшего человека оказалось перемешанным со злом. Даже зная, что такое добро, в чем Воля Божия, человек не в состоянии ее выполнить при самом горячем своем желании. В этом легко убедиться каждому. Стоит, например, попытаться хотя бы на один день прекратить делить людей на плохих и хороших (т.е. исполнить заповедь о неосуждении ближнего). И сразу станет ясно — мы на это не

способны. Наша больная природа мешает нашим благим намерениям. Вот как об этом писал апостол Павел: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Водитель, нарушивший правила дорожного движения и попавший в аварию, не может ехать дальше вовсе не потому, что забыл правила. А потому, что у него сломаны руки.

И если бы Христос дал людям заповеди просто как формальное знание о добре, это было бы невероятно жестоко. Заповеди оказались бы тогда для падшего человека непреодолимой стеной. Но Господь пообещал свою помощь любому, кто решится жить по Его Заповедям: «...И вот, Я с вами во все дни до скончания века». Эту Божию помощь в совершении добра христиане называют — Благодатью. И ни одно из добрых дел, совершенных ими, они не приписывают себе. Источник любого добра для христиан — их Бог, который сказал: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего». От человека требуется лишь проявить волевою

решимость к исполнению Заповеди. А силы на это исполнение дает Бог. Такое сотворчество человека и Бога в деле спасения богословие называет «синергией».

И мысль о том, будто христиане делают добро в надежде на награду, может возникнуть лишь у того, кто не знает слов Христа: «...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».

Церковь — это больница. Врач в этой больнице — Христос. А христиане — всего лишь больные, старающиеся точно исполнять предписания Врача. Выздоровление, в известном смысле, действительно можно рассматривать как награду за решимость отправиться на лечение.

Но ведь спасение — это единение человеческого духа с Духом Божиим. И если человек делает добро, не имея в виду этой цели, то, наверное, есть смысл вспомнить о том, что слово «корысть» употребляется в русском языке и в значении — «польза». Бескорыстное творение добра может оказаться для человека — бесполезным, если не приводит его к Источнику всякого добра.

Самая страшная болезнь

Тертуллиан писал, что душа человеческая по самой природе своей христианка. Ведь Бог

создал людей по подобию Своему. Поэтому стремление делать добро является естественным свойством и потребностью любого человека, независимо от его религиозных убеждений. Это и есть тот самый нравственный закон в человеке, который так удивлял Иммануила Канта. И людей, стремящихся следовать этому естественному закону добра, очень много. Несмотря на поврежденность Образа Божия, человек бережно хранит в себе искорки природного добра, интуитивно понимая, что это самое ценное его достояние.

Так изможденный долгими странствиями в пустыне путник дорожит флягой с последним запасом воды. Вода эта — мутная и плохо пахнет, но для путника она ценнее всех сокровищ мира. И вдруг за очередным барханом перед ним открывается огромное озеро, наполненное удивительно чистой и свежей водой. И что же делать этому путнику? Он может кинуться к озеру из последних сил, бросая все, что мешает бежать, чтобы быстрее окунуться в спасительные прохладные волны. Но может решить для себя, что вода у него еще осталась, и будет идти вдоль берега, пока не кончится его скудный запас. А потом умрет от жажды, так и не прикоснувшись к прозрачной воде, которая плескалась у самых его ног.

Христос сказал: «Кто жаждет, иди ко мне и пей». Сказано это о жажде добра, о стремле-

нии к истине, как — к высшему благу. И тем, кто творит добро ради самого добра, Господь обязательно открывает Себя. А вот примет ли человек Христа как своего Спасителя или посчитает для себя достаточным просто следовать Его Заповедям, как еще одному из множества этических учений — это дело личного выбора каждого человека, будь он хороший или плохой. Но когда человек считает Христа — Богом, и все же надеется спастись собственными добродетелями, тогда он и вправду рискует остаться вне спасения, даже если является членом Церкви. Потому что самая страшная болезнь человеческого духа — уверенность в собственном здоровье.

Александр Ткаченко, «Фома» № 4 за 2006 год

О ТОМ, ПОЧЕМУ КАЖДОМУ ОБРАЗОВАННОМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕОБХОДИМО УЗНАТЬ ПРАВОСЛАВИЕ

Сейчас говорят и знают в основном, о буддизме, о йоге. О политике. О науке. О спорте. О вещах очень или не очень далеких... Но что мы знаем о том, что всегда было и есть РЯДОМ с нами? Что мы знаем о Православии?

Мы (я буду говорить «мы», потому что Православие не учит делить живых людей на своих и чужих, на спасенных и не спасенных, не ставит

крещеного выше некрещеного; каждый может погибнуть, и каждый может обрести спасение) — мы жаждем свободы. Это главная ценность современной цивилизации — свобода. «Пусть мне ничего не навязывают, пусть мне покажут, и я сам стану выбирать все лучшее» — вот наш девиз.

Что же, пусть будет так. Но из чего выбирать и что выбрать? Если, например, выбор заключается в том, чтобы выбрать между Кока- и Пепси-колой, то это, согласитесь, не более чем профанация выбора. Или если наша свобода предполагается в пределах двух измерений, и никак не хочет учитывать третьего — то это свобода... ползать по плоскости.

Наконец, если решая вопрос «как жить», мы заранее отказываемся рассматривать православный ответ как одну из серьезных альтернатив — то, значит, и выбор наш является менее свободным.

Какая же это свобода выбора, если у нас с вами знаний о вере отцов значительно меньше, чем о тибетской Шамбале?

Кто-то из нас скажет: «Да знаем мы эту самую веру! Знаем мы эти свечки, иконы и поклоны, эти страдания адом за «грехи» и обещания райских куш».

А все-таки — знаем ли? Помним ли?

Россия, начало 20-х годов. Один из тысяч эпизодов тогдашней жестокой действитель-

ности: на краю братской могилы выстроены сорок арестованных. Это сорок «церковников» — как их тогда называли — совершенно разных по возрасту и образованию людей.

Работник ВЧК приставляет к голове очередного «церковника» револьвер и спрашивает: «Есть Бог? Если скажешь «нет» — мы тебя отпустим». И вот каждый из этих, в жизни своей очень разных людей, коротко отвечает: «Есть»... Их расстреляли.

Но зачем они решили умереть? Допустим, все они примитивные, дремучие фанатики, верящие всяким «бредням». Но ведь почему-то из-за этих «бредней» безоружных, и, по существу, ничем не способных помешать новой власти людей понадобилось арестовывать, допрашивать, охранять, держать в камерах, а потом расстреливать!

В то время обвиняли либо в «контрреволюционной деятельности» — за призыв сохранять личную, веру в Бога и воспитывать в Православии детей. Либо — «за сопротивление изъятию церковных ценностей».

С первым обвинением, как говорится, все ясно. А что касается второго. Многие ведь и сегодня считают священников и клириков просто хитрыми (или не очень хитрыми) приобретателями — типа отца Федора из «Двенадцати стульев». Такие люди, конечно же, есть среди тысяч священнослужителей.

Но о. Федор, который кажется таким «типичным» батюшкой, вряд ли стал бы так упорствовать в богословском споре, если спор этот окончится не обретением стула с бриллиантами, а «пулей в лоб»?

Однако в сотнях, да теперь уже тысячах известных случаев мучительства и уничтожения священников, диаконов, просто верующих — все они оказались готовы погибнуть не за богатства, не за капиталы, а за свою веру.

Вот другой пример. Профессор Войно-Ясенецкий (с 20-х годов — архиепископ Лука), замечательный хирург и ученый и, одновременно, священнослужитель, был в 30-е годы арестован. Он выжил, вновь оперировал и даже удостоился Сталинской премии за книгу «Очерки гнойной хирургии». И тем не менее, и до, и после своих злоключений профессор упорно отказывался приступать к операции без молитвы и крестного знамения! И более того — упорно не желал выступать на научных конференциях и лекциях в мирской одежде! — Почему?

Хорошо ли мы понимаем причины, заставившие людей делать выбор в пользу Православия?

Когда-то в древности жил (не у нас — в Сирии) христианин Авраамий. Он пошел проповедовать свою веру жителям одного языческого поселка — а они его избили и вывезли

вон. Авраамий лишь только чуть-чуть поправился — снова пошел в поселок, и его избили буквально до полусмерти и пообещали в следующий раз просто убить. Но прошло недолгое время, и старец опять был в поселке — чтобы рассказать людям о своей вере или умереть от их рук. И тогда язычники задумались: что же это за вера такая, что человек готов умереть ради возможности рассказать о ней? Решили выслушать Авраамия. Выслушали. Стали спрашивать еще и еще. Стали обдумывать каждое слово... и, в конечном итоге, приняли христианство.

У тех язычников были свои, собственные «боги», много полезных и удобных «богов», на все случаи жизни. Мы чем-то похожи на них. Наша свобода — это многобожие, поклонение сотне кумиров сразу. Нам нравится и Христос, и Будда, и Лев Толстой, и Маркс, и Ницше.

В нашем «пантеоне» много личностей и теорий, часто взаимоисключающих — ведь мы современные, образованные люди, мы смотрим на вещи широко.

Но вот мы, знатоки философий и сторонники свободы выбора, вдруг отвергаем Православие! Не потрудившись вникнуть в его суть, вопреки собственной же логике (ведь выбор наш из-за такого «вычеркивания» становится неполным).

Это же явный изъян нашей «свободы»! Мы читаем «навороченные» книги о культах Вос-

тока, продираемся сквозь тома Марксова «Капитала»,... а прочесть жизнеописания святых (причем уже есть замечательные книги о подвижниках XX века!), открыть труды если не древних «отцов Церкви», то хотя бы наших современников — нам почему-то кажется «не-
нужным», «неважным», лишним...

И в храм войти нам помешает что или кто угодно, включая «злую старушку» — это поистине опаснейшее существо, перед которым меркнет жуткий образ современного рэкетира!

Ну давайте же, наконец, вдумаемся: разве особенность церковно-славянского языка, «красивости» духовной литературы, отсутствие навыка к восприятию иконы или, наконец, пресловутое раздражение на «злую старушку» — настолько серьезные причины, чтобы отказаться познать веру, которая говорит нам о смысле жизни и готова ответить на вечный и главный вопрос «зачем мы живем»?

Или мы боимся получить ответ, который нас не устроит?..

Вероятно, так называемая православная христианская «миссия» действительно парадоксально слаба на нашей российской земле. Парадоксально — потому что сейчас «нашу» веру начинают узнавать, понимать и принимать англичане и американцы, укрепляются православные церкви в Японии, Индии, во многих африканских странах.

Возможно, церковные общины у нас здорово замкнулись после целых эпох государственных гонений и запретов, и никак не подберут ключей к сердцу тех, кто о вере не знает.

Но создается впечатление, что главная причина отказа все же не в этом, а в нас самих.

Православие либо сводят к форме (обрядам, одеждам, языку), либо искажают и отвергают самую суть веры, ничего толком еще не поняв (точно так же, впрочем, действуют и многие «принимающие» как православие, так и религии Востока).

В наполненном мифами общественном сознании Церковь предстает либо этнографическим заповедником, либо очень крупной и фанатичной сектой. Сектой, считающей всех вокруг «грешниками», судящей, осуждающей и стращающей всех «своими» адскими муками. Христианство представляется «губительным принципом», который, по словам ученого, «рушит сознание, ставя ему рамки».

Естественно, для многих людей усиление Православия кажется опасным явлением, представляющим реальную угрозу «идеалам современной жизни» и в целом — избранному курсу на «свободу» и «плюрализм». Кроме того, растет число тех, кто считает «фанатичность» православного христианства источником конфликтов и нестабильности в обществе, потерявшем единство в вере.

И в этом — удивительная параллель между нашей эпохой и древностью: теми веками истории Римской Империи, когда христиан гнали, боялись и ненавидели.

Многие ли сегодня знают, а в чем, собственно, обвиняли римские власти христиан? За что пытали и убивали? Как объясняли необходимость тотального искоренения этой религии?

Ведь Римская Империя (как это ни покажется кому-то странным) — это классическое правовое государство (недаром римское право является обязательным предметом в юридических ВУЗах). С четко очерченными правами и обязанностями граждан. С широчайшим религиозным и идейным плюрализмом. С очень сильной судебной системой. Поэтому, например, когда иудеи попытались устроить расправу над христианином — апостолом Павлом, власти вывели его из Иерусалима под мощной охраной: разве можно было допустить бессудное убийство римского гражданина!

И, однако же, римский суд в конечном итоге осудил и ап. Павла, и тысячи других христиан на мучительную смерть. А еще тысячи погибли во время римских гонений II–III веков и вовсе без суда — как и в России первой половины XX века.

Это противоречило человеческой логике — большинство осужденных являлись лояль-

ными подданными, хорошими тружениками, воинами, учеными людьми. Среди казненных во времена Римской империи было много государственных деятелей, военачальников, даже членов императорских семей (например, святая великомученица Екатерина)! Причем они даже не были непосредственно опасны — а были лишь опасны потенциально, т. е. считалось, что эти люди угрожали «общественной безопасности», «солидарности» империи.

А империя в то же самое время признавала законными всех почитавшихся на ее территории богов. Включая и Единого Бога древних иудеев!

Римские императоры вообще боялись государственной нестабильности намного больше, нежели Бога. И поэтому их не устраивал именно Христос. До мифологических, маленьких божков, им не было дела. Они оказались достаточно «широки», чтобы стать идолами римского Пантеона, а вот Христос был недостаточно широк для язычников, и при этой своей «узости» в римский Пантеон... не вмещался!

Христос был опасен. Языческие «боги», в отличие от Христа, не требовали от каждого человека подлинного духовного и нравственного выбора. А значит — не подрывали пусть построенную на лицемерии и неправде, но внешне стабильную имперскую систему, не противоречили государственной идее (которую точнее

всего можно было бы выразить поэтической строкой «паситесь, мирные народы»).

Идея провозглашала Рим великим, вечным, незыблемым, а римского императора — пастьеря послушных народов — ставила как бы НАД нравственными понятиями, оправдывала все его деяния и преступления, лишь бы они укрепляли «вечное» царство...

И против тех, кто смел открыто верить иначе, против тех, чей Бог даже в «унижении» казнимого, даже в распятии продолжал проповедовать и раскрывать Царство Высшее — устраивались беспрецедентные по тогдашнему масштабу гонения.

Ведь если есть действительно Вечное, подлинно Всеобщее Царство, значит земная империя Рима — невечная, не незыблемая?! Значит, ее император ответит за все содеянное — перед Богом; по единому для всех нравственному закону; в этом самом Царстве Божиим, где, по словам апостола Павла, «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного»,... т. е. там, где все равны?!

Это была та идея, за которую императоры готовы были убивать... А христиане — умереть. Потому что для римских язычников их религия являлась неким культурным досугом, а для христиан вера была больше, чем вопросом жизни и смерти: делом спасения души.

Рим веками боялся христиан, долгие годы благоволил гражданам-язычникам, а гибель встретил под ударами совершенно неизведанного врага — язычников-варваров. От бывшего могущества ничего не осталось. И единственной реальной, живой и необходимой людям традицией, связывающей нас с тем далеким миром, оказалось... христианство!

Идея Царства Божьего как-будто бы победила идею «вечного» человеческого царства. Но в широком общественном сознании все осталось по-прежнему. Возникали и исподволь «нависали» над христианством новые империи, гибли, уступая место новым государствам — уже без Христа.

Идея власти мельчала, дробилась, и теперь уже каждый человек хочет сам быть пусть не царем — так хоть «маленьким принцем» на своей «планете». Только, если проводить аналогии со сказкой Экзюпери, из нас получаются не маленькие принцы, а все больше незадачливые короли, «повелевающие» Солнцем, биржевики, закладывающие звезды в банк, или просто горькие пьяницы...

Человек вновь создал себе пантеон богов и героев, где, как и в римские времена, стоят рядом Венера, Астарта и Иисус Христос (были и такие сочетания в императорских молельнях!). И опять (простите за это неудобоваримое слово) плюрализм развязывает нам руки,

ставит нас выше Закона, «освобождает» на свой лад.

Причем эта «свобода», в отличие от Православия, действительно не ставит сознанию рамки. И таким образом... рушит наше «неограниченное», слепое сознание.

Ведь без рамок свобода хороша на равнине. А если нет барьеров на крутой горной дороге?

Ведь сознание — вещь аморфная; оно рушится, если его не структурировать, если не поставить рамки!

Православие своими «рамками» пытается предупредить от падения, но не загородить путь, не лишит свободы двигаться. Более того, именно в Православии открывается новая степень свободы — ведь движение здесь не налево-направо, а вверх!..

Но тут-то мы и говорим «стоп». Мы не терпим, чтобы нас поучали. Именно поэтому если нас самих пытаются предупредить о том, что «жить как хочется» не синоним свободы, что свобода не в том, чтобы побольше набрать, а в том, чтобы ВЫБРАТЬ — наше самолюбие восстает, и мы затыкаем уши.

Мы, на поверку, чрезвычайно нетерпимы. Поэтому, как и прежде в нашей кумирне никто: ни Христос — придуманный нами, такой, какой нам нужен, ни Маркс, ни Фрейд, ни Бакунин — не добьются от нас покаяния, отчета в своей дурной жизни.

Это — и есть свобода в нашем нынешнем понимании, коварная и неверная. Она подразумевает бесконечное самооправдывание и осуждение всех, кроме себя. Она предлагает огромный выбор самых безыдейных идей, самых бесполезных предметов, самых безнравственных мыслей и поступков. Она оправдывает, угождает, лакействует, ведет в «заветные» тупики, заводит в «живописные» расщелины — пока не изведет человека до конца. До болезни, несчастья, смерти, когда никакой возможности двигаться, никакой «свободы» не будет и в помине.

Модная псевдосвобода отступит, чтобы предать своего «клиента», оставить его страдать в одиночку.

И человек может умереть, так и не поняв, что свобода есть не выбор удобств. Что всю жизнь ему нужна была только одна, настоящая Истина, которая и есть подлинная свобода! Которая не предаст...

Он поймет это потом, после самой своей смерти... А рядышком, в соседнем храме, в непрочитанной Книге, в сердце незнакомого верующего человека, вокруг и внутри его — продолжит жить мир тысячелетней православной веры. Этот мир открывает тайны бытия, отвечает на самые страшные вопросы, он освобождает и он не дает умереть — потому что Бог однажды победил смерть...

Так давайте же прежде чем сделать «свободный выбор», узнаем, что такое Православие. И, возможно, именно эта вера не оставит нас никогда.

Владимир Гурболиков. Журнал «Фома», № 2, 1996.

ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА, КАК ВЕРИТЬ ВО ХРИСТА?

«Слыхал ли ты, возлюбленный, как люди, небрежные и холодные в делах веры, любят повторять ходячую и легкомысленную фразу, что различия христианских исповеданий мало значат в деле спасения, якобы все верующие во Христа имеют одинаковую надежду спасения о Христе Иисусе. Что сказать? Правда, что Христос Спаситель есть единая надежда и причина спасения всех людей, верующих в Него; но неправда, будто бы все равно, содержать ли Его учение во всей чистоте и неприкосновенности или в неполном, неточном и искаженном виде. Конечно, и в позолоченной вещи есть нечто золотое, но все же она не золотая; и не обделанный бриллиант имеет свою относительную ценность, и в заблуждениях и ошибках бывает своя доля правды, которой не пренебрегают люди умные и благородные. Но справедливо ли отождествлять все эти вещи и придавать им одинаковую цен-

ность? А если нет, то и выходит, что выбирать нужно более ценное и лучшее.

Не все христианские вероисповедания в одинаковой степени владеют истиной и значит не все равно, к тому или иному принадлежать вероисповеданию»¹.

«Православная Церковь, верная Священному Преданию, не отошла ни в чем от той полноты истины, какая раскрылась в истории Церкви через вселенские соборы. В этом — источник правды Православия, которое и в догматах и в канонических положениях (определяющих строй Церкви), и в литургических чинах хранит неизменным сокровище Церкви. Но эта верность «неделимой» Церкви (т. е. Церкви до возникновения в ней разделения на Восток и Запад) не означала и не означает неподвижности в жизни Церкви. Презрительное определение Православия, как «окаменелой» Церкви совершенно не отвечает действительности. В Православии веет тот же дух Христовой свободы, какой был присущ раннему христианству, — так же в свете Христовом воспринимает Православие мир и человека, так же хранит церковную дисциплину и иерархический строй, как это утвердилось изначала в Церкви. Но Православие не подменяет верность Христу верностью церковным властям (что так часто встречается

¹ Священник Александр Ельчанинов. Беседа о Католичестве и Православии (с юношей М. по просьбе его отца).

в католической церкви) и не превращает свободу во Христе в опасное и двусмысленное «личное разумение» (на чем стоял и стоит весь протестантизм). Православие соборно; лишь в единстве клира и мирян видит оно единство в Церкви, лишь в церковном разуме, т. е. соборной мысли оно видит источник истины»¹.

ИСТИНА ПРАВОСЛАВИЯ

Христианский мир мало знает Православие. Знают только внешние и по преимуществу отрицательные стороны Православной Церкви, но не внутренние, духовные сокровища. Православие было замкнуто, лишено духа прозелетизма² и не раскрывало себя миру. Долгое время Православие не имело того мирового значения, той актуальной роли в истории, какие имели католичество и протестантизм. Оно оставалось в стороне от страстной религиозной борьбы ряда столетий, столетия жило под охраной больших империй (Византии и России) и хранило вечную истину от разрушительных процессов мировой истории.

¹ прот. В. Зеньковский

² Прозелетизм — стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру, стремление к повсеместному установлению поддерживаемой религии.

Для религиозного типа Православия характерно то, что оно не было достаточно актуализировано и выявлено во вне, не было воинственно, но именно потому небесная истина христианского откровения наименее в нем искажилась. Православие и есть форма христианства наименее искаженная в существе своем человеческой историей...

Православная Церковь есть прежде всего Церковь Предания в отличие от церкви католической, которая есть церковь авторитета, и церковей протестантских, которые суть церкви личной веры. Православная Церковь не имела единой внешне-авторитарной организации и она незыблемо держалась силой внутреннего предания, а не внешнего авторитета. Она оставалась наиболее связанной с первохристианством из всех форм христианства. Сила внутреннего Предания в Церкви есть сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до апостолов.

В Предании я имею один опыт и одно ведение с апостолом Павлом, с мучениками, со святыми, и со всем христианским миром. В Предании мое знание есть не только знание личное, но и сверхличное, и я живу не в отдельности, а в

теле Христовом, в едином духовном организме со всеми моими братьями во Христе. Православие есть, прежде всего, ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики для него не столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идет ложным духовным путем. Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя форма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь. Во внутреннем духовном делании видит оно сущность христианства. Православие есть наименее нормативная форма христианства (в смысле нормативно-рациональной логики и морального юридикзма), и наиболее духовная его форма. И эта духовность и сокровенность Православия нередко бывали источником его внешней слабости. Внешняя слабость и недостаток проявления, недостаток внешней активности и реализации бросались всем в глаза, духовная же его жизнь и духовные его сокровища оставались сокровенными и незримыми. И это характерно для духовного типа Востока в отличие от духовного типа Запада, всегда актуального и выявляющегося во вне, но нередко в этой активности себя духовно истощающего...

Православию чужд рационализм и юридикзм, чужд всякий норматизм. Православная Церковь не определима в рациональных понятиях, она понятна лишь для живущих в ней,

для приобщенных к ее духовному опыту. Мистические типы христианства не подлежат никаким интеллектуальным определениям, они также не имеют признаков юридических, как не имеют признаков и рациональных. Подлинное православное богословствование есть богословствование духовно-опытное...

В духовной жизни, в духовном опыте и духовном пути отображается жизнь Святой Троицы. Православная Литургия начинается со слов: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». Все идет сверху, от Святой Божественной Троичности, от высоты Сущего, а не от человека и его души. В Православном представлении нисходит сама Божественная Троичность, а не восходит человек...

Православие и есть христианство, в котором наиболее раскрывается Дух Святой. Православие, прежде всего, литургично. Оно научает народ и развивает его не столько проповедями и преподаванием норм и законов поведения, сколько самим литургическим действием, в котором дан прообраз преобразования жизни. Оно научает также народ образами святых и внушает культ святости. Но образы святых не нормативны; в них дано благодатное просветление и преобразование твари действием Духа Святаго. Эта ненормативность Православия делает его труднее для путей человеческой жизни, для истории, мало благоприятным для всякой ор-

ганизации и для творчества культуры. Сокровенная тайна действия Духа Святаго на тварь не была актуально переведена на пути человеческой жизни...

Спасение есть преображение и просветление твари, а не судебное оправдание. Православие обращено к тайне Воскресения, как к вершине и последней цели Христианства. Поэтому центральным праздником в жизни Православной Церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение. Светлые лучи Воскресения пронизывают православный мир. В православной литургии праздник Пасхи имеет безмерно большее значение, чем в католичестве, где вершина — праздник Рождества Христова. В католичестве мы, прежде всего, встречаем Христа Распятого, в Православии же — Христа Воскресшего. Крест есть путь человека, но идет он, как и весь мир, к Воскресению. Тайна Распятия может заслонить собой тайну Воскресения. Но тайна Воскресения есть предельная тайна Православия. Тайна же Воскресения не только человеческая, но и космическая. Восток всегда космичнее Запада. Запад же человечнее; в этом его сила и значение, но также и его ограниченность. На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром.

И из недр Православия не могли бы раздаться слова Фомы Аквината, который сказал, что праведник в раю будет наслаждаться муками грешника в аду...

Православная мысль никогда не была подавлена идеей Божественной справедливости и она никогда не забывала идеи Божественной любви. Главное, она не определяла человека с точки зрения Божественной справедливости, а идеи преображения и обожения человека и космоса.

Наконец последнюю и важную черту в Православии нужно видеть в его сознании эсхатологичности. В недрах Православия более сохранилась первохристианская эсхатологичность, ожидание второго пришествия Христа и грядущего Воскресения. Эсхатологичность Православия означает меньшую привязанность к миру и земной жизни и большую обращенность к небу и вечности, то есть к Царству Божьему. В христианстве западном актуализация христианства в путях истории, обращенность к земной устроенности и земной организации заслонила собою тайну эсхатологии, тайну второго пришествия Христова. В Православии, именно вследствие его меньшей исторической активности, сохранилось великое эсхатологическое ожидание. Апокалиптическая сторона христианства осталась наименее выраженной в западных формах христианства. На Востоке

же, на православной почве, особенно на почве русского Православия, возникли течения апокалиптические, ожидание новых излияний Духа Святаго.

Православие наиболее традиционная, наиболее консервативная форма христианства, ибо охраняло древнюю истину, но в нем же заложена возможность наибольшей религиозной новизны, не новизны человеческой мысли и культуры, которая так велика на Западе, но новизны религиозного преобразования жизни. Примат всей целостной жизни над дифференцированной культурой был всегда особенно характерен для Православия...

Православие нельзя узнать по оставшимся теологическим трактатам; оно узнается в жизни Церкви и всего церковного народа, оно менее всего выражается в понятии. Но Православие должно выйти из состояния замкнутости и изолированности, должно актуализировать свои сокровенные духовные богатства. Тогда только оно и приобретет мировое значение. Признание исключительного духовного значения Православия, как наиболее чистой формы христианства, не должно порождать в нем самодовольства и вести к отрицанию значения западного христианства. Православное христианство может безмерно много дать для христианизации мира. Христианизация мира не должна означать обмирщения христиан-

ства. Христианство не может быть изолировано от мира, и оно продолжает в нем движение, не отделяясь и оставаясь в мире, должно быть победителем мира, а не быть побежденным.

Николай Бердяев. Вестник русского западно-европейского патриаршего экзархата. Париж, № 11, 1952. С. 4-11.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ПРАВОСЛАВИЕ ОТ КАТОЛИЧЕСТВА?

В чем же отличие Православия от католицизма?

Это есть отличие догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое. Последнее отличие есть жизненно первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных.

Догматическое отличие известно каждому православному.

Во первых вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7), католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына.

Во-вторых, в XIX веке к этому присоединился новый католический догмат о том, что Дева Мария была зачата непорочною.

В-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения.

В-четвертых, в 1950 году был установлен еще один догмат о посмертном телесном вознесении Девы Марии.

Эти догматы не признаны Православной Церковью. Таковы важнейшие догматические отличия.

Церковно организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главою Церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православие признает единого главу Церкви Иисуса Христа и считает единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенскими и поместными соборами. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденские организации (в особенности иезуитов). Это важнейшие отличия.

Обрядовые отличия следующие. Православие не признает богослужение на латинском языке; оно блюдет Литургии, составленные Василием Великим и Иоанном Златоустом и не признает западных образцов; оно соблюдает завещанное Спасителем причастие под видом хлеба и вина и отвергает введенное католиками для мирян причастие одними освященными облатками. Православие при-

знает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, молитвословия и звона; у него иное облачение; у него иное знамение креста; иное устройство алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое приседание; оно не знает дребезжащего звонка во время совершительных молитв и многого другого. Таковы важнейшие обрядовые отличия.

Миссионерские отличия следующие. Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух инквизиции истребление еретиков, пытки, костры и принудительное крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяческих посторонних мотивов, особенно от застрашивания, политического расчета и материальной помощи; оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает правоверие благодетеля. Оно, по слову Григория Богослова, ищет не победить, а приобрести братьев по вере. Оно не ищет власти на земле любой ценою. Таковы важнейшие миссионерские отличия.

Политические отличия таковы. Православная Церковь никогда не притязала ни на светское

господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии. Исконное русско-православное разрешение вопроса таково: Церковь и государство имеют особые и различные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство правит, но не повелевает Церкви и не занимается принудительным миссионерством; Церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилom и подает благие советы, может быть, и обличения властителям и благое на учение мирянам (вспомним Филиппа Митрополита и Патриарха Тихона). Ее оружие не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совет, наставление, обличие и отлучение. Византийские и после петровские уклонения от этого порядка были явлениями нездоровыми.

Католицизм, напротив, ищет всегда и во всем, и всеми путями власти (светской, клерикальной, имущественной и лично-суггестивной).

Нравственное отличие таково. Православие взывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм взывает к слепой покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом

лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о предписанном, запрещенном, дозволенном, прощительном и непрощительном. Православие идет в глубине души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели.

И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз и навсегда.

Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, т. е. какими силами души осуществляется твоя вера. С тех пор, как Христос Спаситель утвердил веру на живой любви, мы знаем, где искать веру и как найти ее. Это есть самое важное для понимания не только своей веры, но и особенно чужой веры и всей истории религий. Именно так мы должны понять Православие и Католичество.

Есть религии, которые рождаются из страха и питаются страхом; так африканские негры в своей массе прежде всего боятся темноты и ночи, злых духов, колдовства, смерти. В борьбе с этим страхом и в эксплуатации его у других и слагается их религия.

Есть религии, живущие фантазией и воображением; их сторонники довольствуются мифическими легендами и химерами, поэзией, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью. Таков индийский браманизм.

Буддизм был создан как религия жизнеотвержения и аскеза. Конфуцианство возникло как религия исторически выстраданной и искренно прочувствованной моральной доктрины. Религиозный акт Египта был посвящен преодолению смерти. Иудейская религия искала прежде всего национального самоутверждения на земле, выдвигая генотезизм (бог национальной исключительности!) и моральное законничество. Греки создали религию семейного очага и зримой красоты. Римляне — религию магического обряда. А христиане?

Православие и католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божию и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности.

Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и при-

емлет Его, как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный признает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения.

Напротив, у католика вера пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости.

Потому у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости, и тогда зацветает верою и ответственными ей добровольными делами. Здесь благовестие Христа вызывает искреннюю любовь к Богу, а свободная любовь пробуждает в душе христианскую волю и совесть.

Напротив, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает его авторитет.

Однако в действительности воле подчинены всецело только внешние телодвижения; в гораздо меньшей степени ей подчинена сознательная мысль; еще меньше жизнь воображения и повседневных чувствований (эмоций и аффектов). Ни любовь, ни вера, ни совесть воле не подчинены и могут совсем не отозваться на ее понуждения. Можно принудить себя к

стоянию и поклонам, но невозможно вынудить у себя благоговение, молитву, любовь и благодарение. Только внешнее благочестие повинуется воле, а оно и есть не более, чем внешняя видимость, или же, просто притворство. Можно принудить себя к имущественному пожертвованию; но дар любви, сострадания, милосердия не вынудим ни волею, ни авторитетом. За любовью, как земною, так и духовною, мысль и воображение следует сами собой, естественно и охотно; но воля может биться над ними всю жизнь и не подчинить их своему давлению. Из раскрытого и любящего сердца совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести; а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Так разворачивается эта противоположность и непримиримость двух исповеданий; и нам, русским людям, необходимо продумать ее до конца.

Тот, кто будет строить религию на воле и покорности авторитету тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным признанием, оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту — похвальными, но мертвыми делами. И самая молитва превратится у него

в бездушные слова и неискренние телодвижения. Тот, кто знает религию древнеязыческого Рима, тот сразу узнает во всем этом его традицию. Именно эти черты католической религии всегда испытывались русской душой как чуждые, странные, искусственно натянутые, неискренние. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и красоты, но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты, то мы знаем, где искать объяснения этому.

Эта противоположность двух исповеданий обнаруживается во всем. Так, первая задача православного миссионера дать людям Св. Евангелие и богослужение на их языке и в полном тексте; католики держатся латинского языка, непонятного большинству народов, и воспрепятствуют верующим самостоятельное чтение Библии. Православная душа ищет непосредственного приближения ко Христу, во всем, от внутренней одинокой молитвы до приобщения Св. Тайн. Католик смеет думать и чувствовать о Христе только то, что ему позволит авторитетный посредник, стоящий между ним и Богом; и в самом приобщении он останется лишенным и умаленным, не приемля пресуществленного Вина и получая вместо пресуществленного Хлеба некую замещающую его облатку.

Тот, кто, продумав эти черты католицизма, обратится к Православной Церкви, тот увидит и поймет раз и навсегда, что самые глубокие традиции обоих исповеданий противоположны и несовместимы. Мало того, он поймет еще и то, что вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия и стала таковой, какова она была в начале XX века, прежде всего потому, что она не была католической. Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему в его свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во избежание потусторонних. Русская благотворительность и нищелюбие русских царей шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувственность русского театра. Дух христианской любви проник и в русскую медицину, ее духом служения, бескорыстия, интуитивно целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с ее исканием справедливости; и в русскую математику с ее

предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии традицию Суворова, а в русской школе — традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет русскоправославных святых и старцев с укладом русской простонародной и образованной души. Весь русский быт иной и особенный, потому, что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности.

И.А. Ильин. О Православии и католичестве.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ КАТОЛИКИ ЕРЕТИКАМИ?

На Константинопольских соборах католики были объявлены еретиками. На соборе 1848 года восточные патриархи сравнивали католицизм с арианством, по пагубному значению этих ересей. Католиков называли еретиками такие святые, как Феофан Затворник, Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский и другие.

В окружном послании Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем Православным христианам (1848 г.) говорится следующее.

«Из ересей, распространившихся, какими Бог, весть судьбами, в большей части вселенной, был некогда арианизм, а теперь — папизм. Но и сей последний (подобно первому, который уже совершенно исчез), хотя до ныне еще в силе, не превозможет до конца, а преидет и низложится и велий глас небесный возгласит о нем: низложен (Откр. 12, 10)!

Новоявившееся учение, будто «Дух Святой исходит от Отца и Сына», измышлено вопреки ясному и нарочитому о сем предмете изречению Господа нашего: иже от Отца исходит (Ин. 15, 26), и вопреки исповеданию всей Соборной Церкви, засвидетельствованному семью вселенскими Соборами в словах «иже от Отца исходящаго» (Символ Веры).

1. Оно нарушает хотя единичное от одного начала, но иновидное происхождение Божеских Лиц блаженной Троицы, подтверждаемое свидетельством Евангелия.

2. Приписывает равносильным и споклоняемым Лицам (Божества) разнородные и неравные отношения, сливает их или смешивает.

3. Представляет как бы несовершенным, темным и неудачным состоявшееся прежде него исповедание единой, соборной и Апостольской Церкви.

4. Унижает святых отцов первого вселенского Собора и второго константинопольского, как будто они о Сыне и Духе Святом богос-

ловствовали несовершенно, будто те умолчали о столь важной особенности двух Лиц Божества, между тем как необходимо было изложить все божественные свойства против ариан и македонян.

5. Оскорбляет отцов третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого вселенских Соборов, которые вслух всей вселенной провозгласили Божественный Символ во всех отношениях совершенным и полным, и страшными прещениями и неразрешимыми заклятиями воспретили как себе, так и всем другим, всякое прибавление к нему и убавление, или изменение, или переставление в нем хотя бы одной йоты, — между тем как нужно было исправить его и дополнить, и таким образом изменить все богословское учение вселенских отцов, как будто открылось новое отличительное свойство в самих трех Лицах блаженной Троицы.

6. Прокрадывалось в Церквах западных сначала как волк в коже овчей, т. е. под наименованием не исхождения (*tis ekprogeuseos*), по греческому выражению, употребленному в Евангелии и Символе, но под именем послания (*tis apostolis*), как оправдывался папа Мартин пред Максимом исповедником и как изъяснял это Анастасий при Иоанне VIII.

7. С грубой и неслыханной дерзостью коснулось самого Символа и изменило сей всеобщий залог Христианства.

8. Произвело столько смятений в мирной Церкви Божией и разделило народы.

9. При первом своем появлении всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львом III и Иоанном VIII, который в послании к блаженному Фотию назвал даже сообщниками Иуды тех, кто впервые внесли его в Символ.

10. Осуждено многими святыми Соборами четырех восточных Патриархов.

11. Подвергнуто анафеме, как нововведение и увеличение Символа, на (так называемом) восьмом вселенском Соборе, созванном в Константинополе для умирения Церквей восточных и западных.

12. Едва только успело явиться в западных Церквах, как или само породило гнуснейшие исчадия, или ввело с собою мало-помалу другие новизны — большей частью противоречащие ясно изображенным в Евангелии заповедям Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимися, до его появления, и в тех Церквах, где оно введено, как то: кропление вместо погружения, отнятие у мирян Божественной Чаши и Причащение только под одним видом хлеба, употребление облаток и опресноков вместо хлеба квасного, исключение из Литургии благословения, т. е. Божественного призывания Всесвятаго и Всесовершающего Духа, — также нарушающие древние апостольские обряды соборной Церкви, как то: устранение кре-

щаемых младенцев от Миропомазания и принятия пречистых Таин, брачных — от Священства, признание папы за лицо непогрешимое и за местоблюстителя Христова и прочие. Таким образом низвратило весь древний апостольский чин совершения почти всех таинств и всех церковных учреждений, — чин, который содержала древняя, Святая и Православная Церковь римская, бывшая тогда честнейшим членом святой, соборной и Апостольской Церкви.

13. Побудило своих защитников богословов Запада, за неимением для себя опоры ни в Писании, ни у отцов, прибегнуть к бесчисленным лжемудрованиям, не только к превратным толкованиям Писания, каких мы не находим ни у кого из отцов Святой, Соборной Церкви, но и к искажению священных и неприкосновенных текстов Божественных отцов восточных и западных.

14. Оказалось странным, неслыханным и богохульным еще и у прочих христианских обществ, которые, прежде его появления, по другим справедливым причинам, в течение веков отлучены от Соборной Церкви.

15. Несмотря на все труды и усилия своих защитников, ни против одного из приведенных нами доказательств доселе еще не могло в защиту свою привести хотя сколько-нибудь убедительное и основательное доказательство из Священного Писания или из отцов.

Такое учение носит в самом существе своем и свойствах все признаки учения неправославного; а всякое неправое учение, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троице, о происхождении Божеских Лиц, равно как и об исхождении Святого Духа, есть и именуется ересью, а умствующие так — еретиками, по определению святейшего Дамаса, папы римского (который говорит так): «кто об Отце и Сыне мыслит право, а о Духе Святом неправо, тот еретик» (Испов. Соб. Вер., посланное папою Дамасом к епископу фессалоникийскому Павлину). Посему Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, следуя святым отцам восточным и западным, как древле при отцах наших возвещала, так и ныне вновь возвещает соборне, что сие нововведенное мнение, будто Дух Святой исходит от Отца и Сына, есть сущая ересь, и последователи его, кто бы они ни были, еретики, по упомянутому соборному определению святейшего папы Дамаса; составляющиеся из них общества, суть общества еретические, и всякое духовное богослужebное общение с ними православных чад соборной Церкви — незаконно, по силе особенно седьмого правила третьего вселенского Собора.

Ересь эта, со многими соединенными с нею нововведениями, как выше сказано, появившаяся около половины VII столетия, сначала неиз-

вестная и безыменная, и под разными видами в продолжении четырех или пяти веков тайно распространявшаяся по епархиям европейского запада, потом, преодолев православие тех стран, по нерадению тогда бывших там пастырей и покровительству властей, мало-помалу ввела в заблуждение не только испанские, дотоле еще не православные Церкви, но и германские, и галликанские, и даже италийские, православие которых возвещалось некогда во всем мире, и с некоторыми часто сносились святейшие отцы наши, как то: Афанасий Великий и небоявленный Василий, и которых единение и общение с нами послужили к сохранению чистоты учения Соборной и Апостольской Церкви до Седьмого Вселенского Собора. Когда же, завистью ненавистника добра, новизны касательно здравого и православного учения о Всесвятом Духе (на которого хула, по изречению Господа, не отпустится человеком ни в сей век, ни в будущий — Мф. 12, 31–32), — следовавшие одно за другим нововведения касательно Божественных Таинств, особенно же Таинства Спасительного Крещения, святости Причащения и Священства, когда сии несообразности, следуя непосредственно одни за другими, овладели самым старейшим Римом, тогда, она, приобретши знаменитость в Церкви, облеклась отличительным именем «папизма». Ибо из епископов Рима, именуемых папами, хотя некоторые вначале восстали про-

тив нововведения соборне, как то Лев III и Иоанн VIII (о коих упомянуто выше), и отвергли его пред лицом всей вселенной, но большая часть их преемников, обольстившись представляемыми им сею ересью, противными правилам Соборов, правами на преобладание над Церквами Божиими, и нашедши в том для себя много мирских выгод и много прибыли, измыслив единоедержавие в соборной Церкви и единовластие в раздаении даров Святого Духа, не только изменили бывшее у них древнее Богослужение, отсекая себя такими нововведениями от прочего древнего и истинно-христианского общества, но еще старались, не без постыдных ухищрений, как передает нам неложная история, увлечь за собою в отступничество от Православия и остальные четыре патриархии и поработить таким образом соборную Церковь хотениям и велениям человеческим».

СКАЖИТЕ МНЕ, КТО ВАШИ СВЯТЫЕ, И Я СКАЖУ ВАМ КАКОВА ВАША ЦЕРКОВЬ

Чтобы понять, что представляет собой та или иная христианская Церковь, достаточно, не касаясь даже вероучения, посмотреть на ее святых. Дерево узнается по плодам, любая Церковь объявляет святыми тех, которые во-

плотили ее идеал в своей жизни. Поэтому канонизация кого-либо является свидетельством Церкви не только о христианине, который предлагается ею в качестве примера для подражания, но и, прежде всего, свидетельством данной Церкви о самой себе. По ее святым точнее всего можно судить о действительной или мнимой святости самой Церкви.

Сейчас, прежде всего, сопоставим духовное состояние святых самой крупной христианской церкви — католической, с православными святыми.

Одним из столпов католической святости является Франциск Ассизский (XIII в.). Его духовное самосознание достаточно ясно открывается из следующих фактов. Однажды Франциск долго молился (чрезвычайно показателен при этом предмет молитвы) «о двух милостях»: «Первая — это чтобы я... мог... пережить все те страдания, которые, Ты, Сладчайший Иисусе, испытал в Твоих мучительных страстях. И вторая милость... — это, чтобы... я мог почувствовать... ту неограниченную любовь, которую горел Ты, Сын Божий». Как видим, Франциска беспокоило не чувство своей греховности, присущее всем святым, у него отчетливо просматриваются откровенные претензии на равенство с Христом в Его страданиях и в Его любви! Во время этой молитвы Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в

Иисуса» И с ним произошло то, чего не знала вся история Церкви — у Франциска появились болезненные кровоточащие раны (стигмы) — следы «страданий Иисусовых»¹.

Здесь следует отметить, что природа этих стигм хорошо известна в психиатрии. Непрерывная концентрация внимания на крестных страданиях Христа чрезвычайно возбуждает нервы и психику человека и при длительных упражнениях может вызывать это явление. Ничего сверхъестественного, чудесного здесь нет. Нет в таком сострадании (*compassio*) Христу и той истинной любви, о существовании которой Господь прямо сказал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). Напротив, подмена борьбы со своими греховными страстями мечтательными переживаниями «состраданий» является одной из тяжелейших ошибок в духовной жизни, которая приводила и приводит аскетов к самомнению, гордыне — очевидной прелести, нередко связанной с прямыми психическими расстройствами (ср. «проповеди» Франциска птицам, волку, горлицам, змеям ... цветам, его благоговение перед огнем, камнями, червями). Не удивительно поэтому и поползновение Франциска искупать грехи других людей в подражание Христу.

¹ Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 109.

Очень показательна и цель жизни, которую поставил перед собой Франциск: «Я трудился и хочу трудиться... потому что это приносит честь»¹. Не потому ли в конце жизни он откровенно сказал: «Я не сознаю за собой никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»². Все это свидетельствует о невидении им своих грехов, своего недостойнства перед Богом, то есть о полной духовной катастрофе.

Для сравнения приведем предсмертный момент из жизни преподобного Сисоя Великого (V в.). «Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: «Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?» — отвечал: «Это Ангелы пришли взять меня, но я молюсь им, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться». Когда же на это братия, зная, что Сисой совершен в добродетелях, возразила ему: «Тебе нет нужды в покаянии, отче», — то Сисой ответил так: «Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего»³. Это глубокое видение своего несовершенства является главной отличительной чертой всех истинных святых.

¹ Святой Франциск Ассизский. Сочинения. М., изд. Францисканцев. 1995. С. 20; 145.

² Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 129.

³ Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 133.

А вот выдержки из записок блаженной Анжелы (XIII-XIV в.)¹.

Дух Святой, — пишет она, — говорит ей: «Дочь Моя, сладостная Моя,.. очень Я люблю тебя» (с. 95): «Был я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты» (с. 96). И такое открывает о себе Анжела: «Вижу я во мраке Святую Троицу, и в самой Троице, Которую вижу я во мраке, кажется мне, что стою я и пребываю в середине Ее» (с. 117). Свое отношение к Иисусу Христу она выражает, например, в таких словах: «могла я всю себя ввести внутрь Иисуса Христа» (с. 176). Или: «Я же от сладости Его и от скорби об отшествии Его кричала и хотела умереть» (с. 101) — при этом она в ярости так начинала бить себя, что монахини вынуждены были уносить ее из костела (с. 83).

Резкую, но верную оценку «откровений» Анжелы дает один из крупных русских религиозных мыслителей XX-го века А. Ф. Лосев. Он пишет, в частности: «Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Святой Дух является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: «Дочь Моя, сладостная Моя, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень

¹ Откровения блаженной Анжелы. М., 1918.

люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня». Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: «Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена», — эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его Тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т. д., и т. п.? В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: «Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда я не могла стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела»¹.

Яркой характеристикой католической святости является Катарина Сиенская (XIV в.), возведенная папой Павлом VI в высший разряд

¹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 867–868.

святых — в «Учители Церкви». Зачитаю о ней несколько выписок из католической книги Антонио Сикари «Портреты святых»¹, изданной на русском языке. Цитаты не потребуют комментариев (выделено мной).

Екатерине было **около 20 лет**. «Она чувствовала, что в ее жизни должен произойти решающий перелом, и продолжала истово молиться Своему Господу Иисусу, повторяя ту прекрасную, нежнейшую формулу, которая стала для нее привычной: **«Сочетайся со мной браком в вере!»** (с. 11).

«Однажды Екатерина увидела видение: ее божественный Жених, **обнимая, привлекал ее к Себе**, но потом взял из ее груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное» (с. 12).

Однажды сказали, что она умерла. «Она сама говорила впоследствии, что **ее сердце было растерзано силой божественной любви** и что она прошла через смерть, «узрев райские врата». Но «вернись, дитя Мое, — сказал мне Господь, тебе нужно вернуться... Я приведу тебя к князьям и властителям Церкви». «И смиренная девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четы-

¹ Антонио Сикари. Портреты святых. Т. II. Милан, 1991.

ре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей» (с. 12).

«В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов: **«Я хочу»** (с. 12) . «Некоторые говорят, что **решительные слова «я хочу» она в состоянии экстаза обращала даже к Христу»** (с. 13).

Из переписки с папой Григорием XI, которого она убеждала вернуться из Авиньона в Рим: **«Говорю вам от имени Христа ... Я говорю вам, отче, в Иисусе Христе... Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращенный»** (с. 13).

Правителю Милана она пишет «о папе, которому она доверена (**«Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него»**)» (с. 13).

«А к королю Франции обращается со словами: **«Творите волю Божию и мою»** (с. 14).

Не менее показательны «откровения», также возведенной папой Павлом VI в «Учителю Церкви» Терезы Авильской (XVI в.). Перед смертью она восклицает: «О, Бог мой, **Супруг мой**, наконец-то я Тебя увижу!» Этот в высшей степени странный возглас не случаен. Он — закономерное следствие всего «духовного» подвига Терезы, существо которого открывается в следующем печальном факте.

Она настолько увлеклась «откровениями», что не увидела дьявольского обмана даже в таком безобразном видении, как следующее:

После многочисленных своих явлений «христос» говорит Терезе: **«С этого дня ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг»**¹. «Господи, или страдать с Тобой, или умереть за Тебя!» — молится Тереза и падает, — пишет Д. Мережковский, — в изнеможении под этими ласками...» (далее не могу цитировать). Не приходится поэтому удивляться, когда Тереза признается: «Душу зовет Возлюбленный таким **пронзительным свистом**, что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания». Не случайно известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая ее мистический опыт, писал, что «ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством»².

Валаамский старец схиигумен Иоанн дает такую оценку ее духовному состоянию: «Страстный вместо обожения будет мечтатель, подобно католической Терезе»³.

Еще одной иллюстрацией святости в католицизме является Тереза из Лизье (Тере-

¹ Мережковский Д.С. Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 88.

² Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. /Пер. с англ. М., 1910. С. 337.

³ Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев). Письма о духовной жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С. 268.

за Маленькая, или Тереза Младенца Иисуса), которая в 1997 году, в связи со столетием со дня ее кончины, была объявлена «непогрешимым» решением папы Иоанна Павла II еще одним Учителем Вселенской Церкви. Вот несколько цитат из духовной автобиографии Терезы, прожившей всего 23 года, красноречиво свидетельствующие о ее духовном состоянии (Повесть об одной душе. Париж. 1996. //Символ. № 36).

«Во время собеседования, предварившего мой постриг, я поведала о делании, которое намеревалась совершить в Кармеле: **«Я пришла спасти души и прежде всего — молиться за священников»**. Еще не спасши себя, она пришла уже спасать других!

Говоря, кажется, о своем недостойнстве, она тут же пишет: «Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что **стану великой святой...** Я думала, что рождена для славы и искала путей к ее достижению. И вот Господь Бог ... открыл мне, что моя слава не будет явлена смертному взору, и суть ее в том, что я **стану великой святой!**» (ср.: Макарий Великий, которого сподвижники за редкую высоту жизни называли «земным богом», лишь молился: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою»). Позднее Тереза высказывается еще более откровенно: **«В сердце моей Матери-Церкви я буду Лю-**

бовью... тогда я буду всем... и через это моя мечта осуществится!»

В высшей степени показательно учение Терезы о духовной любви: **«Это было лобзание любви.** Я чувствовала себя любимой и говорила: «Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки». Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; **уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все...** Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах». Едва ли требуются комментарии к этому мечтательному роману бедной девушки, которую католическая церковь, увы, называет своим Учителем.

На методическом развитии воображения основывается религиозный опыт одного из столпов католической мистики, родоначальника ордена иезуитов Игнатия Лойолы (XVI в.).

Его книга «Духовные упражнения», являющаяся настольной в католических монастырях, настойчиво призывает христианина **представить себе, вообразить** Святую Троицу и беседу Трех Лиц, Христа, Богоматерь, Ангелов и т. д. Всё это решительно запрещается святыми Вселенской Церкви. Они свидетельствуют, что когда подвижник вместо исполнения заповедей Христовых и борьбы со своими страстями начинает жить своими фантазиями,

просматривать в себе собственные «фильмы», верить им, то он приходит к полному духовному и душевному расстройству.

Авторитетный сборник аскетических писаний древней Церкви «Добротолюбие» решительно запрещает такого рода «духовные упражнения». Вот несколько высказываний оттуда.

Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: «Не желай видеть чувственно Ангелов или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря, и поклонившись врагам-демонам»¹.

Преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых», прямо говорит, что «это есть знак прелести». «На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное»².

Преподобный Григорий Синаит (XIV в.) напоминает: «Никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого... Приемлющий то... легко

¹ Преп. Нил Синайский. 153 главы о молитве. Гл. 115. Добротолюбие: В 5 т. Т. 2. М., 1884. С. 237.

² Преп. Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Т. 5. М., 1900. С. 463–464.

прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого»¹.

Как прав был тот помещик (о нем пишет свт. Игнатий Брянчанинов), который, увидев в руках своей дочери католическую книжку «Подражание Иисусу Христу» Фомы Кемпийского (XV в.), вырвал у нее из рук со словами: «Прекрати играть с Богом в роман». Вышеприведенные примеры не оставляют сомнений в справедливости этих слов. К великому сожалению, католицизм перестал, как видим, отличать духовное от душевного, святость от мечтательности — Христа от фантазии. Это самое большое препятствие в принятии такой веры.

Профессор Московской духовной академии
А.И. Осипов. Из лекции, прочитанной в Сретенском
училище 13.09.2000.

ОДНИМ ЛИ ПУТЕМ ИДЕМ?

Я создам Церковь мою,
И врата ада не одолеют ее.
Мф. 16, 18

Из малого семени — из горстки людей, собравшихся некогда в Сионской горнице для

¹ Преп. Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим. Там же. С. 224

восприятия даров Святого Духа, — выросло величественное древо Церкви Христовой.

Несметное множество священных книг христианства создавалось, начиная от устных преданий апостольских, продолжало и продолжает создаваться самими житиями святых подвижников Божиих, их Богодухновенными творениями и Богоугодными деяниями. Так возрастает и украшается древо Святой Церкви!

Но вечно обновляясь и питаясь все новыми живительными соками, Церковь Христова в сокровенной сути своей остается той же, какой была в апостольские времена. Никаких «новшеств», никаких «переосмыслений», никакого фальшивого «прогресса» не может быть в учении и Таинствах, завещанных нам Самим Сыном Божиим и Самовидцами Слова — ближайшими Его учениками. Православная Церковь потому именуется Апостольской, что со времен первохристианских свято хранит не только книги Нового Завета, но и память устных повествований и заветов первых христиан, по слову апостольскому: стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15). Это бесценное богатство может быть приумножено трудами благочестивых людей — но малейшие изъятия и искажения здесь преступны, ибо Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13, 8–9).

И к приумножениям сокровищницы своих духовных богатств Православная Церковь всегда относилась крайне осторожно. Мнения о главных вопросах веры и Богослужения могли высказывать лишь те христиане, чистота жизни, добродетели и благочестие которых были вне всяких сомнений. Но и их утверждения не принимались слепо, ибо, кроме Единого Безгрешного, среди людей нет и не может быть непогрешимых, и достойнейшие способны заблуждаться. Свои догматы, каноны и обрядность Церковь не доверяла отдельным лицам, но поверяла Соборным своим разумом, руководимым Духом Святым.

Соборность Православной Церкви обуславливает Святость ее. Эта нерушимая Святость — не в качествах отдельных ее служителей; могут оказаться недостойными некоторые священники, впасть в нечестие или ересь епископ, даже Патриарх Поместной Церкви (и такие случаи бывали). Но Полнота Святой Церкви, Глава которой — Христос, Соборным разумом отсекает недостойных служителей и — движется далее, в вечность.

Сейчас в мире множество сообществ, именующих себя «христианскими церквами». Здесь и римо-католики, и баптисты, и квакеры, и «Богородичный Центр», и прочая, и прочая — и все зазывают к себе, выкликая: «Исти-

на и спасение только у нас!» Голос Православной Церкви в разноголосице всех этих «христианств» кажется самым тихим и смиренным. Но не в кротости и не в смирении ли совершается священное дело Божие?

Кому-то может показаться, что все конфессии, «исповедующие одного Христа», как бы дополняют друг друга, им не о чем спорить.

Нет! Не «одного Христа» исповедуют верный и отступник, православный и сектант. Господь наш Иисус Христос — Глава Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем (Еф. 1, 23). Одна Глава — Одно Тело, кощунственно утверждать, что Спаситель имеет несколько тел. И лишь наша Мать-Церковь — Святая, Соборная и Апостольская — сохранила неповрежденным учение Христово, к ней относятся слова Спасителя: «учите народы соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20), и лишь православные христиане могут оказаться достойными похвалы апостольской: «Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам» (1 Кор, 11,2).

Размножение псевдохристианских учений есть дело рук сатаны. Это по его злой воле много лжепророков появилось в мире (1 Ин. 4, 1). Преступное нерадение о святыне — плохое знание Священного Писания, невежество в вопросах догматики и церковной истории —

мешает людям распознавать горькие плоды отступничества, смертоносные яды ересей.

Льстивый диавол подчас соблазняет человека примешать к Божественному Откровению толику собственных умствований. И как бы ни незначительно казалось искажение правого учения Господня, сделанное надмевающимся людским рассудком, оно ведет к губительным последствиям. Еще в первые века христианства разноликие еретики пытались столкнуть Церковь на путь гибели, но доблестные отцы Семи Вселенских Соборов одно за другим ниспровергали лжеучения, одновременно вырабатывая неколебимые устои церковных догматов и канонов. Трудami святоотеческими единство Вселенской Церкви оставалось нерушимым вплоть до XI века.

Первым крупным шагом отступления явился так называемый Великий раскол 1054 года, учиненный латинством.

Великий раскол порою представляют так, будто Вселенская Церковь разделилась на две — Восточную и Западную, каждая со своей правдой. Но нет, не так — это гордый Рим откололся от Вселенского Православия.

Расхождения начались с «маленькой поправки», которую Рим позволил себе внести в утвержденный Вселенскими Соборами Символ веры, где каждое слово — весомее тысяч книжных томов. Это было пресловутое «фили-

окве» — понятие об исхождении Святого Духа «и от Сына», которое они самовольно добавили в Символ Веры. Это было грубое вмешательство человеческого мудрования в таинственнейшее учение о Святой Троице, ничего подобного не было ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Вселенская Церковь единодушно отвергла «филиокве».

С догматическим отступлением сочеталась властолюбивая гордыня некоторых римских епископов, дошедших до объявления Главою Вселенской Церкви не Господа Иисуса Христа, а самих себя — якобы «наместников Бога на земле». Попытки пап захватить абсолютную власть над Церковью, несовместимые с апостольскими заветами, были отвергнуты святыми Востока.

Свои претензии на абсолютную власть над Церковью папы селятся обосновать тем, что «занимают престол первоверховного апостола Петра». Но достаточно внимательно ознакомиться с Новым Заветом — книгами Деяний и Посланий Апостольских, чтобы понять — святой апостол Петр никогда не являлся единоличным главой первохристианской Церкви, изначально Соборной. Важнейший вопрос тогдашней церковной жизни — о присоединении язычников — решался на Иерусалимском Апостольском Соборе, на котором первенствовал вовсе не апостол Петр, а святой апо-

стол Иаков. Святость апостола Петра вовсе не означала его безгрешности, даже во время своего апостольского служения он по человеческой немощи «падал», и святому апостолу Павлу приходилось уличать его в лицемерии. Несовершенства Петра-человека вовсе не умаляют величие его апостольского и мученического подвига. Но, увы, многие из Римских пап, «преемников» апостола Петра на епископской кафедре, отнюдь не унаследовали его святости. 34-е Апостольское правило гласит: «Епископам всякого народа подобает знать первого из них. Но и первый ничего не творит без согласия всех. Так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух». Это правило святых апостолов, утверждающее Соборность Церкви, было попорно римскими первосвященниками.

Узурпировав единоличную церковную власть на Западе, папы в безмерной гордости потянулись и к светской власти: начали раздавать императорские короны, путем интриг и угроз ниспровергать и возводить на троны правителей европейских государств, снаряжать войска и развязывать войны. Из пастыря духовного римский первосвященник превратился в светского монарха, претендующего на всемирное господство. Так папский Рим оказался в сетях сатанинского соблазна.

В начале XVII века в латинском требнике появилось обращение к папе, кощунственно и зловеще соединяющее в себе слова Спасителя к апостолу Петру и слова диавола, искушавшего Сына Человеческого: «Ты пастырь овец, тебе Бог передает все царства мира».

Попав в зависимость от произвола одного человека, от его страстей и прихотей, Западная Церковь начала стремительно удаляться от Божественного учения любви, завещанного людям Христом Спасителем. Преступления средневекового папства ужасающи. «Благословляемые» папой войска насаждали римо-католицизм огнем и мечом, проливая реки крови, истребляя целые народы — так, в Прибалтике «крестоносцами» был полностью уничтожен славянский народ пруссов. Среди преступлений папства «крестовый поход детей» — не сумев захватить Иерусалим силами рыцарских орденов, папа послал туда детей, заявив, что эти «ангелы Божии» отвоюют для него Гроб Господень. Десятки тысяч детей погибли, остальные были проданы в рабство сарацинам взрослыми «христианами» — рыцарями. По всей Европе пылали костры инквизиции. Любвеобильный Спаситель привлекал к Себе сердца учением доброты и кротости, а его лженаместник — папа — насаждал свою веру пытками и казнями. Процветала торговля индульгенциями — кощунственное «отпущение

смертных грехов» за деньги. В то же время роскошь и разврат папского двора сделались «притчей во языцех», на папский престол восходили отравители, блудники, содомиты. Эти грязные страницы истории папства настолько общеизвестны, что когда в прошлом веке Рим дерзнул провозгласить «догмат папской непогрешимости», значительная часть римокатоликов отказалась принять подобную нелепость и образовала Старокатолическую Церковь.

В искажении основ христианской веры Рим не ограничился одним «филиокве». Папство лишило мирян причастия Крови Господней, а ведь Сын Человеческий обещал спасение лишь тем, кто приобщится и Плоти и Крови Его. Поруганием смирения и принижением земного подвига Пречистой Богородицы явился «догмат о непорочном зачатии Ее святой Анной», не подтверждаемый ничем, кроме новейших домыслов. Божественное Правосудие латиняне представляют себе в виде «бухгалтерски-юридического» расчета в мифическом «чистилище», где Бог якобы подвергает «непогибших» грешников длительным пыткам, прежде чем принять их в рай — как будто Вселюбящий Творец не может во мгновение ока просветлить способную к покаянию и очищению душу. В последнее время все большей «модернизации» подвергается и

римский церковный обряд, мессы уже служатся под брэнчание гитары.

Во все века папство стремилось сломить и поработить Православие. Коварство Рима привело к падению православной Византийской империи — в начале XII века папские «крестоносцы», шедшие «освободить Гроб Господень», вместо этого разграбили и сожгли Константинополь, от этого удара Византия так и не оправилась. Много страданий принесли латинские козни и православной Руси. Немногие знают, что советником хана Батыя в нашествии на Русь был римо-католик, рыцарь Альфред фон Штумпенхаузен. Известны постоянные набеги «крестоносцев» на землю Русскую, вторжение «псов-рыцарей», которым противостояли дружины святого благоверного князя Александра Невского. Вследствие римо-католических интриг Русь умылась кровавыми слезами в начале XVII века, в годину Смутного времени. В 1812 году «добрые католики» наполеоновских орд варварски надругались над святынями Москвы. Во время господства римо-католической Польши над Украиной была уничтожена древняя культура украинского народа, насильственно внедрена фальшивая «уния» с Римом — превращение православных славян в «латинян второго сорта». Происками иезуитов подготовлено и нынешнее разрушение славянского единства.

С конца прошлого века латинские «пастыри» усиленно разжигают на Украине неприязнь к «москалям» — а ведь нынешние русские, украинцы и белорусы всего несколько веков назад составляли единый народ и находятся в ближайшем кровном родстве. Во многом обусловлено папскими интригами и теперешнее плачевное положение многострадальной Украины, не только истощаемой чернобыльской радиацией, но и духовно гибнущей от церковных расколов.

Столь горькие плоды принесли в Западной Церкви сделанные тысячелетие тому назад два «маленьких» отступления в вопросах догматики и церковного управления. Но едва ли не тяжелейшим следствием римской апостасии явился Западный раскол XVI века, означавший лавинообразное умножение еретических сект.

Митрополит Владимир (Иким).
Врата покаяния. М., 2010.

ЕРЕСЬ ПРОТЕСТАНТИЗМА

Вторым огромным шагом в отступлении от Божественной Истины стало появление протестантизма. Само слово «протестантизм» означало протест против нечестия средневекового папства. Протест этот был совершенно

оправдан, ибо деяния тогдашнего Рима никак не совмещались с духом христианства. Конечно, жаждущим истинной веры Христовой следовало обратиться лицом к Востоку, где Православная Церковь свято хранит Божественное учение любви и заветы апостольские. Но папству удалось распространить на Западе повсеместное предубеждение против «варварского» Востока. И протестантизм, вместо того чтобы преодолеть римское отступление, только усугубил отход от правого учения. Ополчившись на пороки папства, протестантизм в то же время отверг и те Божественные дары, которые, несмотря ни на что, продолжала хранить Римская Церковь.

У протестантов не нашлось ни благочестивых вождей, ни мудрых учителей. К несчастью, самым громким из голосов, возвысившихся против злоупотреблений папства, оказался голос Мартина Лютера. Он не только справедливо обличил инквизицию и торговлю индульгенциями, отказался подчиняться папе. Этот самоуверенный человек решил вообще «начать с нуля», объявив «нечестивой и языческой» многовековую историю существовавшей до него Церкви Христовой. Это было безумием! Неужели Церковь Божия, столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15), со времен Христовых полтора тысячелетия лежала в пыли и прахе, ожидая «пришествия» Лютера?

Да, нужно отдать должное мужеству Лютера в его борьбе с папизмом, однако прочие его качества были далеки от апостольских. Лютер был человеком сомнительной нравственности: чревоугодником, любителем крепких напитков и скабрёзных шуток, далеким от смирения и целомудрия, вспыльчивым и необузданным в гневе. Лютер был клятвopеcтупник: он и сам попрал данный им Господу иноческий обет, и вовлек в тот же страшный грех женщину — похитил из обители монахиню и вступил с ней в кощунственный «брак».

Другой «основоположник» протестантизма, Гильом Фарель, вместе со своими вооружёнными сообщниками врвался в храмы во время Литургии — они издевались над священниками, уничтожали иконы, разгоняли верующих. Чувствуя свою умственную неспособность создать какое бы то ни было связное учение, Фарель призвал в Швейцарию, где он орудовал, молодого «религиозного мыслителя» Жана Кальвина.

Кальвин превзошел своего учителя. За попытку критики «учителя Кальвина» людей пытали, просверливали язык раскаленным железом и казнили. Своего идейного противника, мистика Мигеля Сервета, «антипапист» Кальвин пытался выдать папской инквизиции, а затем сжег его на костре. Что общего могло быть у людей, подобных Лю-

теру, Кальвину, Фарелю, с учением чистоты и любви, преподанным Христом Спасителем? Единым росчерком пера «основоположники» протестантизма перечеркнули хранящиеся в Священном Предании апостольские заветы, предали забвению кровь мучеников за святую веру, подвиги и творения духоносных отцов Церкви — и все это подменили собственными домыслами. На учениях Лютера и Кальвина ныне основываются бесчисленные разновидности евангелизма и баптизма. Объявив о «свободе каждого трактовать Библию», протестанты разнуздали лукавый человеческий рассудок. Их последователи стали приступать к толкованию Священного Писания в нечистоте поступков и помыслов, с умом, омраченным гордыней и своеволием. Результат известен: сейчас в мире более тысячи протестантских сект, каждая со своими лжеучителями, каждая дерзает на свой лад интерпретировать Божественное Откровение.

В чем же проявилось отступление сектантов от учения Христа Спасителя, святых апостолов и учителей Церкви?

Сектанты противятся полноте Священного Предания, оставляя для пользования и произвольных толкований только Библию.

Протестанты отвергают апостольское учение о Таинствах и обряде, повествование о действиях Промысла Божия в истории Церкви,

Богодухновенные творения и молитвословия святых отцов, как будто действие Духа Святого прекратилось в первый же век христианства и Вседержитель уже не присутствует в мире, искупленном Кровью Сына Человеческого.

Со времен Христовых святые учителя Церкви передавали Священное Предание друг другу, оберегая святыню от искажений; учение апостольское переходило от народа к народу, преодолевало века и тысячелетия и в первоизданном виде хранится Православной Церковью. Если человечество помнит свою историю по трудам древних летописцев, то как не доверять хранителям Священного Предания — избранникам Божиим, многие из которых жизнь положили за веру Христову.

Сама Библия, Священное Писание, представляет собой лишь часть Священного Предания, его основу. Сектанты выставляют себя знатоками Библии — но даже слова Спасителя и апостольские эти лжемудрецы толкуют вкривь и вкось, упрямо не замечая того, что прямо обличает их духовную слепоту. А ведь Новый Завет есть священное сокровище Православной Церкви — в III веке святые отцы Церкви выделили из всего огромного свода древнехристианских писаний, среди которых было немало подложных и еретических, истинно Богодухновенные книги, и так составилась Новозаветный канон.

И вот сектанты, воровски похитившие Новый Завет у Святой Церкви, силятся обратить букву Писания против Полноты Православия. Они выпали из живой жизни христианства, и для большинства из них Новый Завет представляет собой лишь безжизненный безблагодатный «моральный кодекс», свод сухих нравственных правил. Сам Сын Человеческий ничего не писал. Книги о Его жизни и учении были созданы впоследствии святыми евангелистами и апостолами. Но и их творения, конечно, не могли вместить того, что если бы писать о том подробно, то... и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21, 25). Потому, по завету апостольскому, верным было заповедано держаться не только Писания, но и Предания, «которым вы научены» или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15). Кроме этого, первые христиане многое из учения были вынуждены держать втайне, чтобы святыню «не потоптали» враги Церкви Христовой. Древние израильтяне, будучи свободным народом и имея возможность защитить святыню от поругания, записывали все, что касалось обряда.

Отступив от учения Церкви о Таинствах, зачинатели протестантизма отказались от спасительной благодати Божией, преградили своим последователям путь в Царствие Небесное. Страшные и Животворящие Дары Плоти и Крови Господней, о которых недвусмысленно го-

ворит Спаситель, без причастия которых не спасется ни один человек, суемудрые еретики пытаются представить «знаками» и «символами». Но иначе и не могут поступать эти лжеучители, ибо среди них нет ни одного, кто имел бы право совершать Божественные Таинства.

В безумии своем основатели протестантизма разорвали апостольскую преемственность священнослужения. Лютер заявлял: «Священство есть принадлежность всех христиан». Многих ли Спаситель послал «учить и крестить», многим ли даровал право «вязать и разрешать»? Только избранным апостолам Христовым было вверено святое дело Благоговестования, им Духом Святым была сообщена благодать для совершения Таинств и передачи этого благодатного дара преемникам с возложением рук священства (1 Тим. 4, 14). Самый скромный священник Православной Церкви через непрерывную передачу рукоположений ведет свое духовное родословие от одного из апостолов Христовых, и не от личных достоинств священника зависит дарованная ему благодать служения — Таинства совершаются видимо его руками, но незримо — Силой Божией.

Сами духовно немощные, сектанты дерзуют отрицать почитание святых Божиих.

Величайших святых и пророков знал еще Ветхий Завет. По слову пророка Илии раство-

рялись и затворялись небеса, длилась засуха или проливался дождь. От прикосновения к костям пророка Елисея воскрес мертвец. Иисус Навин своим прошением остановил солнце. О праведниках Нового Завета говорит Спаситель в молитве к Небесному Отцу: «Отче... славу, которую Ты дал Мне, Я дам им» (Ин. 17, 21—22). Так неужели же с пришествием Сына Божия в мире иссякла или умалилась святость? Подобное утверждение — кощунство. И Православная Церковь следует завету апостольскому: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Истинные христиане есть сограждане святым и свои Богу (Еф. 2, 19), потому что прибегают к помощи и предстательству святых угодников Господних перед Престолом Всевышнего.

Упрямые еретики доходят до того, что не принимают поклонения Матери Божией.

Может ли кто-то надеяться на благосклонность даже обычного порядочного человека, если без уважения относится к его матери? Так как же сектанты надеются получить благоволение Сына Человеческого, отказывая в поклонении Пречистой Матери Его? Как эти лжезнатоки Евангелия не замечают обращенного к Ней приветствия ангельского: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благосло-

венна Ты между женами» (Лк. 1, 28), и ответа Ее: «Отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный» (Лк. 1, 48–49)?

Невыносимо для сектантов почитание Святого Креста. «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия (1 Кор. 1, 18)», — говорит святой апостол Павел. Крест для православного христианина — Жертвенник, обогранный Пречистой Кровью Спасителя. По слову Самого Господа, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем (Мф. 23, 20) — таким образом, хулящие Крест сектанты изрыгают хулу на Распятого Спасителя.

Сектанты в неразумии своем обвиняют Православную Церковь в идолопоклонстве за поклонение святым иконам.

Разве Ковчег Завета¹ не был внешне вещественен, не был сделан человеческими руками из дерева, металла, ткани? Однако недостойно прикасавшихся к этой святыне Господь карал смертью. Во Святая Святых Иерусалимского храма находились рукотворные изображения Херувимов — кто бы дерзнул назвать их идолами?

¹ Ковчег Завета, или Ковчег Откровения (Свидетельства) — согласно Библии — ковчег, в котором хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями (Втор. 10, 2) — величайшая святыня еврейского народа (прим. составителя).

Сын Божий сошел на землю, облекшись в вещество, в человеческую плоть. Спаситель дозволил смертным видеть и слышать Себя, осязать Свои раны, Богочеловек явил миру Свой Лик не для того, чтобы христиане забыли Пречистый Его Образ.

Мы дорожим фотографиями любимых нами людей и полученными от них памятными вещичками. Неужели любовь христиан к Спасителю могла быть так мала, что они не сберегли бы Его изображений?

Дважды дарил Иисус Христос людям нерукотворные Свои изображения — властителю Авгарю за благочестивое рвение и святой Веронике по пути на Голгофу. Протестанты, конечно, не верят в это, как и во многие другие чудеса Господни. Но вот: в новейшее время миру явлен еще один нерукотворный Образ Спасителя, чудесно запечатлевшийся на Туринской Плащанице. Даже ученые-материалисты, придирчиво исследовавшие Плащаницу, были вынуждены признать подлинность и «необъяснимость» этой величайшей святыни, некогда обвивавшей Тело Господа после Распятия. Образ на Плащанице можно смело назвать «фотографией» Иисуса Христа. И здесь видится еще одно чудо: этот Пресвятой Образ в точности подобен изображениям Спасителя на большинстве православных икон.

Сравнивать священные изображения с идолами, как это делают сектанты, есть богохульство. Нет, не «доскам и краскам» поклоняются православные христиане перед святыми иконами, но через созерцание образов устремляются духом к Небесным первообразам. Более того: как на Ковчеге Завета почивала сила Божия, так же и на священных предметах, чтимых Церковью, почивает дух Господень и святых Его, от них струится неиссякаемый поток чудотворений.

С лукавым неверием относятся сектанты и к чудесам от святых икон, и к чудесам, проистекающим от мощей святых Христовых, как некогда от костей пророка Елисея. Православие представляет собою целую вселенную, воспитывающую для служения Богу и душу, и тело верующего, охватывающую всю его жизнь. Закаляющее плоть воздержание, выжигающее скверну греха покаяние, возвышенная радость праздников Господних, благолепие храмов, святые образа, вдохновенные песнопения и молитвы, кадильный фимиам — все устремлено к тому, чтобы помочь человеку обрести путь в Горня. Лукаво мудрствующие сектанты отказались от большей части сокровищ Церкви Христовой. Образовавшаяся пустота могла быть заполнена только ложью.

Многие сектанты «учат об оправдании верой» — дескать, только веры во Христа до-

статочно для обретения «места в раю». О подобных «христианах» святитель Нил Ярославский замечает: «По их мнению, только думай о Господе благопристойно — и хорош будешь». Какой соблазн для духовных лодырей, коснеющих в скверне греха и в то же время вздыхающих о «духовности»! Может ли быть «оправдание» одной верой? Ведь и падшие духи веруют, более того — они трепещут, твердо зная о бытии Правосудного Всемогущего Господа. Христиане призваны подражать Спасителю, а Господь наш Иисус Христос молился до кровавого пота, постился сорок дней в пустыне, изнуря земное Тело Свое. Молитвенный труд и подвиг поста сделались насущным духовным хлебом для апостолов Христовых и для всех, желающих следовать по Его стопам. По слову Господню, Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Сектанты же, пропагандируя «облегченное христианство», заманивают людей на «широкий путь», ведущий к гибели.

«Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5), — сказано в Священном Писании. Едино Тело Христово, Святая Церковь Православная. В старину на Руси существовал прекрасный благочестивый обычай: во время сильных буранов не умолкали церковные колокола, чтобы заблудившийся путник мог услышать благовест и понять — близко жилье, близка по-

мощь, близко спасение. Вот так же среди любых житейских бурь Мать-Церковь призывает заблудших в свои объятия, чтобы они обрели мир и покой.

Митрополит Владимир (Иким).
Врата покаяния. М., 2010.

ТОЛЬКО ВЕРОЮ?

Чтобы увидеть существо протестантизма и понять, в чем он принципиально расходится с Православием и почему невозможно принять эту веру, достаточно обозначить главное его утверждение: «Человек спасается только верою, а не делами, потому верующему грех не вменяется в грех». «Грехи верующего — настоящие, будущие, а также прошлые прощаются, потому что покрываются или скрываются от Бога совершенной праведностью Христа». Основатель протестантизма Лютер (XVI в.) выразил это следующим образом: «По причине этой веры во Христа Бог не видит греха, который все еще остается в нас... Бог вменяет несовершенную праведность в совершенную праведность, а грех не в грех, даже хотя это действительно грех». Лютер учит о человеке как о соляном столпе, который ничего не может сделать для своего спасения и, следовательно, не должен делать. Более потря-

сающего «открытия» в религиозной истории человечества еще не было — спастись можно, ничего для этого не делая!

Православие, напротив, учит о человеке как соработнике Бога в спасении. Христос сказал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). То есть для соединения с Богом, для спасения нужны не рассудочная вера и общепринятая нравственная жизнь, но то, что прежде всего характеризует человека как свободную личность, это его духовная активность в избрании добра перед лицом зла, решимость в исполнении заповедей Евангелия и покаяние, ибо «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21).

Бог спасает не соляной столб, а человека, и спасает только при условии его желания и его усилий в борьбе с любым злом, возникающим в душе. Необходим личный подвиг, который только делает верующего способным к принятию помощи от Христа. Преп. Симеон Новый Богослов говорит: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи», то есть открывает ему его грехи и необходимость помощи Божией в их искоренении.

Так человек приходит к Христу и приобретает правильную, спасительную веру в Него. И тогда то, что не мог сделать человек сам, один, с Богом он, «вдвоем», уже совершает.

Таким образом, человек, восходя по трем ступеням поиска истины, приходит сначала к вере в единого Бога, затем к христианству и, наконец, к Православию. Но придти к Православию еще совсем не означает войти в него — приходящих к Православию неизмеримо больше, нежели восходящих на четвертую ступень ведения, требующую особой духовной ревности, постоянного и внимательного изучения Священного Писания и творений святых отцов-подвижников, усилий в борьбе со своими страстями, — ступень самую трудную.

Профессор Московской духовной академии
Осипов А.И.

О НЕВОЗМОЖНОСТИ СПАСЕНИЯ ИНОВЕРЦЕВ И ЕРЕТИКОВ

Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем состоит христианство! А это зрелище почти беспрестанно встречают ныне взоры...

Вопрос, предложенный Вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись, —

пишете Вы, — язычникам, магометанам и так называемым, еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!... Да! Это противно даже здравому разуму человеческому! — А еретики — те же христиане. Считать себя спасенными, а членов прочих верований погибшими, это — безумно, и крайне гордо!»

Постараюсь отвечать Вам в немногих по возможности словах, чтоб многословие нисколько не повредило ясности изложения.

Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете, что такое спасение, почему человеки в нем нуждаются, наконец — не зная Христа — единственное средство нашего спасения! Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой, Вселенской Церкви: Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий — разряд существ погибших. Погибель — удел всех людей — и добродетельных, и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. «Сниду к сыну моему сетуя во ад», — говорит св. Патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел чело-

веческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего!

Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе, для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено ни Ангелом, ни Архангелом, ни каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ, — совершенно было Самим беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого, заменены Его казнью; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа.

Спросили Господа иудеи: «Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 28–29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; но вера — дело. Верою, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных им Таинств. Напрасно, ошибочно Вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, т. е. вступят в общение с Богом! ... Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви — и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признава-

ла, что одно средство спасения: Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как Вы хотите, чтоб язычники и магометане за то, что они кажутся Вам добренькими, непознавшие и неверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю Вам, средством, — верою в Искупителя? Христиане! Познайте Христа! Поймите, что Вы Его не знаете, что Вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христа, и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

«Ибо мы признаем, — говорит св. апостол Павел, — что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3, 28). «Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3; 22–24). Вы возразите: «Св. апостол Иаков требует непременно добрых дел, он научает, что

вера без дел мертва». Рассмотрите, — чего требует святой апостол Иаков. Вы увидите, что он требует, ... дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! ... Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: это дело состояло в принесении в жертву Богу своего единородного сына — совсем недоброе дело по естеству человеческому: оно — доброе дело, как исполнение повеления Божия, как дело веры.

Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: Вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без них она мертвая, как лишенная всякого движения.

И напротив того, Вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца — воспрещены, отвергнуты! А эти-то именно добренькие дела Вам и нравятся в язычниках и магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, Вы хотите им дать спасение.

Странно Ваше суждение о здоровом разуме! С чего, по какому праву, Вы находите, признаете его в себе? Если Вы христианин, то должны

иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое! Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни имел достоинства природного, как бы ни был изощрен ученостью мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры: при этом водительстве в свое время, по значительным подвигам в благочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум Духовный. Этот разум можно и должно признать здоровым разумом: он — извещенная вера, так превосходно описанная святым апостолом Павлом в 11-й главе его Послания к Евреям. Основание духовного рассуждения — Бог. На этом твердом камени оно зиждется и потому не колеблется, не падает.

Называемый же Вами здоровый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться, как отсечением всех знаний, его составляющих, мечом веры и отвержением их. Если же признать его здоровым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здоровый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами.

Что ж Вам говорит Ваш здравый разум? Что признать гибель добрых людей, неверующих во Христа, противно Вашему здравому разуму! Мало того! Такая гибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. — Конечно, было Вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? — Нет! Но здравый разум показывает это. — А! Ваш здравый разум!... Однако ж, при Вашем здравом разуме откуда Вы взяли, что Вам возможно собственным ограниченным человеческим умом постигать — что противно и что не противно милосердию Божию? Позвольте сказать Вашу мысль, — Евангелие, иначе Христово Учение, иначе Священное Писание, еще иначе — святая Вселенская Церковь открыли нам все, что человек может знать о милосердии Божием, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, недоступное для них. Суетно шатание ума человеческого, когда он ищет определить беспредельного Бога!.. Когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... Кого? Бога! Такое начинание — начинание сатанинское!... Именующийся христианином и не знающий учения Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога, — поди в школу, прислушайся — чему учатся

дети! Им объясняют преподаватели математики и теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные — числа, что результаты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действия милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, — это ему противно! — Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями и ощущениями! Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога! Вот безрассуднейшее и вполне гордостное начинание!

Вы говорите: «Еретики те же христиане». Откуда Вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличит от чада клятвы — богохульной ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых приняли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении.

Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала,

что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с дьяволом и его погибелью. Ересь — грех ума. Ересь — более грех дьявольский, нежели человеческий; она — дочь дьявола, его изобретение, — нечестие, близкое к идолопоклонству.

Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь — злочестием. В идолопоклонстве дьявол принимает себе божескую честь от ослепленных человеков, ересью он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха — богохульства. Кто прочитает со вниманием «Деяния Соборов», тот легко убедится, что характер еретиков — вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, — увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния.

В особенности замечательно проявляется их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви, и жажда крови их! Ересь сопряжена с ожесточением сердца, со страшным помрачением и повреждением ума, — упорно держится в зараженной ею душе — трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Свя-

того: она или хулит догмат Святого Духа, или действие Святого Духа, но хулит непременно Святого Духа. Сущность всякой ереси — богохульство...

Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную Литургию, все таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа. Они назвали это установлениями человеческими, — дерзче: суеверием, заблуждением! Конечно, в ереси Вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно потому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святой — только! Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего — он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!..

Вся причина последнего Вашего недоумения — глубокое незнание христианства! Не думайте, что такое незнание — маловажный недостаток! Нет! Его следствия могут быть губительными. ... При незнании истинного христианского учения, как раз можете принять мысль

ложную, богохульную за истинную, усвоить ее себе, а вместе с нею усвоить и вечную гибель. Богохульник не спасется! И те недоумения, которые Вы изобразили в письме Вашем, — уже страшные наветники Вашего спасения. Их сущность — отречение от Христа!

Не играйте Вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать. Займитесь чтением Нового Завета и святых отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых); изучите в святых отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жителство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде, нежели придет грозный час, в который Вы должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдания, даруемые Богом туне всем человекам — при посредстве христианства.

Святитель Игнатий Брянчанинов

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Сегодня, в век плюрализма, то есть всеобщего равнодушия и безразличия к Истине, это Торжество Церкви многим может пока-

заться архаичным и даже опасным. Ведь даже те, кто не часто открывает Библию, знают, что в ней говорится о любви. Не самое ли главное в христианстве — любовь? Не из-за недостатка ли любви вражда и разделения среди христиан? Да, источник разделений — в недостатке любви, но не достает прежде всего не любви к ближнему своему, но именно любви к Богу, — и потому помрачается духовный взор человека и уже не узнает он Небесного Отца своего. А не зная Отца, не знает и не узнает братьев.

Характерен для нашего времени и утилитаризм — нам все равно, кому молиться, кому служить, была бы только польза. Однако человеческая жизнь — не просто сытое и здоровое существование, но жизнь, исполненная смысла и правды. А разве может быть праведной жизнь, если представление о ней ложно? Таким образом, отстаивая Истину от заблуждений, Церковь радеет не об отвлеченном богословии, а о нашей причастности жизни вечной, которая и есть знание единого истинного Бога. (Ин. 17, 3). Ересь же — это искажение знания или опыта Церкви, его одностороннее и ограниченное понимание, зачастую, в угоду падшему человеческому рассудку. Церковь отвечает на еретическую угрозу тем, что устанавливает пределы истины, т. е. определяет границы живого религиозного опыта. Совре-

менный греческий богослов Х. Яннарас поясняет это достаточно просто: «Допустим, некто станет утверждать, что материнская любовь выражается в непреклонной суровости к ребенку и ежедневной порке. Если нам довелось в жизни испытать на себе подлинную материнскую любовь, мы немедленно возмутимся против подобной лжи и противопоставим ей другое определение исходя из своего опыта... Однако формула не в состоянии подменить собою опыта; она лишь обозначает его границы. Если человек сам не испытал в жизни родительской любви, он в состоянии усвоить ее определение, но так и не узнает, что такое сама любовь».

Поэтому главное в Православии не знание содержания Евангелия и догматического богословия, а причастность тому опыту, который стоит за словами. А сколько среди нас таких, кто только по имени православный, а живет суевериями, блуждает между невежеством и ересью, бегаёт от одного целителя к другому и в церкви появляется только на собственные крестины, венчание и похороны.

Итак, Торжество Православия — это Торжество Церкви, которая есть «столп и утверждение Истины. (1 Тим. 3, 15). Над ересью, но не над людьми. О людях, вольно или невольно запутавшихся в своих мудрствованиях, Церковь

скорбит, желая «дабы никто не погиб, но все пришли в познание Истины» (1 Тим. 2, 4). Для нас же, православных, это Торжество должно быть прежде всего торжеством Бога над нами, победой Его благодати над нашими грехами, а не над теми, кто иначе понимает Христа. Ибо только от этой победы зависит наша жизнь и наше спасение.

Священник Вячеслав Перевезенцев,
www.zavet.ru

Глава 3

СПАСУТСЯ ЛИ МУСУЛЬМАНЕ?

ПРАВДА ОБ ИСЛАМЕ

В представлении рядового обывателя, как атеиста, так и православного, ислам — это достаточно примитивная религия, которая, однако, вполне респектабельна и традиционна. Ко всему прочему утверждается, что, как и все религии (якобы «путь к одной вершине»), ислам учит только хорошему и мирно относится к Православию. Некоторые утверждают, будто ислам и христианство в России изначально жили в мире, и лишь враги пытаются их рассорить, чтобы уничтожить нашу страну. Мы попытаемся дать православную оценку реальному исламу, как он существует сейчас.

Ислам — самая молодая из мировых религий. Зародился он на юго-западе Аравийского полуострова в начале VII века в Хиджазе среди племен Западной Аравии. Основатель — Мухаммед (Магомет) (570–632), провозгласивший себя пророком. Созданная им община стала основой сформировавшегося впоследствии государственного образования — Арабского халифата.

Согласно вере мусульман, Аллах передал Мухаммеду через ангела «Коран» — который стал священным писанием для мусульман, подобно христианской Библии. Коран состоит из 114 глав (сур). Помимо Корана, источником вероучения является Сунна — рассказы о жизни Мухаммеда и его высказывания в виде хадисов (сказаний).

В настоящее время ислам разделен на несколько течений. Большая часть мусульман мира принадлежит к суннитам. В частности, к ним относятся около 90% мусульман Ближнего Востока. Другое крупное течение ислама — шииты. Особенно много шиитов в Иране (около 93%).

Сунниты придерживаются принятого ими свода хадисов, религиозной практики и правил поведения мусульманина во всех жизненных ситуациях, называя этот свод сунной («обычай», «пример», «направление»). Шииты представляют партию (от слова «шиа» — партия), которая

утверждает, что власть в общине должна принадлежать только потомкам пророка (то есть детям Фатимы, его дочери, и Али, его двоюродного брата), а не выборным лицам, как это существует у суннитов. Они не принимают сунну целиком, дополняя ее своими постановлениями, включающими веру в особых посредников между Аллахом и мусульманами — имамов. Помимо суннитов и шиитов, крупное направление современного ислама представлено ваххабитами, выступающими под лозунгом «очищения» ислама, «возвращения» к порядкам времен Мухаммеда.

Для того чтобы понять эту религию, необходимо помнить, что ислам — не то, что понимается под словом «религия» на Западе. Это не аналог Церкви или секты, чья цель — в преобразении души человека. Скорее это некий глобальный социально-религиозный проект построения царства Божия на земле. В этом ислам скорее близок к компартии, национал-социализму или нынешней глобализации. Для мусульман не существует разрыва между политикой и религией — это две стороны одного целого, регулируемого законом (шариатом), приписанным Аллаху. Именно поэтому всякая попытка встроить ислам в неисламский порядок может существовать лишь до тех пор, пока последний достаточно силен, чтобы сдерживать исламский рост.

Православная Церковь на основании Священного Писания отвергла тождество Аллаха с Богом Творцом, давшим Библию и спасшим нас во Христе. Это учение было официально подтверждено на Константинопольском Соборе 1180 года. Аллах ислама не существует в действительности.

Это результат извращения представления об истинном Творце, которое дьявол посеял в уме Мухаммеда. Мы можем назвать его идолом, построенным в уме мусульман, подобно тому, как язычники измышляли себе ложных богов.

Несмотря на то, что многие представители ислама из пропагандистских соображений отвергают мусульманство тех или иных лиц (в основном террористов), на самом деле по исламскому вероучению мусульманином является тот, кто соблюдает пять столпов ислама. Первый — это исповедание веры (шахада): «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Произнесение этой формулы в присутствии не менее двух мусульман означает принятие ислама.

Второй столп: исполнение обряда поклонения — намаза. Третий столп — обязательный налог на бедных (закят). Четвертый столп — хранение поста месяца Рамадан. Пятый столп — паломничество в Мекку (хадж). Очень многие проповедники ислама считают шестым

столпом обязанность джихада — священной войны с неверными.

Все, кто хранит эти пять столпов, являются мусульманами. При этом необходимо помнить, что в исламе не существует духовенства. В исламе нет посредников между Богом и людьми. Ведь по сравнению с Аллахом все люди букашки. Поэтому никакое высказывание людей не обладает абсолютным авторитетом. Более того, для блага ислама шариат предоставляет мусульманам право на ложь. Поэтому не стоит серьезно подходить к высказываниям религиозных лидеров ислама. Они и сами не относятся серьезно к тому, что вкладывают в доверчивые уши кафиров (неверных), предназначенных к аду. Никакой мулла не властен отлучить мусульманина от уммы (общины). Это может сделать только шариатский суд.

Православная Церковь оценивает эти пять столпов как демоническое заблуждение.

Первый столп — вера (акида), включает веру в шесть основ: мусульманин должен верить в Аллаха, его ангелов, его Писание, в его посланников, в последний день и предопределение.

Главным предметом веры в исламе является Аллах — особое существо, похожее на Бога христиан. Главным его атрибутом является единство. Ему приписывается создание мира, ниспослание Писания и пророков и суд

в конце времен. Однако в отличие от истинного Бога Аллах не личность. Он не добр, не дает свободы своему творению, ибо определяет все действия (как добрые, так и злые). Он ограничен пространством. Ислам отвергает Троиединство. Наряду с Аллахом вечно существует Коран.

Вера в ангелов в исламе также отличается от откровения Божия. Ангелы ислама — особые существа, сотворенные из света, исполняющие волю Аллаха. Ислам отвергает грехопадение ангелов (кроме Иблиса — сатаны, чья ангельская природа находится под сомнением). Кроме ангелов есть еще один вид существ — это джинны, созданные из бездымного пламени. Они разделены на джиннов-язычников и джиннов-мусульман. Первые являются причиной бед людей. Джинны могут жениться, рожать детей, даже вступать в половые отношения с людьми. Такое учение об ангелах крайне далеко от истины. Бог открыл нам существование мира духовных ангелов, расколотого мятежом Денницы. Благие Ангелы — наши помощники и старшие братья, входящие в небесную Церковь. Мятежные ангелы — наши враги, изгоняемые силой Божией и знаменем креста. В результате искаженного понимания ангельской природы в исламе нет реальной духовной борьбы с демонами. Напротив, очень легко человек подпадает под действие духов зла. В связи с этим весь исламский мир пронизан страхом перед

порчей, сглазом и колдовством. Часто встречаются и случаи беснования.

Вера в Писания также отделяет ислам от христианства. Согласно Корану Аллах послал некие «Свитки» Аврааму, «Таврат» (Закон) Моисею, «Забур» (Псалтирь) Давиду, «Инжил» (Евангелие) Иисусу Христу и Коран Мухаммеду. Но, по убеждению мусульман, все Писания, кроме Корана, искажены. Поэтому они отвергают истинное Откровение Божие, признавая только Коран. Мусульмане убеждены, что Коран является копией некоего вечного подлинника, надиктованного Аллахом через ангела Джibriла. Они считают, будто Писание должно быть всегда прямой речью Аллаха на арабском языке. Поэтому реальное слово Божие, где Творец говорит и словом и делом, совершенно неприемлемо для сторонников ислама Коран радикально отличается от Библии. Истории, содержащиеся в нем, выдуманы и противоречат как Писанию, так и истории.

Имеет смысл обратить особое внимание на учение ислама о Христе. Согласно мусульманскому учению, Христос родился непорочно, т.е. без участия мужчины от Девы Марии. Он был обычный человек, который имел пророческую миссию. В Коране говорится, что он слово и дух Аллаха, но мусульмане на это не обращают особого внимания. Он был наделен даром чудотворения, а именно ис-

целения людей, оживления глиняных птичек и воскрешения мертвых. По мусульманским представлениям Христос предсказывал пришествие Мухаммеда, написал Евангелие, в котором содержался призыв к единобожию. Иудеи хотели его распять, но по ошибке распяли другого человека, а Аллах восхитил к себе Иисуса как пророка Илию. Он находится сейчас на небе. Перед концом мира он явится второй раз, будет жить здесь как нормальный человек, при этом будет заниматься проповедью ислама. По мусульманским представлениям тот Иисус, которого они ожидают, будет уничтожать кресты, и само христианство, якобы исказившее его миссию. Потом он умрет и будет похоронен в Медине. Там для него специально подготовлена могила. Когда Мухаммед умирал, то он завещал оставить по левую руку от себя место для Иисуса. Это завещание соблюли и могилы его сподвижников и сторонников заполнили все вокруг, а это место осталось как могила для Иисуса.

Богословие Корана радикально отличается от библейского. В отличие от Библии Коран содержит 225 противоречий. Православная Церковь считает Коран выдумкой Мухаммеда, основанной на демоническом внушении. Мусульмане убеждены, что Библия — это человеческое искажение, неузнаваемо извратившее слово Творца.

Вера в посланников также отличает ислам от христианства (и иудаизма). По убеждению мусульман, в принципе сущность послания Аллаха не меняется. Во все времена единственной вестью является утверждение единобожия. Ничего другого Аллах сказать не может. Все, что не сводится к этому, объявляется человеческим измышлением. Похоже, бог мусульман меньше способен к творчеству, чем человек. (Впрочем, мы знаем, что ангелы, в том числе и падшие, не способны к творчеству, в отличие от человека.) Те посланники, которых упоминает Коран и сунна («священное Предание»), хотя и носят имена, похожие на библейские, чаще всего не имеют почти ничего общего с реальными. Например, Христос объявляется не Богом, а творением. Его чудеса абсурдны (заимствованы чаще всего из апокрифов). К примеру, рассказывается о столе с едой, посланной с неба по просьбе Исы, или воспроизводится рассказ апокрифов об оживлении Им глиняных птичек. Самое страшное, что мусульмане отвергают сам факт распятия и воскресения Христа Спасителя. По их убеждению, Аллах вознес Христа, а на кресте был распят другой человек (Иуда или Симон Киринейский). Это богохульное утверждение противоречит как Евангелию, так и самому характеру Богочеловека. Не случайно мусульмане ненавидят святой Крест, так что утверждают, будто одним из главных дел

Христа после Его возвращения на землю будет уничтожение всех крестов. Так дух, действующий в исламе, выдает себя. Думаю, что и запрет на вино на самом деле связан с ненавистью к святому Причастию.

Исламисты доходят до абсурда, объявляя даже идолопоклонников посланниками Аллаха (например Александр Македонский — Зуль-Кифль). Поэтому является совершенно неверным утверждение, будто мусульмане почитают Моисея, Христа или Давида. Под этими именами выведены совершенно другие персонажи. В этом отношении мусульмане тождественны оккультистам.

Вера в последний день у мусульман также не соответствует слову Божию. По их учению, душа умершего существует в трупе, где грешников мучают ангелы, а праведники пребывают в покое. (Хотя непонятно, какое наслаждение может быть в могиле.) Перед концом мира исламский Иса вернется на землю, уничтожит христиан, женится и умрет в Медине. (Заметим, что для нас данный персонаж исламской мифологии неотличим от антихриста, предсказанного в Библии). Появится антихрист Аль-Джадж. Наконец, ангел Исрафил затрубит в трубу, и все в мире умрет, а затем Аллах всех воскресит. Все люди предстанут перед Аллахом, и он будет судить их. Мусульманам представят их грехи, они признаются в них и будут прощены. Те,

кто погиб на джихаде, войдут в рай, минуя суд. В судный день их раны раскроются, но вместо крови из них потечет мускус.

Остальные должны будут перейти через мост ас-Сират, ведущий в рай. Праведники спокойно перейдут через него (мусульмане верят, что переехать этот мост они смогут на жертвенном баране), а грешники (в первую очередь немусульмане) упадут в ад. Обитателей ада ожидает вечное мучение от огня, кипящего железа и сдирания кожи. Осуществлять пытку будут специальные ангелы. Но в конце концов все мусульмане ходатайством Мухаммеда будут выведены из ада. А праведники будут наслаждаться в райском саду множеством различных видов пищи, а также соитием с особыми существами — гуриями. При этом праведники будут наслаждаться созерцанием пыток немусульман. Это представление показывает дьявольскую жестокость исламского лжепророка.

Но и в раю люди не будут видеть Бога (по одному из хадисов, Аллах будет видим в раю, как луна в облачную ночь) и навсегда останутся рабами. Сама возможность усыновления отвергается исламом как злейшая ересь.

Очевидно, что и такое представление является грубейшим искажением Откровения. Главное, на что надеялись и ветхозаветные пророки и святые христианства — соединение

с Творцом, — объявляется совершенно невозможным. На наш взгляд, исламский рай вполне может быть одним из отделений настоящего ада. Ведь некоторые святые видели, что развратники после смерти пребывают в состоянии постоянного блуда, вызывающего у них самих отвращение. То, что Мухаммед описывал как идеал, встречается уже на земле как различные формы беснования. В «Достопамятных сказаниях о жизни пустынных отцов» приводится случай, когда бесноватый мог съесть быка и оставался голодным (в медицине такой феномен называется булемией). Чем не описание блаженства мусульман, имеющих на каждый день три миллиона перемен блюд, причем каждому из них дается сила все съесть. А нимфомания и факты нападения блудного беса идентичны ожидаемому совокуплению исламистов со 124-мя тысячами гурий каждый день.

Последний пункт веры мусульман — вера в предопределение — является, пожалуй, самым возмутительным пунктом их заблуждений. Согласно этой доктрине, сам Аллах является творцом всех поступков, как злых, так и добрых. Он дает силу убийце убить, прелюбодее — прелюбодействовать. Но при этом он же и накажет за это злодеяние. Неразрешимой является проблема согласования предопределения со свободной волей людей. Большую часть свободы мусульмане отвергают. Они утверж-

дают, что от человека зависит только желание, а реализация его — от Аллаха. Но возникает вопрос: если Аллах творит все, то как и само желание может быть исключением? Сама доктрина предопределения является, пожалуй, одной из самых разлагающих для духовной жизни мусульман. Именно опираясь на нее, мусульмане одобряют гибель во время терактов множества невинных людей. По сути, это учение является точным воспроизведением сатанинской лжи, прозвучавшей в раю. Ведь уже тогда Адам попытался объявить Бога источником греха.

Итак, мы видим, что в области вероучения ислам радикально извращает Откровение. И, что самое опасное, он облекает сатанинские идеи в знакомые христианам слова, чтобы сходством оболочки привлечь людей во тьму смерти.

Другие столпы ислама также отделяют его от религии Бога Творца. Второй столп: исполнение обряда поклонения — намаза — многими ошибочно считается аналогом христианской молитвы. Однако это совсем не так. В исламском богословии намаз — это строго регламентированный обряд обожествления Аллаха. Малейшее нарушение ритуала приводит к тому, что намаз считается недействительным. Аллаху не очень интересно состояние сердца молящегося (может быть, потому,

что он не знает сердец. Ведь ангелы не властны смотреть на мысли людей). Тут мы видим аналогию с идолопоклонством. И там и тут важнее ритуал, чем состояние сердца. Ты можешь не верить в идола, но обязан соблюсти ритуал.

Третий столп — обязательный налог на бедных (закят) — часто путают с милостыней. Но это скорее ее противоположность. Во-первых, закят не бывает тайным, вопреки слову Господа. Во-вторых, подается закят только мусульманам или тем, кого можно при помощи денег привлечь к исламу. Мы знаем, что так же поступают и сектанты, делающие добрые дела ради проповеди своего заблуждения.

Четвертый столп — хранение поста месяца Рамадан — также имеет мало общего с постом православных. Мало того что распространяется он только на светлое время суток. Он также не связан с борьбой со страстями, действующими внутри человека (вообще неведомой мусульманам, кроме суфиев). Этот пост бесполезен для души, а часто и просто вреден, ибо порождает самоуверенность и гнев.

Пятый столп — паломничество в Мекку (хадж) — вообще является пережитком язычества. Поклонение метеориту (черному камню), ритуальные жертвы, кидание камнями в столбики с уверенностью, будто побиваешь сатану, — все это бессмысленный и суеверный ритуал. Не случайно во время хаджа каждый

год погибает множество людей. Так враг издевается над своими несчастными жертвами. Если ветхозаветные обряды готовили людей к приходу Господа и возвещали Его спасение, то обряды хаджа, не основанные на Откровении, совершенно бессмысленны.

Очень многие проповедники ислама считают шестым столпом обязанность джихада — священной войны с неверными.

Таково православное отношение к тому, что объединяет подавляющее большинство мусульман мира. Мы видим, что нет практически ничего общего в вере между христианами и мусульманами. Под одним и тем же словом подразумеваются совершенно разные реальности. Поэтому все разговоры об «общих авраамических корнях», «двух путях к одному Богу» должны быть оставлены.

Священник Даниил Сысоев. Современные течения ислама — православная оценка. 19.06.2006.
www.orthodoxy-islam.com

КАК ПОЯВИЛИСЬ «ПРОРОЧЕСТВА» МУХАММЕДА

Более-менее подробные сведения о жизни Мухаммеда, которые мы имеем, ограничиваются лишь кругом мусульманских источников, историческая объективность и достоверность

которых вызывает у многих исследователей сомнения. Самое раннее жизнеописание Мухаммеда было написано спустя 120 лет после смерти основателя ислама. Древнейшее из целиком дошедших до нас и каноническое для мусульман написано спустя почти двести лет после смерти Мухаммеда.

Все это время среди мусульман существовало устное предание в виде небольших рассказов-хадисов, восходящих (или возводимых) к тому или иному сподвижнику Мухаммеда. Первые, сохранившиеся до нашего времени, сборники хадисов (т.е. этих самых свидетелей) составлены довольно поздно — спустя 130 лет со дня смерти Мухаммеда, а ранние из общепризнанных — спустя два века после смерти Мухаммеда. Нет стопроцентной уверенности в том, что все эти предания действительно имеют под собой фактическую основу, однако приходится опираться на них для воссоздания того образа Мухаммеда, какой имеют мусульмане, и какой был создан ими в первые века своей истории. Мухаммед родился в аравийском городе Мекка около 570 г. от Р.Х. Он рано осиротел, пас овец, сопровождал караваны, в том числе один раз выезжал в Сирию, принимал участие в межплеменных сражениях. О том, сколь незавидно было положение Мухаммеда в молодости, свидетельствует отказ его дяди Абу Талиба выдать за него свою дочь Фатиху, которую он предпо-

чёл выдать за члена другого племени. В 25 лет Мухаммед поступил на работу к своей дальней родственнице, богатой вдове Хадидже, на которой он чуть позднее женился, несмотря на то, что она была старше Мухаммеда на 15 лет. После женитьбы занялся торговлей кожами, но не сильно в этом преуспел. Ежегодно Мухаммед проводил какое-то время в одиночестве на горе Хира, неподалеку от Мекки (это был обычный для доисламской Аравии образ аскезы). Во время одного из таких уединений в 610 году, когда ему было около сорока лет, Мухаммед услышал обращенный к нему призыв. Ему явился некий безымянный призрак, которого позднее мусульмане стали считать архангелом Гавриилом. Он силой заставил Мухаммеда прочитать стихи. Эти стихи стали первыми строками исламского «откровения» (сейчас они находятся в начале 96 суры (главы) Корана).

Вот как это краеугольное событие описывается в жизнеописании основателя ислама Ибн Хишама: «Посланник Аллаха рассказывал: «Явился мне Джибрил, когда я спал, с парчовым покрывалом, в которое была завёрнута какая-то книга и сказал: «Читай!» Я ответил: «Я не умею читать». Тогда он стал душить меня этим покрывалом, так что я подумал, что пришла смерть. Потом он отпустил меня и сказал: «Читай!» Я ответил: «Я не умею читать». Он опять стал душить меня им, и я подумал, что умираю.

Потом он отпустил меня и сказал: «Читай!» Я ответил: «Что читать?», желая только избавиться от него, чтобы он не стал опять делать со мной то же, что раньше. Тогда он сказал: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил человека из сгустка. Читай! Ведь Господь твой щедрейший, который научил тростинкой для письма человека тому, чего тот не знал» (Коран 96, 1-5). После этого душитель исчез, а Мухаммеда охватило такое отчаяние, что он решил покончить жизнь самоубийством. Но когда уже собирался прыгнуть с горы, он снова увидел того же духа, испугался и в страхе прибежал домой, где рассказал о видении своей жене Хадидже, сказав: «О Хадиджа! Во имя Аллаха, я никогда ничего так не ненавидел, как идолов и предсказателей, и я боюсь, что сам должен стать предсказателем... О Хадиджа! Я слышал звук и видел свет, и я боюсь, что сошел с ума» — так описывает это ранний мусульманский историк Абу Абдаллах Ибн Саад (ум. 845). Хадиджа отправилась к своему двоюродному брату Вараке, которого мусульманские источники называют христианином, и он истолковал видение в том смысле, что это было явление архангела Гавриила (араб. Джибрила), который, якобы, являлся всем пророкам, и что Мухаммед также, следовательно, является пророком единого Бога. Хадиджа постаралась убедить в этом Мухаммеда, которому продолжало по ночам являться то же духовное

существо. Довольно долго он пребывал в подозрениях, что это диавол, однако довольно оригинальным способом Хадидже удалось убедить его, что ему является именно ангел. Когда Мухаммед в очередной раз увидел явившегося ему духа в образе человека, он сказал об этом Хадидже. Была ночь. Она спросила: «Видишь ли ты его сейчас?» Он сказал: «Да». После этого она раскрылась и спросила: «Видишь ли ты его теперь?» Он ответил: «Нет, он исчез». Она сказала: «Крепись и радуйся, потому что мы теперь точно знаем, что это ангел, а не дьявол». По ее мысли, будь он шайтаном, то остался бы посмотреть на обнаженную женщину, а ангел, с подобающей ему стыдливостью, обязательно бы удалился.

Удивляет, как легко решился главнейший в духовном отношении вопрос. Прежде всего, Ангел существо бесплотное и для его взора нет материальных преград: он может видеть и через одежды, которые прикрывают наготу только от человеческих глаз. Да и само тело человеческое не является чем-то порочным, оно есть творение Божие. Греховна человеческая похоть и плотское вожделение, а не тело. В раю прародители были наги и не стыдились (Быт. 2, 25). Ангел безгрешен, ему чужды человеческие похоти, тем более плотские, так как он — существо бесплотное. Для демона же нет ничего сложного в том, чтобы сначала

вложить Хадидже мысль о такой «проверке», а затем показать своё соответствие ей. Мухаммед стал получать новые откровения, но ещё целых три года рассказывал о них только родным и близким друзьям. Появились первые немногочисленные последователи — мусульмане («покорные», а религия получила название ислам («покорность»).

Мухаммед продолжал получать то, что называл «откровениями от Аллаха». Видения, подобные первоначальному, были очень редки. Откровения большей частью приходили в другом образе. Хадисы описывают это так: «Истинно, аль-Харис ибн Хишам говорил: «О посланник Аллаха! Как нисходят на тебя откровения?» Посланник Аллаха сказал ему: «Иногда они приходят ко мне в форме звенящего колокола, и мне приходится очень тяжело; (в конце концов) он прекращает звенеть, и я помню все, что мне сказали. Иногда ангел появляется передо мной и говорит, а я вспоминаю все, что он сказал». Айша сказала: «Я была свидетелем, когда откровение пришло к нему в очень холодный день; когда оно прекратилось, весь его лоб был в испарине» (Ибн Саад, Табакат, т. 1). «Убейд б. Самит рассказывает, что когда откровение сходило на посланника Аллаха, он чувствовал тяжесть, и цвет лица его подвергался изменению» (Муслим, 17.4192). В другом хадисе говорится о следующих признаках: «Лицо

посланника было красным, и он тяжело дышал какое-то время, а потом освободился от этого» (Бухари, 6.61.508). И другие предания сообщают, что Мухаммед при получении «откровений» впадал в мучительные состояния: он судорожно метался, ощущал удар, сотрясавший всё его существо, казалось, что душа покидает тело, изо рта выступала пена, лицо бледнело или багровело, он обливался потом даже в холодный день.

Надо сказать несколько слов о трех основных версиях, которые существовали в христианском мире о понимании этих откровений. Первая версия: Мухаммед это имитировал и дурачил своих последователей. Он специально пользовался этим, чтобы произвести большее впечатление вокруг своего учения. Эта версия развита, в частности, у Феодора Абу Курры (750–825). Стоит указать, что и некоторые современники Мухаммеда придерживались того мнения, что он придумывает свои «откровения» сам, как об этом сообщается в Коране: «И сказали те, которые не веруют: «Это — только ложь, которую он измыслил, а помогли ему в этом другие люди»» (Коран 25:4).

Вторая версия: Мухаммед страдал эпилепсией, и эти состояния были эпилептическими припадками. Первым эту мысль выразил прп. Феофан Исповедник (+818). Она пользуется вниманием в научном мире и до сего дня. Так,

по мнению известного психиатра А.Е. Личко, все признаки, характерные для приступов Мухаммеда, симптоматичны для височной эпилепсии: звон в ушах перед приступом, обострение восприятия, покраснение лица, обильный пот, судороги. Для страдающих ею характерны чрезвычайно яркие галлюцинации, обострённое восприятие запахов, повышенная сексуальность.

Третья версия состоит в том, что Мухаммед действительно видел все эти видения, которые были созданы отрицательными духовными силами, то есть во время этих состояний он находился под воздействием бесов. И этим бесообщением объясняется его состояние. Это высказывал Георгий Амартол, христианский историк IX века. Подобное мнение разделяли и некоторые современники Мухаммеда, которые, допуская, что он поддерживает тесную связь со сверхъестественным миром, считали его одержимым («маджнун» (Коран 68:51), говорили, что он «колдун» или околдованный (Коран 10:2, 17:47). Светские учёные предлагали целый спектр возможных объяснений: истерические припадки (А. Шпренгер), эпилепсия (Т. Нёльдеке), видение миража (М.Я. де Гуйе), последствия употребления галлюциногенных снадобий (Аренс), галлюцинации, вызванные нервным напряжением (О.Г. Большаков), особое гипнотическое состояние (Е.А. Резван), «шаманская болезнь» (И.Н. Винников). Действительно, призвание Мухаммеда, как

оно описано в мусульманских источниках, очень напоминает способ призвания шамана духами. Как известно, шаманами никто не становится по своей воле. Шаманы избираются потусторонними силами для службы им, после чего духи заставляют, в том числе и мучениями (так называемая «шаманская болезнь»), кандидата в шаманы принять определенную им миссию. Видна основная параллель и в призвании Мухаммеда, и в призвании шаманов — насилие над личностью, желание силой и мучениями заставить человека принять чуждую ему волю. Каждая из указанных выше интерпретаций имеет своих сторонников и в наше время. Не исключено, что в реальности все эти факторы сочетались и переплетались между собой.

Кандидат богословия, диакон Георгий Максимов

ОДНОМУ ЛИ БОГУ ПОКЛОНЯЮТСЯ ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ?

**Доказательство того,
что пребывают в заблуждении
считающие, будто мусульмане
сохраняют веру в Бога Отца**

Для ответа на этот вопрос естественнее всего рассмотреть по пунктам мусульманское учение о Боге. Конечно, некоторые представ-

ления будут совпадать в ряде моментов — это касается, например, всемогущества Бога, всеведения. Однако даже схожие названия нередко таят в себе принципиальные отличия.

Вообще многие понятия в христианстве и исламе омонимичны, то есть по-русски называются одними и теми же словами, но на деле подразумевают совершенно разное наполнение. Это касается в общем-то почти всех религий, но ислама — особенно. Когда мы произносим: «молитва», «пост», «милостыня», «память», «душа», «грех», «Писание», — христиане и мусульмане подразумевают при этом совершенно разные вещи. Если этого не знать, при разговоре неизбежно возникает и нарастает взаимное непонимание. Поскольку каждый априори считает, что оппонент имеет в виду под употребляемым словом именно то, что имеет в виду он сам!

Например, ислам отрицает понятие первородного греха. И в Коране, и в Библии описывается грехопадение прародителей. Однако в Коране этому факту не придается такого общечеловеческого значения, как в Священном Писании христианства. Адам покаялся и был прощен. Его неведение было упразднено, грех исчез. Первый грех в исламе не мыслится как первородный — открывший путь всем последующим грехам. По сути ответственность за реально наблюдаемую в естестве каждого че-

ловека отрицательную силу ислам списывает на Бога.

В самом понимании греха также есть отличия. По мусульманскому учению грех — это неведение божественного закона. Исповедание ислама и исполнение предписанных ритуалов автоматически, — как им кажется, — очищает мусульман от совершенных грехов, поэтому у них нет покаяния, исповеди, ничего подобного. Христианство же никогда не рассматривало грех лишь как неведение. Религиозный опыт не только христиан, но всего человечества убеждает в том, что грех оказывает влияние на согрешающего гораздо более глубинное, чтобы можно было ограничивать его только лишь умом.

Возьмем представления мусульман о Боге как о Творце. Когда мы слышим, что мусульмане называют Бога творцом, то автоматически подразумеваем, что они понимают это так же, как и христиане, то есть, что Бог единожды сотворил мир и законы, по которым он управляется, и, поддерживая его Своим Промыслом, после шести дней творения Он больше ничего нового не творит.

Однако мусульмане, начиная с IX века, следуя богослову аль-Ашари, считают, что Бог каждую секунду, каждое мгновение творит мир заново. Когда они говорят, что Бог — творец, то подразумевают, что Бог — творец не

только мира, но и каждого действия человека и животного, которые в нём обитают: «Бог создал вас и то, что вы делаете» (Коран 37, 96).

Естественно, что мусульманское представление о том, что Сам Бог творит все действия живых существ (ангелов, людей, животных, насекомых и т.п.), в том числе и физиологические, и даже греховные, противоречит христианскому учению о том, что Бог единожды сотворил мир и законы, по которым он управляется и, поддерживая его Своим Промыслом, после шести дней творения больше ничего нового не творит; что Бог предоставил подлинную свободу Своему творению, так что каждый человек является подлинным творцом своих дел, и потому заслуженно несёт за них ответственность.

Такое мусульманское представление связано с другим характерным для ислама учением, согласно которому Аллах есть равно источник и добра и зла. В Коране есть строки: «И если постигнет их хорошее, они говорят: «Это — от Аллаха», а когда постигнет их дурное, они говорят: «Это — от тебя». Скажи: «Все — от Аллаха»» (4, 78). Согласно одному из хадисов, для искупления греха суеверия человеку нужно произносить: «О Аллах! Нет добра, кроме Твоего добра и нет зла, кроме Твоего зла...» (сборник Ахмада б. Ханбала, 2.220). Поэтому в мусульманской литературе есть высказывания: «И добро и зло от Аллаха» (Ахмад б. Ханбал). «Все-

вышний Аллах сотворил как добро, так и зло и предустановил выпадение их на долю раба в определённый срок» (ан-Навави). Он есть «Творец небес и земли и всего, что в них, Самосущный источник зла и добра» (Р. Ридда), «Он — приносящий зло, Он - дарующий блага» (ат-Тамими).

Согласно Корану, Аллах издевается над теми, кто не уверовал, и усиливает их заблуждение (Коран 2, 14). Он «сбивает с пути, кого захочет, и ведёт, кого хочет» (Коран 35, 9). Он «замышляет хитрость» (Коран 86, 16), ибо «Аллах — лучший из всех хитрецов» (Коран 47, 54). «Он обманывает» (Коран 4, 141). Он меняет свою волю (Коран 13, 39).

Пусть каждый читатель сам сделает вывод, насколько вышеозначенные представления соответствуют христианскому учению о всеблагом Боге, Который «не искушается злом, и Сам не искушает никого» (Иак. 1, 13–14), у Которого «совершенны дела Его, и все пути Его праведны. Бог верен, и нет неправды в Нем» (Втор. 32, 4), Который говорит: «Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился он от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11), Который «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4), и у Которого «нет изменения и тени перемены» (Иак. 1, 17), ибо «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23, 19).

Объявлять Бога источником зла, как делают мусульмане, с точки зрения христианства — богохульство. Для самих же последователей Мухаммеда это обусловлено еще одним краеугольным отличием — учением о предопределении, согласно которому «ничего не происходит без его желания и ничто не выходит из под его воли, и ничто не отклоняется от его предопределения».

Предначертано все до мельчайших подробностей, каждый поступок каждого человека, и, более, того, как мы помним, сам же Аллах эти действия и творит. Мир и вся история человечества низводится до заурядного театра марионеток, а Творец — до странного кукольника, заигравшегося с самим собой.

В Коране Аллах повелевает Мухаммеду: «Скажи: "Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах"» (Коран 9, 51).

Некоторым Аллах предначертал верить в него: «не придется душе уверовать, иначе как с соизволения Аллаха» (Коран 10, 100), а других ему угодно делать неверующими: «Мы сотворили для геенны много джиннов и людей: у них сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, уши, которыми не слышат. Они — как скоты, даже более заблудшие» (Коран 9, 178), поэтому «того, кого сбил с пути Аллах, никто не направит на прямой путь» (Коран 39, 36), «для них — великое наказание!»

(Коран 2, 6), «Аллах произдевается над ними и усилит их заблуждение» (Коран 2, 14).

В достоверном хадисе из сборника Малика приводятся следующие слова Мухаммеда: «Господь сотворил Адама, затем двинул своей правой рукой у него за спиной и произвел одних потомков: мы сотворили их для Небес, и они будут делать дела, приличествующие для хороших людей. Затем он двинул левой рукой и произвел других потомков: мы сотворили их для ада, и они будут делать дела, приличествующие для ада».

Не случайно святые отцы Православия осуждали учение о предопределении как ересь и богохульство, ведь Бог, согласно такому представлению, есть непосредственная причина всех поступков человека, но при этом Он же и наказывает человека за то, что Сам же заставил его сделать. Разве это справедливо?

Но это еще далеко не все отличия. В мусульманском богословии в результате споров и дискуссий в средние века появилось учение об атрибутах Бога. В их перечне есть и очень оригинальные атрибуты, которые с христианским представлением никак не вяжутся. Например, божественным атрибутом признается Коран. Он считается вечным словом Аллаха, неизменно существовавшим всегда. Соответственно получается, что и арабский язык существовал всегда, и Коран вечен и не-

изменен, как Бог, совечен Ему. И арабский язык считается в исламе собственным языком Аллаха, об этом Мухаммед говорит в хадисах.

Нужно признать, что учение о том, что Бог имеет совечный и неизменный атрибут в виде книги на арабском языке, совершенно не сочетается с библейскими представлениями о Боге. Вызывает сильное недоумение вера в то, что и арабский язык существовал всегда, и что, к примеру, суры «Корова» или «Паук» есть атрибуты Бога и существовали до творения мира, равно как и содержащаяся в Коране ругань на Абу Лахаба и его жену, личных врагов Мухаммеда, и т.п. Бог, в Которого верят христиане, таких атрибутов не имеет.

Неудивительно, что это учение встречало критику даже в среде самих мусульман. Так, в VIII–X веках богословское течение мутазилитов восставало против догмата о несотворенности Корана, вполне логично указывая, что допущение извечности и несотворенности Корана равносильно наделению его свойствами Бога или, иначе, признанию наряду с Аллахом второго бога. Следовательно, ни о каком хваленом единобожии (таухиде) говорить не приходится. Мутазилиты исчезли под гнетом суннитских преследований, но аргументы их вполне резонны и по сей день. Ведь Коран не тождественен Богу (никто не назовет экземпляр книги Богом), и вряд ли при этом нераз-

рывно с ним слит и обладает божественными свойствами.

Аллах в исламе мыслится как абсолютно потустороннее, непроницаемое, непостижимое существо. Вот как описывал Аллаха крупный богослов Аль-Ашари (873-935): «Ничего из того, что можно представить рассудком или вообразить, призвав на помощь фантазию, не имеет с Ним сходства. Его невозможно увидеть глазами, нельзя испытать удовольствие или радость, постигнув Его. Его ничто не волнует». Это совсем не похоже на Бога, который «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16), «Он силен спасти тебя; возвеселится о тебе радостью, будет милостив по любви Своей, будет торжествовать о тебе с ликованием» (Соф. 3, 17).

Христианский «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8). Аллах же говорит о себе: «Высокомерие — мой плащ, а гордость — мой покров. Каждого, кто будет претендовать на что-либо из этого, я брошу в огонь» (Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. М., 2000. С. 240).

Следует рассмотреть и то, как ислам относится к христианскому представлению о Боге. В 112-й суре Корана об Аллахе говорится: «Не рождал он и не был рожден». Разве это можно соотнести с православным учением о Боге

Отце, Сыне и Святом Духе, Троице единосущной и нераздельной? Коран за то, что христиане сказали «Христос — Сын Аллаха» (то есть Бога), так характеризует их: «Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены!» (Коран 9; 30, 32). Согласно исламу, Христос — обычный человек, а не Сын Божий, мусульмане принципиально отвергают даже мысль, что у Бога есть предвечно рождающийся Сын, тогда как Писание говорит нам: «Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1 Ин. 2, 23).

Христиане верят в Божественную Троицу и знают о Боговоплощении, мусульмане же последовательно отвергают и то, и другое — эти два главных догмата христианского учения о Боге.

Сказанного достаточно, чтобы ответить на вопрос: «Один и Тот же Бог Евангелия и Аллах Корана?»

Кандидат богословия, диакон Георгий Максимов

ЗАБЛУЖДЕНИЯ МУСУЛЬМАН

Искажен ли текст современной Библии по сравнению с ее оригиналами?

Учитывая, что мусульмане признают Богооткровенность Библии и запрещают отвергать Откровения, данные Богом, попытаемся разо-

браться, искажен ли текст современной Библии по сравнению с ее оригиналами. Говоря о Ветхом Завете, нам хотелось бы обратить внимание читателей на его текстологическую сохранность, которая поистине уникальна, что подтверждают и находки в районе Мертвого моря. Сверка обнаруженных древних библейских рукописей с современными изданиями Библии показала их тождественность.

Самый древний фрагмент Нового Завета, сохранившийся до наших дней, это фрагмент Евангелия от Марка (6, 52–53): ряд ученых датирует этот фрагмент 45–50 годами от Р.Х. Наиболее полный список новозаветных книг, имеющих в распоряжении современных исследователей Нового Завета, датируется концом второго века.

Текстологи, определяя аутентичность (соответствие друг другу) текста Нового Завета, пользуются следующими источниками: греческие рукописи, древние переводы на другие языки, новозаветные цитаты раннехристианских писателей. На сегодняшний день науке известны не менее пяти тысяч греческих рукописей Нового Завета. Имеются переводы фактически на все языки древнего мира, по новозаветным цитатам раннехристианских авторов можно собрать весь Новый Завет. В древности книги писались от руки, естественно, переписчики допускали ошибки. Но,

учитывая поистине гигантский материал, по которому можно проверить точность рукописей, ученые высчитали процент погрешности Нового Завета и пришли к выводу, что чистота текста равняется 98,33 %.

Какие общие выводы можно сделать из всего вышесказанного? Текст современного Нового Завета (имеется в виду сохранившийся до наших дней древнегреческий текст, а любой серьезный перевод Нового Завета на любой современный язык всегда осуществляется с древнегреческих оригиналов), фактически аутентичен древнему. Попытки доказать истинность или неистинность тех или иных фрагментов Нового Завета должны быть подкреплены не идеологическими восклицаниями, а древними рукописями. Иначе любые обвинения в искажении Нового Завета являются всего лишь домыслами.

Мусульмане ставят христиан в сложное положение: с одной стороны, они призывают христиан следовать Библии и грозят им карам, если они этого не сделают (см.: Сура 3:3; 2:136; 3:84), но тут же угрожают, если следуя этому совету, христиане отвергнут Коран. Признав Коран, христиане будут вынуждены отказаться от Библии, конечно мусульмане могут заявить, что Библия искажена, но в этом случае хотелось бы узнать, какие конкретно фрагменты подверглись искажениям и на чем основа-

но такое заявление? Объяснение наподобие следующего: Библия искажена, потому что не соответствует Корану, серьезным аргументом назвать нельзя. В ответ можно возразить, что Коран не является Откровением Божиим, потому что не соответствует Библии. В результате такой аргументации ничего достигнуть нельзя. Если Библия искажена, то почему мусульмане ищут в ней подтверждения пророческого статуса Мухаммеда? Не логичнее ли в таком случае было бы вообще забыть о Библии? В общем, мусульмане, формально признавая истинность христианства и Библии, на практике не признают за ними права на спасительность. Такая двойственность, на взгляд автора, ни к чему хорошему привести не может, так как воспитывает в мусульманах лицемерие. Становится даже жаль мусульман, поставленных Кораном в нелепое положение. Если бы он изначально заявил о ложности Библии, отринул библейских пророков и Христа, то все было бы проще. Но Коран признает даже Богооткровенность Библии, а это создает для мусульман ряд проблем. Если они признают текст Библии, это будет означать, что Коран ложен, Мухаммед не был пророком, сам же ислам — лжерелигия. Если заявят, что ложна Библия, встает вопрос об основаниях таких заявлений. Сказать, что Библия ложна изначально, мусульмане не могут, так как Ко-

ран учит иначе, поэтому приходится утверждать, что христиане впоследствии извратили Библию, но библейская текстология очень развитая наука, и имеющиеся в наличии древние рукописи это заявление опровергают. Таким образом, мусульмане вынуждены пользоваться идеологическим приемом: мы правы, потому что мы правы! Более серьезных аргументов у них нет. Поистине, такое положение мусульман, кроме жалости к ним, ничего не вызывает.

Происхождение Корана

Несколько слов о главном вероучительном источнике ислама, Коране.

Для мусульман Коран является главной вероучительной книгой. Первоначально Коран передавался устно, причем устная передача Корана существовала достаточно долго. При жизни Мухаммеда тексты Корана сообщались писцам преимущественно по памяти, но некоторые его части были записаны арабским письмом на костях животных, пальмовых листьях, камнях, ткани. При этом отнюдь не все писцы относились к своей работе ответственно. Были и такие, которые сознательно искажали текст Корана. Например, таким человеком был некий АбдАллах Бен Саад, долгое время служивший у Мухаммеда писцом и чрезвычайно гордившийся тем, что многие места из Корана придуманы им лично. После смерти Мухаммеда

среди его последователей было распространено огромное количество копий Корана, которые имели между собой серьезные разночтения. При этом каждая копия претендовала на истинность. В 651 году по приказу халифа Османа под руководством Зейда ибн Сабита (последнего писца Мухаммеда) составляется та версия Корана, которая, главным образом, распространена в современном исламском мире, а все иные его версии уничтожаются.

Есть свидетельства о том, что многие отрывки Корана из-за смерти ближайших сподвижников Мухаммеда были утеряны. Нет никаких оснований считать имеющийся сегодня текст Корана полностью аутентичным словам, произнесенным Мухаммедом. В противном случае зачем же было уничтожать иные версии Корана при Османе?

При этом нужно отметить, что еще четыре века спустя среди мусульман не было уверенности в том, что текст Корана полностью истинен. Последователи Мухаммеда, по сути, переписывали Коран. Тот же вариант Корана, который мусульмане сейчас распространяют, представляет собой всего лишь один из существовавших текстов, но отнюдь не единственный. Интереснее всего то, что даже современные мусульмане не могут прийти к согласию, какая же версия Корана истинна. Например, сунниты признают так называемые

мую версию Масуда, но ее текст имеет множество разночтений по сравнению с текстом версии халифа Османа. При этом разночтения относятся не к различиям в диалектах языков оригинального текста, а к смысловому содержанию. Современные шииты вообще обвиняют халифа Османа в том, что он умышленно убрал из Корана многие стихи. Подобное отношение к книге, которую мусульмане считают священной, по меньшей мере, странно. Здесь нельзя не заметить, что исследователи библейских текстов больше всего поражаются сохранности ее текста.

Мусульманское предание утверждает, что при жизни Мухаммеда весь текст Корана целиком был известен только четверем его последователям, среди которых был Зейд ибн Табит, который в дальнейшем и составил имеющийся на сегодняшний день у мусульман текст Корана. Хотя, судя по всему, с учением Мухаммеда было знакомо намного большее количество людей. После смерти Мухаммеда текст Корана начал систематизироваться не сразу, к моменту его фактического составления значительная часть мусульман, слышавших Коран от самого Мухаммеда, уже умерла. Новообращенные мусульмане уже не имели возможности проверить аутентичность Корана, опираясь на личное знакомство с Мухаммедом, поэтому им приходилось верить на слово своим учителям.

Судя по всему, версии Корана имели много различий, но в отличие от христиан, которые берегут древние рукописи, даже если находят в них различия, мусульмане поступили проще, уничтожив все древние рукописи, не соответствовавшие единственно «правильной», т. е. составленной Зейдом. Утверждение мусульман о том, что имеющийся у них Коран является рукописью, данной напрямую Богом, по меньшей мере, спорно: «Пусть никто из вас не говорит: «Я получил весь Коран». Откуда он может знать, что это весь Коран, когда значительная его часть исчезла? Пусть лучше он скажет: «Я получил то, что сохранилось»». Кроме того факта, что после смерти Мухаммеда было несколько Коранов, исследование самого текста данной книги показывает, что Коран имеет много заимствований из иудейских, христианских, зороастрийских и буддийских источников. При этом заимствования явно носят искаженный характер, что странно: трудно предположить, что Бог забыл то, что давал раньше, но легко предположить, что Мухаммед просто пересказывал в Коране то, что слышал от других. Естественно, его знания о других религиях носили поверхностный характер, отсюда и искажения, обнаруживаемые в Коране при пересказах сюжетов, позаимствованных из других религий. В наше время фактически нет рукописей Корана, ко-

торые были бы написаны ранее 150 лет после смерти Мухаммеда. Этот факт очень примечателен, особенно если сравнить сохранность рукописей Корана с сохранностью рукописей Нового Завета. И это притом, что христианство древнее ислама и в первые века своего существования было окружено враждебной языческой обстановкой. Мусульмане же не смогли уберечь Коран, даже имея собственное государство.

Нелепости Корана

В Коране говорится, будто Авраам и Измаил построили храм в Мекке (сур. 2:121), будто в жертву принесен был Измаил (сур. 38:188), будто Дева Мария, Матерь Господа нашего Иисуса, была сестра Аарона, будто Иисус еще в колыбели изрек о себе: «Я раб Бога, Он дал мне книгу и поставил меня Пророком» (сур. 19:28) и т.п.

Что же касается прочих частей мусульманского учения, которые заимствованы в Коране из человеческих источников, то здесь мы часто встречаем заблуждения и часто нелепости.

Так в теоретической части утверждается:

а) что все, происходящее в мире, подчинено безусловному предопределению Божию, а иначе происходить не может (17:13; 9:53);

б) что, в частности, и каждый человек имеет свою неизбежную, неотвратимую судьбу (17:13), каждому предназначается известный

образ жизни и деятельности, доброй или злой, — чем явно подрывается всякая свобода и нравственность, и Бог становится виновником зла;

в) что Бог сотворил многих людей для геены, и потому в собственном смысле есть деспот (7:180; 37:163; 3:189);

г) что вечное блаженство праведников в раю будет состоять в самых грубых чувственных удовольствиях (2:25; 37:41; 55:45) и проч.

В практической части мусульманская вера:

а) хотя и говорит о любви к Богу, но эта любовь необходимо превращается в рабский страх и слепую преданность судьбе;

б) говорит также о любви к ближним, но число ближних ограничивается только одними правоверными, т.е. мусульманами, и притом друзьями;

в) по отношению же к иноверцам — заповедует преследовать их и убивать за несогласие принять мусульманство (47:4);

г) по отношению к врагам и оскорбителям — позволяет мщение и даже убийство (42:38).

Кроме того:

д) допускается многоженство и наложничество (4:3; 2:224; 36:50);

е) повелевается распространять веру мечом и насилием (8:4; 9:13);

ж) предписывая многочисленные обрядовые постановления, как то: посты, омовения,

разные роды молитвы, путешествия в Мекку, воздержание от некоторых яств и питий и т. д., дает всем этим вещам такую цену, что от них будто вполне зависит вечное спасение человека.

Неизбежным плодом такого учения выходит то, что вся мусульманская нравственность ограничивается строгим исполнением внешних постановлений, в то время как на исправление сердца не обращается почти никакого внимания.

Главная слабость исламского вероучения состоит в том, что оно является лишь религиозным законом, сводом правил и предписаний и не дает прямой связи с Богом. Мусульмане взяли на веру изречения Мухаммеда, который никогда не общался с Творцом напрямую и придали божественные свойства книге с записью этих изречений — Корану. При этом они упорно не желают принимать веру в Живого Бога, Который воплотился, снизошел к падшему человечеству для его спасения, открыл Себя для общения со всеми людьми. Живой Бог отвергает формализм в отношении Себя и говорит: «Сыне, дай Мне твое сердце!». Ему нужно именно человеческое сердце, а не правильно исполненные законы и обряды.

Творец и Спаситель мира открыт для любого человека, который обращается к Нему с искренней молитвой и покаянием.

Живой Бог просит любви к Себе, а не мертвых ритуалов, что хорошо видно из Его отношения к фарисейскому благочестию в Евангелиях.

Есть ли в Библии предсказание о Мухаммеде?

В нескольких словах суть проблемы сводится к следующему. Мусульмане стремятся найти предсказание из Нового Завета, которое можно было бы отнести к пришествию их «пророка» Мухаммеда. В Новом Завете много говорится о лжепророках, которые придут после Христа: «...и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих» (Мф. 24, 11), но там ничего не сказано о приходе пророка Мухаммеда до второго пришествия Христа, конечно, если следовать тексту Нового Завета! И тогда исламские апологеты, чтобы подтвердить «пророческий» статус Мухаммеда, опираясь на Новый Завет, прибегают к грубому обману своих последователей. Каким образом? Используя следующий стих Корана:

И вспомните, как Иса, сын Марийам, сказал:

«Сыны Израила!

Я к вам посланник от Аллаха,

Чтоб истину Закона (Тора) утвердить,

Ниспосланного вам до моего прихода,

И сообщить вам благодетную весть,

Что вслед за мной придет посланник Бога,
Имя которому Ахмад (Коран 61, 6).

Комментируя данный стих Корана, апологеты ислама утверждают, что в 16-м стихе 14-й главы Евангелия от Иоанна упоминается Мухаммед под словом «Утешитель».

«И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя [старогреческое «Paracletos» («Параклетос»)], да пребудет с вами вовек».

Мусульмане утверждают, что слово «Параклетос» — это искаженный вариант слова «Periklytos» («Периклитос»), которое означает «восхваляемый», т.е. Ахмад, или Мухаммед, а значит, Мухаммед и есть Утешитель.

Однако в древнегреческом языке слово «paracletos» (параклетос) — «призванный (на помощь), ходатай, адвокат», в Новом Завете — «заступник, утешитель», совершенно отличается от слова periklytos (периклитос), которое означает «повсюду славный, весьма славный». Это два совершенно разных слова. И они отнюдь не являются искаженной формой друг друга. Непонятно на основании каких правил древнегреческого языка мусульмане преобразуют эти слова друг в друга.

Что же касается заявления о том, что правильнее было бы использовать вместо paracletos (параклетос) совершенно другое слово, а именно periklytos (периклитос), которое, как мы уже сказали, отнюдь не является

искаженной формой *paracletos* (параклетос), то данное заявление ничем не подтверждено, кроме попыток мусульман придумать собственные правила древнегреческого языка. Есть древние рукописи, в которых используется конкретное слово, и не мусульманам редактировать древние христианские тексты, подменяя в них слова теми, которые им более нравятся.

Но допустим на минуту, что жонглирование словами из Евангелия от Иоанна исламскими апологетами имеет под собой более серьезное основание, кроме их желания, чтобы это было именно так, — докажет ли это, что Утешитель есть Мухаммед? Отнюдь нет. *Paracletos* (Параклетос) используется в Евангелии от Иоанна еще в одном месте, и это место звучит так: «Утешитель (*Paracletos*, Параклетос) же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14, 26). Если уж мусульмане упоминают стихи, в которых используется слово «*paracletos*» («параклетос»), то пусть уж не делают это выборочно. Если же они не считают другие стихи истинными, пусть обоснуют свой подход. Также хотелось бы обратить внимание апологетов ислама, которые столь смело интерпретируют Новый Завет, что значение любого слова воспринимается в смысловом контексте всего отрывка. И даже тождествен-

ность перевода двух слов (а любой перевод — это всегда интерпретация текста), если бы она имела место, ничего бы не доказала, кроме неграмотности тех, кто счел бы ее весомым аргументом. Если обратить внимание на контекст, в котором используется слово «Утешитель» в Евангелии от Иоанна, то любой читатель без труда может узнать, что Утешитель пребудет с христианами вовек (Ин. 14, 16). Далее, Утешитель является Духом истины, которого мир не видит и который пребывает внутри христиан, и христиане Его знают (Ин. 14, 17). Как могли христиане первых веков знать Мухаммеда, который, в таком случае должен был пребывать в них? Христос говорит, что Утешитель будет свидетельствовать о Нем, а не о Мухаммеде (Ин. 15, 26). И главное — в Новом Завете прямо сказано, что Утешитель — не человек, а именно Дух (Ин. 14, 26). Кстати, мусульмане неоригинальны в попытке отнести пророчество об Утешителе к основателю своей религии. Кроме них, к такому же приему прибегли и другие религиозные деятели. Например, бахаисты относят предсказание Христа об Утешителе к основателю своей секты Бахаулле, такие же претензии есть и у основательницы сахаджайоги госпожи Шриваставу: «Знайτε, что Она есть воплощение пророчества Господа Иисуса Христа, когда Он сказал: «Я пошлю вам Утешителя, Советника и Спасителя — святой дух, ко-

торый научит вас всей истине». Это знание не должно быть слепой верой, вы в этом можете убедиться сами».

Итак, мусульмане не признают за христианами права оставаться христианами по той простой причине, что христианство и ислам несовместимы. Признание авторитета Библии мусульманами автоматически делает Коран лжеоткровением, именно поэтому мусульмане формально декларируют уважение к Библии, в реальности отвергая то, чему она учит. Пророчество о Параклите не может быть отнесено к Мухаммеду, так как для этого нет никаких серьезных оснований. Опираясь на Новый Завет, Мухаммеду можно присвоить лишь звание лжепророка, так как до Второго Пришествия Христа никаких иных пророков согласно Новому Завету не будет. «Все пророки и закон прорекли до Иоанна» (Мф. 11, 13).

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ОСНОВАТЕЛЯ ИСЛАМА

Любая религия, формируя мировоззрение человека, его ценностную ориентацию, определяет и те нравственные устои, которыми ее последователь руководствуется в своих

поступках, в своем отношении к окружающим. Первостепенное значение в религии имеет личность ее основателя, потому что именно основатель являет собой тот пример, на который ориентируются в своих поступках его последователи. Дела духовного лидера находят свое продолжение в делах адептов, поэтому особенно важно, чтобы поступки основоположника были достойны подражания, чтобы в них не было ничего такого, чего могли бы устыдиться и отвергнуть его последователи.

Христос призывает каждого человека к уподоблению Ему: «...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Апостол Павел писал первым христианским общинам: «...Дети мои, ... я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4, 19), «...ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил. 2, 5). Для любого христианина эти призывы всегда действенны, и, несмотря на то, что их воплощение в жизнь требует значительного ежедневного подвига, каждый христианин, если он считает себя таковым, должен стремиться к их жизненной реализации. Внутреннее преображение, уподобление Христу, о котором пишет ап. Павел, изменяет весь строй жизни христианина, его мысли и поступки, что чрезвычайно важно для нас, потому что, как сказано в Священном Пи-

сании, каждый человек будет судим Богом по своим делам (Откр. 20, 13). Но дела эти, как выше уже было отмечено, во многом определяются тем примером, который верующий человек видит в основателе своей религии.

Согласно исламскому учению: «Посланник Аллаха — образцовый пример для вас, для тех, кто возлагает надежды на Аллаха» (Коран 33, 21). Поэтому действия и нравственный облик Мухаммеда имеют огромное значение для каждого мусульманина.

Изучая ислам, бросается в глаза тот факт, что мусульмане считают Мухаммеда величайшим из всех Божьих пророков. Более того, сам Мухаммед был уверен, что он подобен Христу: «Абу Хурайра рассказывает, что посланник Аллаха (т.е. Мухаммед) (да пребудет он с миром) сказал так: «из всех людей и пророков, принадлежавших одной религии, я более схож с Иисусом Христом и ни один пророк не поднимался между мной и Иисусом».

Это дает право ожидать, что поступки Мухаммеда, по меньшей мере, не будут противоречить делам Христа. Рассмотрим, так ли это.

Каким было, например, отношение Мухаммеда к браку?

Мухаммеду приписывают следующие слова: «Худшие из мертвых суть те, кто умерли холостыми». Интересно отметить, что точное число жен Мухаммеда не знают даже сами му-

сульмане. Согласно исламским преданиям, у Мухаммеда было от одиннадцати до двадцати пяти жен, и при этом он имел еще множество наложниц. Для мусульман Мухаммед поставил ограничение не брать больше четырех жен, но потом получил «откровение», что ему самому, в виде исключения, можно брать неограниченное количество жен.

На своей любимой жене Айше Мухаммед женился, когда ей было шесть лет, а ему пятьдесят (фактически женой Мухаммеда Айша стала в возрасте девяти лет). Поскольку Мухаммед — образец для мусульманина, то это является правовым прецедентом в мусульманском праве. В Иране и Марокко до сего дня девочек могут отдавать замуж в девять лет.

Один из браков Мухаммеда вызвал скандал, так как он женился на супруге своего приемного сына Зайнаб бинт Джахш, которой, ради этого, пришлось развестись со своим мужем, причем многие арабы сочли этот поступок Мухаммеда равносильным инцесту. Когда некоторые из мусульман посмели этим возмутиться, поскольку, по понятиям арабов такой брак являлся кровосмешением, то Мухаммед тут же получил «откровение», разрешающее жениться на женах приемных сыновей.

Жены Мухаммеда отличались ревностью и активно плели интриги как друг против друга, так и против своего мужа. Интересно заметить,

что Коран разрешает иметь до четырех жен, но лишь при условии, что муж может их содержать. Но, видимо, для своего пророка Аллах сделал исключение. Принимая во внимание подобное отношение Мухаммеда к женщинам, не вызывает удивления тот факт, что в современном исламе женщинам отводится роль людей второго сорта. Если это не так, то почему же в исламе нет равенства? Если мужчина может иметь четырех жен, то почему женщина не может иметь четырех мужей? Сравнивая отношение Мухаммеда к браку с отношением к нему Христа, можно заметить их кардинальное различие. Если для Мухаммеда худшие из умерших — это те, кто умерли холостыми, то учение Христа в этом вопросе в корне отлично: «Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, 10–12). Апостол Павел писал по этому вопросу: «хорошо человеку не касаться женщины» (1 Кор. 7, 1). В то же время христианство не отвергает брак и не считает его скверной: «Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбоде-

ев судит Бог» (Евр. 13, 4), причем первое Свое чудо Господь совершил на свадьбе в Кане Галилейской (Ин. 2, 1–11). Однако, говоря о браке, Христос подчеркивает его единственность: «... посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 5–6). Священное Писание выступает против многоженства (Втор. 17, 17), однако, если в ветхозаветные времена многоженство еще допускалось как исключение, то в Новом Завете таких исключений нет, в частности, когда апостолы писали о браке служителей Церкви, они подчеркивали, что у них не может быть больше одной жены (1 Тим. 3, 2; 1 Тим. 3, 12; Тит. 1, 6). Иисус учил: «Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19, 9). В Православной Церкви человек, женившийся во второй раз, не допускается к рукоположению и не может стать священником.

Допускал ли Мухаммед обращение людей в свою веру насильственным путем? Знакомясь с его жизнеописанием, нельзя не заметить, что вся жизнь этого Божьего пророка представляет собой путь война, дорогу, обильно политую кровью. Мухаммеда называют «пророком

меча»: взлет его прозелитической¹ деятельности начался именно тогда, когда он отказался от мирного обращения людей в свою веру. Главным методом исламизации окружавших Мухаммеда племен стал джихад, священная война. За все время пребывания Мухаммеда в Медине им было совершено более восьмидесяти боевых акций против соседних племен. Подобная практика совершенно невообразима в рамках христианства: отношение Христа к тем, кто считал себя Его врагами, видно хотя бы из описания момента его пленения (Мф. 26, 49–53). Слова Христа в момент Его пленения стали крылатыми: «...возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). История первых веков христианства это история непрерывного самопожертвования, когда христиан убивали и пытали, бросали на растерзание диким зверям, сжигали и распинали. Но поступали ли так же сами христиане? Нет. Христиане проповедовали Христа своей жизнью, своим нравственным примером, духовным обликом, а не мечом. Христос не призывал к насилию, Он учил о любви к ближним: «...возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39), полагая наличие любви в качестве главной отличительной черты христианина: «По тому

¹ Прозелитизм — стремление завербовать возможно больше сторонников, прозелитов какого-нибудь учения.

узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Обычно мусульмане упрекают христиан в крестовых походах, свидетельствующих о том, что многие христиане нарушают заповеди собственного Учителя. И с этим обвинением можно частично согласиться, но здесь уместно вспомнить слова Христа: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф.7, 21).

Как Мухаммед относился к своим критикам, был ли он терпим к ним? Было ли милосердие одним из основных качеств его характера? Из жизнеописания Мухаммеда очевидно, что его вряд ли можно назвать самым терпимым и милосердным человеком. Например, Мухаммед считал вполне допустимым физическое уничтожение своих оппонентов: по его приказу были убиты Кааб ибн Ашраф, Абу Рафи, Ал-Харис ибн Самит, Абу Афак, Асма бинт Марван. Главным образом Мухаммед убивал поэтов, которые писали о нем сатирические стихи. Интересно отметить, что все убийства совершались в ночное время, без лишних свидетелей. Допустил Мухаммед и массовое убийство беззащитных людей положившихся на его милость: племя бану кайнука было фактически полностью вырезано, женщин и детей продали в рабство. Ничего похожего на то, что совершал со

всеми несогласными с ним или неугодными ему Мухаммед, мы не находим в жизнеописании Христа. В момент ареста Христа ап. Петр отрубает ухо одному из тех, кто пришел за его Учителем. Как поступает Иисус Христос? Он исцеляет этого человека (Лк. 22, 51). А как бы на месте Христа поступил Мухаммед? Скорее всего, он приказал бы убить тех, кто пришел его арестовать. Мы видим, что Христос являет пример величайшей любви к тем, кто Его ненавидит, Он молится за Своих убийц на кресте: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Ни одного слова проклятия не срывается с Его губ в их адрес. Возможно ли найти аналог такой любви и всепрощения в жизнеописании Мухаммеда?

О том, что надо «убивать неверных» прописано в Коране и в Сунне — втором, после Корана вероучительном источнике ислама. Например, характерен следующий хадис из Сунны, свидетельствующий, что Мухаммед сказал: «Мне приказано воевать с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет Бога кроме Аллаха, и что Мухаммед Его слуга и Его Посланник, не повернутся в направлении нашей киблы (направление для молитвы), не будут есть то, что мы убиваем (ритуальной пищи), и не будут молиться как мы. Когда они станут делать так, мы будем не вправе отнять

их жизнь и собственность, кроме того, что причитается от них». То есть утверждается необходимость войны против всех немусульман. Так же и в Коране говорится: «Пусть сражаются во имя Аллаха те, которые покупают будущую жизнь ценой жизни в этом мире. Тому, кто будет сражаться во имя Аллаха и будет убит или победит, Мы даруем великое вознаграждение» (Коран 4, 74). Мухаммеду самому было приказано: «О Пророк! Воодушевляй верующих сражаться с неверными!» (Коран 8, 65). Неверный — это немусульманин. По учению Мухаммеда все неверные окажутся в аду, где будут мучиться вечно. Рай же только для мусульман.

Допускал ли Мухаммед ложь? Благословляя убийство Кааб ибн Ашрафа (поэта, писавшего о Мухаммеде сатирические стихи), будущий убийца получает от Мухаммеда благословение лгать своей жертве. Ничего подобного мы не сможем найти на страницах Евангелия. Иисус говорил о себе: «...Я есмь ... истина...» (Ин. 14, 6), апостол Иоанн добавляет: «...всякая ложь не от истины» (1 Ин. 2, 21), отцом же лжи, по словам Спасителя, является сатана: «диавол... был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). Лгущий человек — не от Христа.

Зачастую Мухаммед обращал в ислам тех людей, которые были нужны ему по политическим причинам, с помощью разного рода подношений и подарков. Всякого рода подарки и подношения играли огромную роль в распространении ислама. Сам Мухаммед посылал подарки, дары, подношения и деньги тем немусульманам, которых считал друзьями и союзниками. Доктор Мухаммед А. Халаф-Аллах сообщает, что Мухаммед однажды подарил четверым мужчинам по сотне верблюдов каждому в надежде обратить их в ислам. ... Согласно историку Вельхаузену, халиф Омар Ибн Абд эль Азиз послал сообщение правителям Синда (совр. Пакистан), в котором указывалось, что он сделает их царями, если те обратятся в ислам. Правители обратились и взяли себе арабские имена». Находились те, кто хвалил ислам, если Мухаммед дарил им подарки, и начинали его критиковать, когда Мухаммед не поддерживал их «симпатию». Столь своеобразная практика обращения используется и в современном исламе: например, в Египте мусульманские миссионеры, чтобы обратить человека в ислам, могут предложить ему жену, работу, освобождение от воинской повинности и щедрый денежный подарок; также в исламских странах люди, не исповедующие ислам, платят больше налогов, чем мусульмане. В целом, отношение Мухаммеда к материаль-

ному богатству вызывает много вопросов. Изучая его жизнь, можно видеть, что он не только благословлял, но и участвовал в грабительских набегах на караваны купцов, захватывал людей в плен, требуя за них выкуп, допускал работоторговлю и даже некогда позволил пытаться человека для того, чтобы узнать, где тот спрятал свои деньги. Подобное отношение к деньгам было совершенно чуждо Христу. Христос был плотником (Мф. 13, 55), и даже став признанным Учителем, Он отнюдь не стремился к обогащению, напротив, Он говорит о Себе: «... лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20). Христос учил собирать не земное богатство, а небесное: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21). В Священном Писании мы видим примеры материальных пожертвований, которые одобрялись Христом: например, лепта бедной вдовы (Мк. 12, 42), но Он никогда не покупал благосклонность людей за деньги. Люди следовали за Христом не в ожидании материальных подачек, они видели в Нем путь к спасению, к духовному очищению. Представить же Христа во главе группы гра-

бителей для любого христианина будет богохульством: настолько далеки эти действия от Его облика и учения.

Одним из главных достижений Мухаммеда, несомненно, можно считать его победу над язычеством. Однако и здесь не все так просто: дело в том, что «позднее (ок. 618–620 гг.) пророк ислама сделает попытку примирить ислам с языческим культом арабов. Мухаммед произнесет возле Каабы следующие слова: «Думали ли вы, как должно, об ал-Узза и Манате, третьей между ними? Воистину это небесные лебеди, воистину можно положиться на их ходатайство». Ал-Узза и Манат — наиболее почитаемые женские божества арабов. После произнесения подобных слов у Мухаммеда наступает временное перемирие с язычниками. Вскоре пророк отрекается от этих слов, но меняет ли это суть сделанного? Представить себе Христа, ради временной выгоды признающего языческих богов, невозможно (Мк. 12, 29).

Мухаммед поднимал дух своей армии после военных проигрышей весьма своеобразным образом: он нападал на слабого противника и легкой победой возвращал своим воинам веру в успех. Например, Мухаммед поступил таким образом, атаковав племя Бану Надир после проигрыша на горе Ухуде, в дальнейшем, после того как его солдаты проиграли воинам

византийского императора Ираклия, он нападает на более слабое племя Гатафанов.

То, что Мухаммед был грешен, признается и в Коране. О Христе же сказано: «Он не сделал никакого греха» (1 Пет. 2, 22), напротив «Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха» (1 Ин. 3, 5), «ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2 Кор. 5, 21). Каждый читатель сам решит для себя, чей нравственный облик — Христа или Мухаммеда — ему лично ближе.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

ПОЧЕМУ МУСУЛЬМАНИНУ ТРУДНО СТАТЬ ХРИСТИАНИНОМ?

Три препятствия мусульманина

Мусульманин не может себе представить, что у Господа Бога есть Сын, Который равен Ему по власти и величию. Уже с ранних лет мусульманскому ребенку прививается мысль, что христиане поклоняются трем Богам. Кто все же пытается втолковать мусульманину, что в данном случае $3=1$, наталкивается на непонимание, которое может перерасти в ненависть. Наша диалектика едва ли может быть осилена мусульманским умом. Мусульмане думают: или

Бог — един, или Он — Троица, но Он не может быть одновременно и тем и другим! Три личности не могут быть одной личностью!

Вторым догматическим препятствием для мусульман является свидетельство о распятии Иисуса Христа. При этом мы должны обратить внимание на то, что исламская критика направлена не против значения и последствий распятия Христа на Кресте, нет, она радикально отрицает достоверность самого этого исторического факта. Мухаммед сказал, побуждаемый к тому своим духом, что Христос не умер на Кресте, а живым вознесен на небо. Этим самым Мухаммед с корнем вырвал из мусульманского мировоззрения все основные понятия христианства, такие как: оправдание, воскресение Иисуса Христа, излияние Святого Духа, возрождение верующих, их освящение и спасение. В категорическом отрицании креста раскрывается истинный характер ислама. В то время как мы, христиане, видим в приходе Иисуса Христа во плоти необходимую предпосылку Его заместительной жертвы на кресте, Мухаммед отрицает и то и другое.

Кто мусульманину скажет, что история страдания и смерти Иисуса Христа — одна из наиболее засвидетельствованных частей Евангелия, натолкнется на третье препятствие, отделяющее ислам от христианства:

понимание Откровения! Мухаммед без долгих рассуждений заявил, что все различия между Библией и текстами Корана являются якобы доказательствами подделки первоначального откровения. При этом у мусульманских догматиков суть дела не в том, какой стих Библии является истинным Словом Иисуса Христа или какие источники лежат в основе Евангелия, нет, здесь только Коран принимается за единственно действительный, непреклонный масштаб божественной истины. Итак, что не совпадает с книгой мусульман, то считается ложью и подделкой. Таким же образом доказывается и телесное вознесение Иисуса Христа на небо, так что Он является для мусульманина единственным человеком вблизи Господа Бога, но только как пророк — без Голгофского креста и без богосыновства!

Исламский метод мышления

Понятие Бога в Коране породило и родственный образ мышления у арабов. Хотя и многие другие факторы способствовали развитию процесса мышления и отразились на его содержании, однако, то и дело прорывается типичный исламский образ мышления.

Это становится ясным и на примере понимания «богодуховности» Священного Писания. В то время, как в нашем христианском понимании богодуховности включены такие

понятия, как слушание, вдохновение от Духа Святого и просветление, делающие человека, несмотря на его ограниченность, соучастником Божьего Откровения, исламское же понимание «богодуховности Писания» радикально. Аллах буквально по слогам диктовал Мухаммеду свое откровение, так что пророк почти в бессознательном состоянии, как безвольный инструмент владевшего им духа, выдавал свои «суры». С тех пор его пророчество считается завершением всех откровений, в котором человечеству предлагается, по мнению ислама, наивысшая мудрость и глубочайшие знания. Мусульманин не думает, что он принадлежит к несовершенной религии, а наоборот, полагает, что может осчастливить своим примером богопочитания все остальное человечество.

Долгое время из-за благоговения перед «Словом Аллаха» запрещено было заниматься истолковыванием Корана или критически обсуждать содержание «сур», так как все откровения считались ясными, понятными и законченными. И ни один человек, по мнению мусульман, не в состоянии исследовать или обсуждать слова Аллаха. Их можно только пассивно принять, послушно признать и с верностью сохранять, но их никогда нельзя критиковать или развивать. В соответствии с этим и развилась у мусульман способность заучи-

вания наизусть и таким образом накапливать знания. И нередко мусульмане целиком или частично зазубривают Коран, не понимая ни его смысла, ни содержания. Этот пассивный, статический образ мышления формирует и до наших дней всю систему образования в школах и университетах, так что многие арабы несут в себе глубокие знания, эмоционально действующие у них в подсознании, но не способны применить их активно, динамически. Каждый западный учитель, работающий в арабском мире, убеждается на практике в том, что накопление знаний заучиванием наизусть вовсе еще не означает самостоятельного мышления и что логические, систематически приводимые рассуждения очень редко вызывают активную мыслительную деятельность у мусульман.

Отказ ислама от самостоятельного мышления объясняется и той ролью, которую в его жизни играют предания. Ни один человек не имеет права в спорном случае истолковывать Коран своим разумом и применять его высказывания к своим условиям. Это может один только Аллах! Потому было создано бесчисленное множество преданий, в которых всегда фигурирует Мухаммед, в уста которому были вложены с более или менее правдоподобной канвой искомые откровения. Так само существование преданий является доказательством того, что в исламе совершенно исключается свободное

мышление, что им создан совершенно иной, чем на Западе, образ мышления.

Кроме того, Коран написан в форме своеобразных рифм, по-арабски звучащих очень проникновенно. При этом Мухаммед, в угоду рифме, ставил иногда слова не туда, куда следовало бы по смыслу, или изменял слог, чтобы изменить ритм и звучание. Точное содержание имело второстепенное значение. Так из имени «Иисус» в Коране получилось «Иса», тем самым ради звучания было искажено имя, которое превышает всех имен.

Из этого поэтического принципа и возникло у арабов религиозное чувство, вызываемое проникновенным звучанием и выразительным чтением, а не систематической логикой. Наше Евангелие построено совсем иначе. Оно написано не в стихотворной форме, а в прозе и требует углубления, размышления и понимания. О Коране утверждается, что он якобы написан красивейшим языком Бога, Библия же, напротив, имеется лишь в нескладном арабском переводе. И Евангелие звучит в ушах мусульманина чуждо и странно, в то время как Коран подобен светлому стиху, сочиненному самим Аллахом и находящемуся на недостижимой высоте для всего до сих пор написанного.

Из всего этого видно, почему мусульманину не так просто понять Библию и поче-

му ему не так просто признать ее как основу своего мировоззрения. Он не слышит в ней зовущего порыва, и чтение ее редко пробуждает в нем мыслительный процесс или волевое решение.

В связи с этим нам необходимо научиться думать с позиции мусульман и предлагать заучивать наизусть избранные тексты Библии с тем, чтобы заполнить подсознание мусульман настоящим, истинным Словом Божиим и медленно пробудить в них христианский образ мышления и христианское сознание. Благословенны проповедники, предлагающие не только холодные, догматически ясные проповеди, а несущие Благою Весть с порывом и чувством, так как понимание к арабам приходит не через голову, а через сердце.

Абд-эль-Маши, mission-center.com

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНЕ НЕ СЧИТАЮТ МУХАММЕДА ПРОРОКОМ?

Почему христиане не считают Мухаммеда пророком? Этот вопрос, волнующий многих мусульман, чаще всего задается христианам, и нередко в такой форме «Вот мы, мусульмане, почитаем Иисуса Христа как пророка, а вы Мухаммеда пророком не признаете! Почему такая несправедливость?».

Во-первых, христиане не считают Мухаммеда пророком потому, что в Божественном замысле спасения такая фигура, какой является Мухаммед, лишняя.

Посмотрите: Господь заключил с Авраамом завет с обетованием, произвел от него через Исаака народ, посвященный Ему, обновил и расширил этот завет через Моисея, далее непрерывно посылал малых пророков, вплоть до Иоанна Крестителя, которого послал как Предтечу (то есть приготавливающего путь) перед Христом. Наконец явился Христос и сказал, что все пророки и закон прорекли до Иоанна (Мф. 11, 13) и после Крестителя пророков-законодателей больше не будет.

Новый Завет являет совершенное завершение и исполнение Божественной истории, как она изложена в Откровении.

Всемогущий Господь возжелал явиться на земле и обращаться между людьми (Вар. 3, 38). Он посылал пророков, чтобы подготовить человечество к его приходу. И когда человечество было подготовлено, когда смог появиться на свет человек такой чистоты, как Дева Мария, тогда Бог явился во плоти (1 Тим 3, 16) и совершил задуманное Им дело спасения людей, установив посредством таинств принципиально иные отношения между человеком и Богом, при которых каждому открывается возможность личностного единения с Все-

вышним. Ничего нового, более совершенного быть уже не может, как не может быть ничего совершеннее Бога.

Но тогда какая нужда в новых пророках? Время пророков прошло. Пророки были необходимы человечеству тогда, когда оно находилось в начале своего пути к Богу, так же, как воспитатель необходим малолетнему ребенку. Но если к ставшему взрослым лет эдак через сорок опять явится некто выдающий себя за воспитателя и станет пеленать его, кормить из ложечки, а за неповиновение ставить в угол, то это встретит, мягко говоря, недоумение, не так ли? Человеку зрелого возраста не нужен воспитатель. Точно так же и человечеству, получившему возможность личного, непосредственного общения и жизни с Богом и в Боге. Тот, кто объявляет себя вещающим волю Бога, воспринимается как явно неуместный, лишний. Именно поэтому в Новом Завете нет указаний на будущих новых пророков, посланных Богом с особой миссией, но зато есть предупреждения о том, что «многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф. 24, 11). И еще прежде Сам Господь предупреждал, что далеко не все, кто называет себя пророком, являются на самом деле таковыми: «Пророки пророчествуют ложное именем Моим; Я не посылал их и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные

и гадания, и пустое и мечты сердца своего» (Иер. 14, 14).

Во-вторых, христиане не признают Мухаммеда пророком потому, что он учит прямо противоположно Христу.

Это касается прежде всего учения о Боге и спасении от греха, — что уже было показано выше нами, но относится и к нравственному учению. Например, Христос сказал: «Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует (Лк. 16, 18), и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует (Мк. 10, 12); Коран же учит наоборот: если разведённые муж и жена захотят снова сочетаться браком, то для этого жене необходимо прежде выйти за другого мужчину, развестись с ним, и только после этого вернуться к прежнему: «Если же он дал развод ей, то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернуться» (Коран 2, 230).

В-третьих, притязающий быть пророком Мухаммед не привел никаких объективных доказательств своей избранности на это поприще.

Как говорил мусульманам святитель Григорий Палама: «У вас и у нас есть обычай,

утвержденный длительным временем и законом: без свидетельств ничего не принимать и не почитать за истинное. Свидетельства же бывают двоякого рода: они идут от самих дел и явлений или от людей, достойных веры. Так, Моисей покарал Египет знамениями и чудесами, жезлом заставил море расступиться и вновь сомкнуться, по его воле хлеб выпал с неба (Исх. 16, 4). Нужно ли еще что-нибудь говорить, поскольку и вы считаете Моисея достойным веры? Он был и Богом признан как Его верный раб (Числ. 12, 4), но не Сыном и не Словом. Затем по Божественному повелению он взошел на гору и умер, и соединился с теми, кто был до него (Втор. 32, 49–50). В отношении же Христа, совершившего многие великие и небывалые деяния, имеются свидетельства самого Моисея и других пророков. От начала века Он один признается, даже вами, Словом Бога; Он один от начала века рожден от Девы; Он один от начала века взят на небо и остается там бессмертным; Он один от начала века, как надеются, снова снизойдет оттуда, чтобы судить живых и мертвых (2 Тим. 4, 1; 1 Пет. 4, 5), которые воскреснут. Говорю же я о Нем то, что и вами, мусульманами, признается. Вот почему мы веруем во Христа и верим Его Евангелию. Что же касается Мухаммеда, то мы не находим ни свидетельств о нем у пророков, ни чего-то необычного и достойного упоминания в

его деяниях, способного вызвать веру в него. Поэтому мы не веруем в него и не верим его книге».

Итак, вполне разумное замечание: чтобы принять что-либо как истину, нужно иметь для этого весомые аргументы. Ведь и сами мусульмане далеко не всех признают пророками, кто себя таковыми называет. Например, в XIX веке на территории Пакистана появился человек, который объявил себя новым пророком Аллаха, призванным восстановить откровение, замутненное позднейшим исламом. Он нашел себе приверженцев, но подавляющее большинство мусульман не признали его притязаний быть пророком и считают ахмадийцев еретиками. А недавно некая женщина в Азербайджане объявила себя пророчицей, но мусульмане не спешат ее признавать. Наверное, потому, что не видят тому достаточных доказательств.

Точно так же и христиане не видят таких доказательств в отношении Мухаммеда. Конечно, Мухаммед пытался их представить. Но доказательства должны соответствовать уровню притязаний. Допустим, выступает некий человек и объявляет всем: «Слушайте, люди! Вы теперь должны мне подчиняться как своему правителю, кроме того я — пример вам во все, потому что я прямой посланник Божий!» Естественно, возникает вопрос: а почему это

мы должны принять тебя за такового? А в ответ: «Да вот стихи у меня хорошие есть. Таких никто не сможет написать!». Признайтесь: разве, услышав подобную аргументацию, вы посчитаете ее достаточной?

А ведь единственное «доказательство», которое привел Мухаммед, — его собственный Коран: «А если вы в сомнении относительно того, что мы ниспослали нашему рабу, то принесите суру, подобную этой, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы. Если же вы этого не сделаете, — а вы никогда этого не сделаете! — то побойтесь огня, топливом для которого люди и камни, уготованного неверным!» (2, 21–22). В другом месте Мухаммед требует для того же представить уже не одну, а десять сур (11:16).

Неудивительно, что арабский мыслитель Ар-Раванди (ум. в 906 г.) восклицал: «Как можно доказывать истинность пророческой миссии Мухаммеда на основании его же собственного Корана? Если бы Евклид стал утверждать, что люди никогда не смогли бы создать ничего подобного его книге, неужели же на основании этого было бы доказано, что он пророк?».

Вот как мусульманская аргументация выглядит со стороны: Мухаммед считается пророком, потому что получил «священное писание» — Коран, а Коран считается священным писанием, потому что его назвал таким «про-

рок» Мухаммед. Это типичная логическая ошибка: доказательством не может быть то, что само еще должно быть доказано.

Возвратимся к нашему примеру: поверите ли вы человеку, претендующему на звание правителя и пророка только лишь на основании имеющихся у него стихов? Даже если он представит действительно хорошие стихи? Думается, вряд ли. Стихи могут подтверждать только претензии на звание поэта. Если же речь идет о пророческом достоинстве, то здесь требуются доказательства посерьезнее и совершенно из другой области.

Чтобы понять, какие доказательства могут считаться достаточными, нам стоит вспомнить, что такое пророчество.

Пророчество — это особенный дар от Бога. Пророк возвещает будущее. И это — доказательство его истинной связи с Богом. Как мы знаем, время — принадлежность нашего сотворенного мира. Мы все существуем во времени, воспринимая настоящее, прошлое и будущее. То, что в действительности произойдет, — нам неизвестно. Точно знает это лишь Тот, Кто находится вне времени и для Кого ясно видно и наше прошлое, и настоящее, и будущее. А вне времени и мира находится лишь Тот, Кто сотворил мир и время, — Бог. И тем, кто находится в непосредственном общении с Ним, то есть пророкам,

Он из Своего Божественного знания открывает грядущее.

Именно поэтому в Библии дается четкий критерий, как отличать ложного пророка от истинного: «И сказал... Господь: ...пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти. И если скажешь в сердце твоём: «Как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?». Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, — не бойся его (Втор. 18; 17, 20–22). Если какой пророк предсказывал мир, то тогда только он признаваем был за пророка, которого истинно послал Господь, когда сбывалось слово того пророка» (Иер. 28, 9).

Любой из читателей может произнести формальное «пророчество». Например, он скажет: завтра я напишу письмо, и действительно, на следующий день напишет. Но мы прекрасно понимаем, что это не имеет никакого отношения к настоящему пророчеству. Ибо реального будущего он не знает, и завтра вполне может случиться нечто такое, что нам станет совсем не до письма.

Кстати, точно так же действуют лжепророки и гадалки, равно как и дьявол, вещающий че-

рез них: в чем-то их прогноз — это план наших предполагаемых действий. Но и дьявол не знает будущего, он, как сотворенное существо, находится «внутри» времени. Именно потому дьявольские предсказания, как и людские прогнозы, всегда даются на краткосрочную перспективу. И это понятно. Легко сказать: завтра напишу письмо — и написать. А вот запланировать через год написать письмо и выполнить это — уже сложнее: вероятность исполнения даже собственного плана намного меньше. А сказать: через тридцать лет напишу письмо? Это выполнить еще сложнее. Да и будем ли мы живы к тому времени?! А сказать: через сто лет мой потомок напишет такое-то письмо? Ну, тут всякий махнет рукой...

А вот в Библии существуют конкретные пророчества, детально сбывшиеся спустя столетия после того, как они были произнесены и записаны. Достоверность их несомненна: рукописи с этими предсказаниями датируются на много веков ранее того, как они исполнились. Например, предсказание о всемирной проповеди Евангелия и сказании о женщине с алавастровым сосудом (Мф. 26, 13).

А вот о «пророчествах» Мухаммеда сказать этого никак нельзя. К тому же в Коране он сам прямо говорит, что не знает, «что будет сделано со мною и с вами» (46:8). В одном из хадисов Мухаммед утверждает: «Никто не

знает, что будет завтра, что скрыто в утробах, что он приобретет завтра, в какой земле умрет и никто не знает, когда пойдет дождь» (Бухари, 1039). Итак, он сам расписывается в том, что не знает будущего, но это еще, как говорится, полбеды. Согласно мусульманским же источникам, Мухаммед все-таки делал предсказания, и они — не сбывались!

Вот пример: «Однажды, в конце своей жизни, пророк совершил с нами вечернюю молитву, поднялся и сказал: "Понимаете ли вы, что это за ночь? Поистине, через сто лет после этой ночи не останется на земле ни одного из живущих на ней"» (Бухари, 116). Любой, читающий эти строки, является опровержением лжепророчества, ибо не только через сто, но и через полторы тысячи лет земля полнится живущими.

Еще хадис: «Посланник Аллаха сказал: "скоро Евфрат откроет сокровищницу, полную золота, но пусть тот, кто будет жить в это время, ничего не берет оттуда... Евфрат раскроет гору золота под ним"» (Бухари, 7119). За более чем полторы тысячи лет это «скоро» так и не наступило.

И еще: «Никогда не преуспеет народ, который сделает женщину своим правителем» (Бухари, 9.88.219). Английский народ вполне преуспевает при полувековом правлении королевы Елизаветы II, как и до того преуспевал

при правлении королевы Виктории. Аналогичные примеры из истории можно продолжать, но их, впрочем, образованный читатель и так знает.

Как мы помним из Библии, по закону Моисееву, даже одного несбывшегося пророчества достаточно, чтобы не только признать человека лжепророком, но и поступить с ним весьма сурово: такого пророка предайте смерти (Втор. 18, 20).

Однако это не единственный критерий, и Божественное Откровение предлагает нам второй, универсальный способ определения — истинно или ложно откровение, а также те, кто его приносит.

Вот он, второй библейский критерий: «Если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8).

Поскольку мусульмане знают, что у христиан Священное Писание — Библия, то, естественно, для того, чтобы признать Мухаммеда пророком или хотя бы просто человеком незаблудшим, нужно, как минимум, чтобы его учение не противоречило тому, что нам уже известно как истинное Откровение Божие.

Что интересно: сам Мухаммед был совершенно согласен с этим критерием. В Коране говорится, что он был послан «для подтверждения истинности того, что было ниспослано

до него, как прямой путь и радостная весть верующим» (Коран 2, 97), а также уточняется, что конкретно имеется в виду: «Ниспослал Он тебе в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до него. И ниспослал Он Тору и Евангелие раньше в руководство для людей» (Коран 3, 3–4). В другом месте говорится, что в принесенном Иисусом «Евангелии — руководство и свет» и что оно дано «с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных» (Коран 5, 46).

Наконец, для христиан прямо заповедано: «И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах» (Коран 5, 47).

Так мы и поступаем, но не потому, что слушаемся Корана, а потому, что это предписано в Библии и это же подсказывает здравый смысл.

Однако даже мусульманам хорошо известно, что в том, что принес Мухаммед как якобы подтверждение Библии, находятся весьма существенные и даже кардинальные противоречия Библии. Мы уже показали это выше.

Следовательно, и этому критерию не удовлетворяет Мухаммед.

Выше мы назвали несколько весьма веских причин, по которым христиане не могут считать Мухаммеда истинным пророком Божиим: во-первых, в Божественном замысле спасения

Мухаммед как пророк — фигура лишняя; во-вторых, он учит противоположно тому, чему учит Спаситель; в-третьих, нет никаких объективных доказательств избранности Мухаммеда на пророчествование.

В-четвертых, Мухаммед, каким он известен по мусульманским сказаниям, не соответствует нравственному образу пророка, каким его рисует Священное Писание.

Основной пункт отличия - корысть. Все истинные пророки бескорыстны, и это не просто личная черта характера каждого из них, но свидетельство того, что тот, кто действительно имеет связь с Вседержителем, не имеет никакой зависимости от смертных людей. Неприемлемость корысти для истинного пророка наглядно показана и в истории пророка Елисея (4 Цар. 5, 15-27), и в истории пророка Валаама (Числ. 22-24).

Ни один пророк Божий не говорил: мне причитается пятая доля всей добычи (Коран 8, 42); мне позволено неограниченное количество жён (Коран 4, 3); мне позволено жениться на жене приёмного сына (Коран 33, 36-51); захваченное у врага недвижимое имущество всё переходит в моё распоряжение (Коран 59, 7); мне Бог позволил не соблюдать клятвы, данные жёнам (Коран 66, 1-2), а ещё позволил самому устанавливать очередность их посещения (Коран 33, 51), и запретил после

моей смерти жениться на моих жёнах (Коран 33, 53) и т. д.

Следующее принципиальное отличие — форма призвания к пророчествованию. Для библейских пророков совершенно немыслимо то, что рассказывается о Мухаммеде: ночью ему явился некто страшный и без предисловий начал мучить его, заставляя читать, притом что Мухаммед, как уверяют мусульмане, был неграмотным.

Ни одного истинного пророка ни Бог, ни ангел не мучили и не пытали, заставляя подчиниться призванию. Ни у кого Бог не ломает воли.

Итак, видны три принципиальных отличия призвания Мухаммеда. Во-первых, дух, явившийся ему, не представился, кто он и от кого, почему сам потерпевший и заподозрил в нем дьявола. Во-вторых, этот дух сразу же начал мучить, заставляя подчиниться: «стал душить меня этим покрывалом, так что я подумал, что пришла смерть». И, наконец, в-третьих, результатом этой инициации было то, что Мухаммед впал в отчаяние и решил покончить самоубийством — ни один истинный пророк не испытывал желания покончить собой после видения Бога или Его подлинных Ангелов!

Параллелей данного способа «откровения» в Священном Писании христиан с Кораном не усматривается. Зато усматриваются некоторые параллели с призыванием шаманов, когда

на человека находит некая сила и заставляет его стать проводником своей воли в мир и своим служителем в миру.

Кроме того, ни один библейский пророк, в отличие от Мухаммеда, не подвергался воздействию чародеев и колдунов. Жена Мухаммеда Айша рассказывала: «Колдовство подействовало на пророка так, что он начал думать, будто делал вещи, которых на самом деле не делал», потом ему приснился сон, где явились два человека и рассказали, что это следствие чар, наведенных Лубайдом бен ал-Асамом (Бухари, 4.54.490).

Для оправдания Мухаммеда в Коране говорится: «И не посылали Мы до тебя никакого посланника или пророка без того, чтобы, когда он предавался мечтам, сатана не бросил в его мечты чего-либо, но Аллах стирает то, что бросает сатана, потом Аллах утверждает Свои знамения» (Коран 22, 52).

Но всякий, знающий Божественное откровение, засвидетельствует, что как раз напротив — никогда ни у одного подлинного пророка Божия, когда он изрекал откровения или видел божественные видения, не было таких происшествий, ибо сатана боится подступить к нему и бессилен повредить делу Божию. Ни один пророк Божий никогда не подвергался воздействию бесовскому так, чтобы грезить наяву и видеть то, чего не было.

Для христианина и образы «откровений» Мухаммеда, и его действия очень напоминают состояния духовной прелести, возникающие в результате воздействия на человеческую природу падших духов. Многие православные подвижники предупреждали об этой опасности. Вот, например, что пишет святитель Игнатий (Брянчанинов): «Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь, и страх, и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит».

А вот слова преподобного Григория Синаита: «Прелесть, говорят, в двух видах находит — в виде мечтаний и воздействий... Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей еще — в виде исступления... Началом мнимого созерцания фантастического служит мнение... Второй образ прелести в виде воздействий вот каков: начало имеет она в сладострастии, рождающемся от естественного похотения... Распаляя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтательными идолами, она приводит его в исступление опьянением от палительного действия своего... В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъясняет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные».

Иногда мусульмане, пытаясь доказать, что Мухаммед был пророком, ссылаются на то, что он был успешным политиком и полководцем и многих обратил в свою веру. Это совершенно несерьезные аргументы: Александр Македонский и Чингис-хан были куда более великими правителями и полководцами, и оба, кстати, тоже, считали себя особенно связанными с высшими силами. Так неужели же поэтому мы должны признавать их притязания? Неужто сами мусульмане признают Чингис-хана пророком, а «Ясу» — откровением?

Итак, показано достаточно всесторонне и подробно, почему христиане не могут признать Мухаммеда истинным пророком Божиим.

Кандидат богословия, диакон Георгий Максимов

БОГ ГОВОРIT УСТАМИ СВЯТЫХ

Если принять во внимание вышеизложенное, то не покажется странным, что в чине отречения от ислама, составленном Православной Церковью в IX веке, помимо упоминания прочих заблуждений ислама, стояла анафема богу Мухаммеда, о котором он говорит, что он есть «бог, который не рождал, не был рожден, которому никто не подобен». Здесь дословная цитата 112-й суры Корана.

О том же свидетельствуют и святые отцы, писавшие об исламе.

Как полезно было бы вспоминать иногда о святоотеческом слове некоторым «православным» писателям, которые даже доходят до таких утверждений, что-де Промысл Божий действовал через Мухаммеда на арабов таким образом, что якобы только в такой несовершенной форме, как ислам, можно было преподать им знание единобожия. И хотя лживость данного мнения вполне очевидна (ибо не может быть народа, для которого по природе закрыта возможность усвоения проповеди Христовой, к тому же мы имеем среди почитаемых Церковью святых — арабов V–VI веков, например преподобных Юлиана Слепца, Илии Араба, 3000 мучеников Наджранских), хочется привести слова святых, относящиеся непосредственно к этому тезису.

Когда халиф сказал братьям-мученикам Константину и Давиду: «Как вы осмеливаетесь произносить хульные слова на великого Мухаммеда... и порицаете его по безумию вашему? Ведь он всю Персию и Аравию обратил от поклонения огню и привел к единобожию», святой Давид Аргветский ответил: «Хотя Мухаммед и отвратил вас от служения огню, но не привел к истинному богопознанию, и поэтому не мог дать вам спасения. Он подобен кораблю, который, хотя и не потонул в середине

моря, однако вблизи берега погрузился в волны морские. Какая польза в корабле, который не смог достичь берега? Что случилось с ним, то сделается и с вами».

Мнение о том, что будто бы христиане и мусульмане почитают одного Бога, встречалось и прежде, в Византии, среди светских кругов, больше озабоченных политикой, нежели вопросами веры. Этому заблуждению посвящена специальная глава в «Опровержении Корана» Никиты Византийского, крупнейшего полемиста, друга святителя Фотия Константинопольского. Приведем краткое изложение 102-й главы, названной «Доказательство того, что пребывают в заблуждении считающие, будто мусульмане сохраняют веру в Бога Отца».

Господь Иисус Христос, Который является Истиной, сказал: «Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца» (Ин. 5, 23), и все патриархи и пророки знали о Сыне Божиим, как сказано: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин. 8, 56). Как же можно сказать, что нечестивый народ, отвергающий Сына, имеет Отца? Разве может принять их Отец, видя, как они поносят Его Сына? «Никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). Как же они могут Его знать, если отрицают Сына? Следовательно, мусульмане не поклоняются Богу Авраама

и Моисея, Отцу нашего Господа Иисуса, так как отвергают знание о едиnorodном Сыне Божием, хотя даже Ветхий Завет говорит об этом (Пс. 109, 3; 44, 8).

Евродий Монах в записи «Мученичество 42-х мучеников Амореиских» приводит следующие слова. Один из мучеников говорит мусульманам: «Ваше мнение о Боге ошибочно, так как вы, признавая имя Божие и Его величие, клевете все-таки на Него, почитая Его виновником зла и добра, истины и лжи».

Нельзя здесь обойти вниманием Константинопольский Собор 1180 года, который был специально посвящен тому же вопросу. Как мы помним, в византийском чине оглашения приходящих от ислама стояла «анафема богу Мухаммеда, о котором он говорит, что он есть бог». Анафема была направлена на мусульманское представление о Боге и включала в себя 112-ю суру Корана из византийского перевода.

Император Мануил I пришел в негодование относительно сомнительной формулировки, поскольку, по его мнению, таким образом подвергался анафеме сам истинный Бог. Император был убежден, что, расходясь во многих принципиальных вопросах, христиане и мусульмане, как монотеисты, веруют в одного Бога, и потому требование произнести на Него анафему казалось кощунственным.

Он созвал Собор и передал свое мнение, ожидая получить от архиереев и патриарха Феодосия одобрение на изъятие формулировки из огласительных книг Святой Софии — главного храма Константинополя — и вообще из всех церквей. Однако Собор встретил предложение императора резко отрицательно. Архиереи были убеждены, что бог мусульман — это не тот истинный Бог, которому поклоняются христиане, разность в представлениях о Боге в христианстве и исламе принципиальна. Мусульмане под именем Бога поклоняются мысленному идолу, «жалкому измышлению жалкого ума Мухаммеда», как передает речи заседавших Никита Хониат. Как пишет Никита, отцы Собора «не хотели даже и слышать о его предложении, как не ведущем ни к чему доброму и удаляющем от истинного понятия о Боге».

Не согласный с мнением архиереев император с помощью секретарей составил собственный томос¹, в котором обосновал свою точку зрения, утверждая, что анафема на бога Мухаммедова относится к истинному Богу. Однако Церковь подвергла осуждению указанное сочинение. Никита свидетельствует, что патриарх Феодосий «не только сам не со-

¹ Томос (греч. «кусочек»; «том» от «резать», «делить») — указ предстоятеля поместной Православной Церкви по некоторому важному вопросу церковного устройства.

гласился с этим сочинением, как опасным и вводящим новые догматы, но и других убеждал остерегаться его, как яда. Царь оскорбился этим, как будто бы получил жестокую обиду, осыпал архиереев бранью и называл их всесветными дураками».

Наконец в результате прений с представителями императора был составлен соборный томос, который постановлял не просто изъять анафематизм, но заменить его новой анафемой против Мухаммеда и его учения. Так Церкви, несмотря на давление официальной власти, удалось отстоять свою точку зрения. Это хорошо видно из текста соборного томоса. Требование императора об удалении 22-го анафематизма удовлетворяется, но подчеркивается, что это делается из соображений икономии¹, для устранения препятствий перед желающими креститься мусульманами, но не из-за догматического убеждения, что христиане и мусульмане поклоняются одному и тому же Богу, как того требовал Мануил Комнин.

Более того, в томосе прямо сказано, что «сам Мухаммед объявил неверное понимание Бога», а выражение анафематизма лишь «кажущееся кощунственным», а не кощунственное, как утверждал в своих томосах император.

¹ Икономия (от греч. — устройство дома, дел) — в христианстве принцип решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства.

И, наконец, в новом варианте анафематизма, содержится, хоть и в более завуалированном виде, и отвержение мусульманского богопочитания, и осуждение позиции, выраженной императором: провозглашается анафема учению Мухаммеда, в котором он исповедует, что Господь, Бог и Спаситель наш Иисус Христос не является Сыном Божиим. Это тот самый аргумент, который приводил Никита Византийский и который звучал на первом заседании собора: отвергая Троицу и Христа как Сына Божия, мусульмане не могут считаться почитающими истинного Бога. При этом формальное требование императора было удовлетворено.

Впрочем, не удивительно, что Церковь не озаботилась выполнить даже это формальное требование, когда престарелый император скончался спустя полгода после Собора. Первоначальная формулировка 22-го анафематизма сохранилась в последующем тексте чина отречения и в том же виде попала в славянский перевод чина, в «Кормчую» святителя Саввы Сербского, перешедшую позднее и на Русь.

Огромное значение томоса Собора 1180 года состоит в свидетельстве о том, что мнение о принципиальной разности богопочитания в христианстве и исламе было засвидетельствовано Церковью соборно, притом двукрат-

но, и засвидетельствовано, несмотря на угрозы и давление со стороны официальной власти.

Сама анафема сформулирована следующим образом:

«Анафема Мухаммеду, [и его] учению, переданному в Коране, в котором он исповедует, что Господь, Бог и Спаситель наш Иисус Христос не является Сыном Божиим; благое называет дурным, а свет выставляет тьмою, еще же [анафема] и скверному учению его, противному священным наставлениям Христа и богомудрых святых, а также [анафема] и тому, кто внушил ему и думать и учить этим скверным и презренным вещам, буде это кто-либо из людей, или же злоначальник демонов и отец зла, или же сам скверный Мухаммед породил от себя столь безобразнейшие плоды; кроме того, анафема тем, кто [считает], что Мухаммед — пророк и посланник, от которого приняли учения и заповеди, противные учению Христа».

Эти слова находятся в полном согласии со словами святых, высказывавшихся об исламе. Прежде всего можно обратить внимание на слова мучеников, пострадавших от мусульман.

В подавляющем большинстве случаев (порядка 90%) эти святые либо обратившиеся, либо вернувшиеся из ислама (то есть некогда до того отрекшиеся от Христа) люди. Они непосредственно, на собственном опыте знали,

и некоторые по многу лет, а кое-кто и с самого детства вероучение и религиозную практику ислама. Тем важнее и значимее для нас их мнение об этой религиозной традиции.

В устах этих мучеников мы находим самые суровые, самые беспощадные слова относительно ислама, его пророка и загробной участи мусульман.

Ислам согласно этим мученикам — это «темная и скверная вера» (св. Марк Хиосский (5/18 июн.)), «фальшивое и мерзкое суеверие» (св. Феодор Новый (17 фв/2 мр)), «страшное, погибельное заблуждение» (св. Давид Аргветский (2/15 окт.)).

Мухаммед — «обманщик и чувственный дьявол» (свмч. Никита (4/17 апр.)), «враг Христа Бога нашего и веры нашей. Никто из людей так не прогневал Бога, как Магомет, и кто надеется на него и имеет его за пророка, тот погибший» (прпмч. Иаков (1/13 нояб)); «он богорец и лжец, своими вымыслами и фантазиями привлек к себе простой и невежественный народ, так что сбылось предреченное о нем, что он придет прельщать мир (Мф. 24, 11)» (св. Иоанн Калфа (26 фев.)). «Быв здесь на земле жилищем сатаны, он и теперь находится в объятиях отца своего дьявола, и вас, ослепленных, которые уверовали в него как в пророка, ожидает одинаковая с ним мука. Знайте, что никто столько не прогневал Бога,

как ваш лжепророк, который столько душ увлек с собою в погибель, куда и вы, жалкие, самопроизвольно стремитесь. Истинно говорю вам: если не оставите веру в прельстившего вас лжепророка и не сделаетесь христианами, то навеки погибнете и преданы будете горьким вечным адским мукам» (прпмч. Евфимий Новый (22 мар. /4 апр.)).

О загробной участи мусульман говорит св. Константин Агарянин (2/15 июн.): «Все те погибнут, которые последуют ему и веруют, как в пророка». И прпмч. Лука: «Если не уверуете во Христа Бога, как я, то погибнете для жизни вечной и будете мучиться в пламени вечном вместе с вашим Магометом» (23 мар./5 апр.).

При всем том у этих святых не было и тени ненависти лично к тем мусульманам, кто оказывались их мучителями. «Жалею о вас, если вы не понимаете того» — говорил своим мучителям свмч. Дамаскин (16/29 янв.) после исповедания Христа. «Советую и вам выйти из непроницаемой тьмы вашей ложной веры в Магомета и уверовать в истинный свет Иисуса Христа» — призывал прпмч. Макарий Новый (6/19 окт.) своих палачей. «Что тебе, старец, нужно от меня? — спросил визирь св. Киприана Нового (5/18 июл.). «Твоего спасения, — ответил святой. — Оставь заблуждение, отрекись от обманщика Мухаммеда, уверуй в Искупителя рода человеческого Иисуса Хри-

ста и, крестившись Св. Крещением получишь жизнь вечную». В свою очередь прпмч. Иларион (20 сент./3 окт.), обращаясь к усыновившему его судье, так увещевал: «Много я получил от тебя благодеяний, не исключая и того, что ты сделал меня своим сыном и приблизил ко двору. Не желая остаться неблагодарным за твои милости, умоляю тебя: послушай моего совета, пойдём в Россию, где ты примешь христианскую веру и спасешь свою душу, а я неотлучно буду пребывать с тобою и служить тебе, как отцу, до самой смерти. Лучше этой благодарности я не нахожу другой, которая бы ее превосходила».

Точно такое же отношение к исламу мы встречаем и в богослужебных текстах Православной Церкви. Так, например, преподобный Иосиф Песнописец в стихирах службы Собору архангела Гавриила (13 июля, 26 марта) записал такую мольбу: «сокруши дерзости тех, которые от Агари, на паству твою беспрестанно находящих». А в каноне священномученику Кириллу Гортинскому, прося об освобождении Крита от арабского господства, называет мусульман язычниками. Так же, к слову, в своей «Хронике» называл мусульман и прп. Симеон Метафраст. Объясняется это словами византийских апологетов, о том, что, с одной стороны, как говорил свт. Симеон Фессалоникийский, мусульманское представление о Боге

нельзя назвать подлинным богопознанием и, соответственно, оно не отличается принципиально от доисламской веры арабов, а с другой стороны, как указывал Георгий Амартол, в исламе осталось немало пережитков и наследия арабского язычества.

В каноне 42 мученикам Аморийским св. Иосиф называет ислам «тьмой заблуждения». В другом каноне этим же мученикам, написанном песнописцем Игнатием, говорится, что мученики своим подвигом «разрушили варварского безбожия мрачное злочестие», «иссушили мутные потоки прелести» и «благочестно отринули скверну нечестия». В икосе мученики ублажаются как те, кто «от [всей] души возненавидели и возгнушались агарянской безбожной веры и прелести лютого беса», а о мусульманах говорится как о врагах, ненавидящих Христа-Бога. В стихирах говорится, что мученики «светлостью страдания просветили всю землю и разрушили тьму заблуждения». В стихирах на стиховне мусульмане называются «безбожными агарянами». А в стихирах службы церковному новолетию (индикту) мусульман называют «нечестивыми и неверными агарянами».

В службе свв. Кириллу и Мефодию, в тексте подобно говорится: «Какими похвальными песнями ублажим... Кирилла златоглаголивого... посрамившего суесловие безумных агарянских мудрецов», а также в другом месте оба брата

прославляются как «наставники заблудших, победившие в споре злохуление агарянское и нечестие иудейское посрамившие».

Особенно много говорится об исламе в службе св. мученику Георгию Новому, пострадавшему в 1515 г. в Болгарии. В самогласне св. Георгий описывается как духовный воин, который, «мужественно пошёл на подвиг, и исповедовал Христа сыном Божиим и Богом, Творцом и Судией всяческих, пред многочисленным народом, и предания и законы Мухаммеда, и учения его до конца низложил, мучителя и царя безбожного селима турскаго поправ, стал образцом мученикам... приидите, люди верные, сему подражайте, да и подобным венцам приобщитесь».

Стихиры на стиховне повествуют, что в ответ на предложение султана принять ислам мученик «назвал (мусульман) безбожными, и ясно Христа сына Божия, со Отцом и Святым Духом пред всеми проповедав, сарацинскую веру и законы их до конца низложил божественною силою Утешителя. И после многих мук зломысленный мучитель огнем искуси плоть твою: ты же... причислился к небесным Ангелам».

В каноне указывается, что мусульманский начальник «простирает слова ласкательные, к ловлению страдальца премудрого, но он вопил к нему: перестань, ибо я бесам не по-

клонюсь». «Никоим образом не послушаюсь тебя, привлекающего к пагубе, чтобы служить нечистым бесам, как вы, нечестивые, служите помраченной прелести... лучше умру за Умершего ради меня, и с мученики вопию: слава силе Твоей, Господи».

Также в кондаке проходит идея о том, что своими страданиями он «погасил прелесть сарацинскую» и потому ныне к нему обращаются христиане: «ныне молитвами твоими потреби варварское востание, воинству нашему под ноги сих, славне, низлагая».

«Вот крест, на котором был распят Господь наш Иисус Христос. Верующие в Него наследуют Царство Небесное, а неверующие будут осуждены в муку вечную!» — так выразил перед мусульманами непререкаемую истину христианства прпмч. Агафангел Есфигменский (19 апр. /2 мая).

Это трагичная истина. Легко поддаваться соблазну, обозрев то огромное количество людей, за последние четырнадцать веков умерших в исламе и искренне полагавших, что своею жизнью и смертью они послужили единому истинному Богу и столь же искренне стремившихся своей жизнью ради послушания Его воле преумножить добро в этом грешном мире. Неужели же они обречены, неужели невозможно для них оказаться спасенными, достигнуть Царствия Божия ради своей праведности и набожности?

Невозможно — говорит опыт мучеников. «Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» — произносит Христос (Ин. 3, 5), и это становится приговором всему нехристианскому человечеству. То, что произошло на Кресте — слишком серьезно, чтобы можно было спастись без этого. «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инауде, тот вор и разбойник; Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10, 1 и 9). Если бы можно было по-иному — не было бы христианства, не было бы апостольской проповеди, не было бы снисхождения Господа во ад для благовестия душам умерших до Него.

Уместно напомнить здесь замечательные по своей трезвости слова святителя Игнатия (Брянчанинова): «Напрасно ж, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между... магометанами спасутся, то есть вступят в общение с Богом! Напрасно вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой,

пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то, как вы хотите, чтоб... магометане, за то, что они кажутся вам добренькими, непознавшие и неверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю вам, средством, — верою в Искупителя? Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства. «Ибо мы признаем, — говорит святой апостол Павел, — что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3, 28). «Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3, 22–24). Вы возразите: «Святой апостол Иаков требует непременно добрых дел; он научает, что вера без дел — мертва». Рассмотрите — чего требует святой апостол Иаков. — Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! Он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писа-

ние: вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, без него она мертвая, как лишенная всякого движения. И, напротив того, вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца — воспрещены, отвергнуты! А эти-то, именно, добренькие дела вам и нравятся в... магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, вы хотите им дать спасение».

Эта страшная правда христианства. Она накладывает огромную ответственность за души всех не просвещенных светом Евангелия на самих христиан, ибо проповедовать воскресшего Господа — их прямая обязанность, закрепленная в последней заповеди Христовой: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет верить и креститься, спасен будет; а кто не будет верить, осужден будет (Мк. 16, 15–16)».

Поэтому многие святые, как повествуют их жития, старались целенаправленно проповедовать христианство мусульманам. Особенно выделяется в этой связи «Житие св. Илии Нового». Он происходил из Сицилии, и был загодя извещён о том, что ему предстоит попасть в плен и оказаться в Африке, где он должен будет наставить на путь истинный слабых в вере. Жителям города Энна он за три дня предсказывает нападение арабов. Пред-

сказание сбылось, Иоанн вместе со многими другими оказался в плену. Из плена его выкупил один христианин, после чего св. Иоанн отправляется в Северную Африку. Здесь его уважали не только христиане, но и мусульмане. Затем он уходит в Палестину, где принимает постриг с именем Илия. В пути проповедует мусульманам-попутчикам, в результате чего двенадцать мусульман принимают крещение. Однажды святой стал свидетелем спора о вере между мусульманином и христианином. В пылу спора христианин ударил собеседника по голове. Обоих доставили на суд к эмиру, который отпустил мусульманина, а христианина повелел обезглавить. Придя на место казни, святой по молитве воскресил казнённого христианина. Это стало широко известным, и много больных мусульман приходило к Илию за исцелением, и многие из них крестились. В конце жизни святой возвращается на родину, и, как сказано в житии, по его молитве сицилийские города были избавлены от нападения африканского эмира Ибрагима в 902 году. Умер он в Фессалониках в 903 году.

Есть и другие примеры. Преподобный Никон Метаноит (+1000 г.) после отвоевания Никифором II Фокой Крита от арабов в 961 г. семь лет ходил по острову, занимаясь миссионерской деятельностью среди мусульман. В начале X века арабы, вторгшиеся на Пелопоннес, были

так поражены святостью святителя Петра Ар-
госского (+923 г.), что тотчас приняли креще-
ние. Преподобная Анфиса Мантинейская в
771 году послала святого новомученика Рома-
на на миссионерские труды к арабам. Святи-
тель Феодор Эдесский, согласно его житию,
тайно обратил в христианство мусульманско-
го правителя с тремя слугами.

Проповедовали мусульманам и позднее,
например, священномученик Александр (Ми-
ропольский), расстрелянный большевиками
в 1918 году. Проповедуют Православие и в
наши дни весьма многие в разных местах — в
Индонезии, в Пакистане, в Грузии, а в России
успешно полемизировал с исламом и пропо-
ведовал священник-миссионер Даниил Сысо-
ев, которого Господь удостоил мученического
венца в ноябре 2009 года.

Кандидат богословия, диакон Георгий Максимов

Глава 4

ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ ВОСТОКА

ЛОЖЬ УЧЕНИЯ О РЕИНКАРНАЦИИ

С прискорбием можно констатировать, что для некоторых людей, называющих себя православными христианами, становится естественной чуждая христианству вера в астрологию, гадание и магию, реинкарнацию, они не чураются прибегать оккультно-сектантским и языческим практикам для «оздоровления» и сомнительного «духовного роста».

Между тем, духовным человеком может называться только тот, в котором живет Святой Дух — «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1 Кор. 6, 19),

или «Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» (2 Кор. 6, 16). Так что в христианах не должно быть ничего чуждого вере, языческого, иноверческого.

На вопрос о том, совместима ли вера в реинкарнацию (переселение душ) с Православием, священник Михаил Плотников, кандидат богословия, старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета отвечает следующее:

«Однозначно, нет. Несмотря на попытки трактовать некоторые слова Священного Писания, как доказательство в пользу существования реинкарнации, например, «... доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19), святой апостол Павел написал однозначно: «...человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27).

Учение о перевоплощении противоречит не только Священному Писанию, но и всему учению Православной Церкви, а главное — делает бессмысленным спасительную крестную жертву Господа Иисуса Христа и Его воскресение, и тогда «...проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша ... вы еще во грехах ваших» (1 Кор. 15, 14–17).

Согласно пантеистическому учению о реинкарнации, сущность человека безначальна, а тело — это внешние одежды духа, в которые он без труда переодевается. Тогда как согласно Православию, нетварным, безначальным началом может быть только Бог, который является Творцом всего сущего, в том числе и души. Первый человек был создан как неразделимое единство одной души и одного тела, созданных вместе. Человек может быть настоящим человеком, только обладая душой и телом.

Учение о реинкарнации противоречит:

— учению Церкви о Боговоплощении — мы верим, что Сам Бог, однажды став человеком Иисусом Христом, воспринял в единство своей ипостаси одну человеческую душу нераздельно связанную с одним телом, а не меняет свои телесные формы;

— учению Церкви о Воскресении — мы верим, что душа вочеловечившегося Бога соединилась со своим единственным телом после воскресения последнего. И по образу воскресения Богочеловека Христа и человеческие души должны соединиться со своими единственными телами в Судный день;

— учению Церкви о вознесении Господа — мы верим, что воскресший Бог — Иисус Христос — утвердил этим Своё ипостасное единство со Своим единственным телом навсегда.

да — для того, чтобы не только человеческая душа, но тело могло быть обожено.

И это только основные противоречия, их можно привести еще больше!

Это учение возникло не ранее VIII–VII вв. до Р.Х. Нужно отличать понимание круговорота жизней и смертей (сансары) в религиях, изначально такое учение создавших, от того, во что верят и чему учат современные ньюэйджевские секты и оккультисты. У последних существует извращенное понимание механизма реинкарнации и кармы (воздаяния); неизвестное традиционным индийским религиям учение о видах кармы — родовой, семейной и индивидуальной, представление о том, что карму можно некими усилиями изменять, очищать (как учит, например, г-н Лазарев) и т.п. Последователи «Нью эйдж» верят, что можно легко вспомнить свои былые «перевоплощения», например, на сеансе «холотропного дыхания». И, главное, учение о перевоплощении носит в современном оккультизме оптимистический характер, тогда как в индийских религиях сансара рассматривается или как помеха к раскрытию своей божественной природы и обретению истинного бытия, или вообще как зло. По сути, учение «Нью эйдж» о реинкарнации — это некая «кармическая попса», «карма-кола», адаптированная к потребительской европейской ментальности.

Как уже было сказано, вера в реинкарнацию характерна для пантеизма, для которого тонкая сущность мира божественна, значит ум, дух человека божественен, божественность присутствует даже в животных. И когда человек умирает, его божественная духовная божественная сущность остается неизменной, не умирает, но в силу некоего помрачения, забыв свою изначальную духовную суть, по результатам своих дел в предыдущей жизни вселяется в новое тело.

Это совершенно «нормальная» логика рассуждения для пантеизма, где есть безличный закон воздаяния, где есть закон накопления заслуг. Тогда как для христиан это вообще не имеет никакого смысла! В христианстве, образно говоря, человек может мгновенно стать святым и также мгновенно погибнуть, совершив смертный грех.

Каждое мгновение человек уже новый, через мгновение после покаяния человек становится уже не тождественен той личности, которой он был до покаяния. Если ты не покаешься в течение жизни, ты не покаешься и потом. Нет в христианстве и учения о накоплении неких тайных знаний и знаний вообще, так как это бессмысленно, их накапливать нам не нужно, потому что если человек через Христа приобретает обожение, то приобретает и все знание, имеющееся у Бога, ибо «...Господь

Бог есть истина» (Иер. 10, 10), в Нем «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3).

Священник Михаил Плотников, кандидат богословия, ст. преподаватель кафедры религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
Максим Степаненко, руководитель Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ.
Миссионерско-апологетический проект «К Истине», www.k-istine.ru

ДУХОВНОЕ САМОУБИЙСТВО

Оценка буддистского учения

Учение Гаутамы Будды («будда» по-санскритски означает «просветленный») сформировалось в VI–V веках до нашей эры на базе многовековой религиозно-философской традиции индийской культуры. В целом буддизм можно рассматривать и как религию, и как философию, и как культуру, и как образ жизни.

Буддизм, в противоположность христианству, проповедует абсолютное неприятие мира; его идеал — полное уничтожение мира и прежде всего уничтожение личного бытия, самоуничтожение.

Усилия буддийского мудреца все время направлены не к обнаружению положительной основы фактов и явлений жизненного процесса,

не к обретению истины, а к разоблачению отрицательных качеств бытия, к выяснению призрачности и обманчивости вещей, действий и явлений, составляющих содержание жизни. Всюду в этой сложной, полу-философской, полу-мистической работе пробивается непрерывное стремление не к величайшей реальности, не к абсолютному бытию, не к Богу, а к уменьшению интенсивности бытия, к слиянию саморазлагающегося и искусственно разлагаемого живущего существа с абсолютным небытием, с нирваной. Это не рост духа, составляющий цель христианской аскетики и мистики; это, выражаясь подлинными словами буддизма, «прекращение духа».

Сообразно с этой основной тенденцией буддийского экстаза от него веет ледяным холодом, настоящим дыханием смерти. Во всех рассуждениях нет ни одного слова о любви. Но зато, сколько забот, дум, грез об «угашении», о «прекращении» ...

Если конечная цель есть избавление от перевоплощений и совершенное уничтожение личного бытия, то добродетель низводится на степень лишь подготовительного средства, которое на известной ступени совершенства грозит стать помехой на пути к цели. Действительно, дела, совершенные в настоящей жизни, необходимо переводить к новому перевоплощению. Дурные дела не выгодны: они приведут к новому воплощению с увеличенными

страданиями. Но и добрые дела приводят к новому воплощению; правда они обеспечивают «небесные радости», но они презренны, потому что они не вечны и не избавляют от возрождений.

«Как бы велики не были нужды и потребности других, никто не должен ради них жертвовать своим собственным спасением», находим мы в своде буддийской морали.

Фон Шредер (исследователь индусской культуры) говорит: «Снова и снова, со стороны буддизма — отрицание; со стороны христианства — утверждение. Любить, страдать и, наконец, жить — вот обязанность, вот желание истинного христианина! Не любить, не страдать, не жить — вот идеал буддиста. Здесь воистину выясняется глубокая и широкая, не переходимая пропасть буддизма и христианства».

Справочник «Религии и секты в современной России». Новосибирск, 2006

Язычество буддизма

Происхождение буддизма связано с поверьями и легендами. Однажды ночью, сидя под деревом и погружившись в глубокие мысли, Гаутама внезапно достигает «просветления». С этого момента он становится Буддой — Просветленным. Исторических сведений об основателе его нет. Жизнеописания Сиддхартхи Гаутамы (Будды) составлялись несколько столетий

спустя после его смерти. Сведения древних источников являются весьма противоречивыми.

Традиционный буддизм — очень широкое понятие. Несмотря на то, что буддизм не знает верховного божества, в целом это религия, которая с точки зрения христианства является самым настоящим язычеством.

О сущности и происхождении язычества очень точно и понятно говорится в Библии, конкретно, в 13–15 главах Книги Премудрости Соломона. В нескольких словах этот процесс можно описать следующим образом. Потомки Адама, окруженные враждебной и непонятной природой, смутно припоминая о существовании Бога и об общении своего предка с Творцом, обожествили сначала силы природной стихии, а затем, на более высокой ступени культурного развития, и собственные душевные силы. Особенностью буддизма (и отчасти даосизма), с этой точки зрения, является то, что в нем обожествляются интеллектуальная и духовная способность человека.

Человека, как самое совершенное и любимое творение Божие, ищет погубить вечный богопротивник диавол, который действует, в том числе и через религиозные заблуждения. Отвращая человека от знания истинного Бога, диавол внушает ему поклоняться тем «богам», которые несут зловещие черты самого диавола. Поэтому языческие культы древности с позиции

христианской этики были просто ужасными. «Священная проституция», человеческие жертвоприношения, ритуальные убийства и самоубийства несли гибель человечеству и в нравственном, и в физическом смысле. Все великие цивилизации древности при высочайшем культурном и техническом развитии погибли именно из-за такого нравственного вырождения. Нравственные причины гибели последней из них — античной Греции и Рима — очень хорошо отражены в литературе той эпохи.

Буддизм при всем его изощренном интеллектуализме не является исключением. Среди тех божеств, к которым буддист обращается с молитвой, не только будды и бодхисатвы, но и обожествленные деятели истории и религии, высокопоставленные духовные иерархи, местные божества с самым фантастическим обликом. Например, в Тибете буддийский пантеон включает в себя божеств примитивной языческой религии бон. Буддист обращается к этим божествам не только с целью достижения максимального духовного совершенства — в идеале достижения нирваны, — но и с вполне меркантильными земными целями: в поисках земного благополучия, здоровья, семейного счастья и так далее.

С точки зрения Православия в буддизме логического завершения достигает идея человекобожества. Буддизм — это религия,

в которой место Бога занимает человек, достигший духовного совершенства собственными усилиями.

Многочисленные Будды, бодхисатвы, архаты — это люди, ставшие богами. Поэтому в буддизме православный человек без труда узнает результат древнего искушения: «откроются глаза ваши и вы будете, как боги» (Быт. 3, 5).

Мантры в буддизме это как раз то средство, при помощи которого должны «открыться глаза» в том самом библейском смысле. Мантра — нечто среднее между молитвой и магическим заклинанием. В основе этой практики лежит бесконечное повторение одного и того же текста. Цель мантры — разрушить преграду между человеком и божеством, отключить сознание, мешающее непосредственному восприятию божества. Что это за божество — хорошо известно: древние идолы или будды, самообожествленные люди, поверившие дьявольскому искушению.

священник Михаил Воробьев,
клирик Вольской Благовещенской церкви

Как Православие относится к буддизму?

Детально разработанную концепцию буддизма мы находим в сочинениях Н.С. Трубецкого¹. Буддизм, в его восприятии, есть логиче-

¹ Трубецкой Н. Религии Индии и христианство// Наследие Чингисхана. М., 2000.

ское завершение отказа от идеи Персонального Творца. Отвергнув Персонального Творца, человек неизбежно пришел к мысли о духовном самоубийстве. Состояние нирваны Трубецкой рассматривает как убийство в себе сознания своей индивидуальности и, тем самым, как прекращение какой-либо психической жизни. Буддизм создает вокруг учения о нирване поэтический ореол, пытается придать этому учению привлекательный вид. Однако речь идет о поэтизированном духовном самоубийстве, поскольку учение о нирване отражает псевдодуховную аскетическую работу по намеренному уничтожению психической жизни, то есть осознанное духовное самоубийство. Псевдодуховно-некрофилический опыт нирваны передает соблазны люциферического опыта.

Русский мыслитель особо подчеркивает, что любовь, милосердие, сострадание — все это для буддиста не религиозные чувства, ибо буддийская аскетика направлена на ликвидацию каких-либо чувств. Любовь, милосердие, сострадание в буддизме суть последствие полной утраты чувства человеческой индивидуальности и персональных желаний. Всепрощение, любовь, милосердие, сострадание рассматриваются в буддизме как способы уничтожения чувств. Равнодушие, безразличие, необходимые для достижения нирваны,

находят свое завершение, когда человек относится к врагу совершенно так же, как к другу, когда он равнодушен к радости и к боли, к чести и к бесчестию. При состоянии равнодушия человеку ничего не стоит жертвовать собой для ближнего, ибо, не имея собственных желаний, он, легко исполняет желания других. Подавить свою волю, чтобы поступать по воле другого, рекомендуется в буддийской аскезе в виде упражнений, нацеленных на приобретение опыта постижения безличного сверхиндивидуального бытия, включающего приобретение магической силы по управлению космосом и ставящего человека над богами индуистского пантеона. Н.С. Трубецкой особо указывает, что превращение самопожертвования, любви, сострадания, всепрощения в аскетические упражнения, нужные для приобретения безличного сверхперсонального опыта (тождественного духовному самоубийству), отражает профанацию любви и сострадания как возвышенных одухотворенных чувств.

Итак, буддизм есть путь духовного самоубийства, связанный с отвержением учения о Персональном Боге-Творце. Отвергнув Божественную Персону, человек закономерно усомнился в собственной и встал на путь духовного самоубийства. Учение о нирване как раз отражает практику духовного саморазрушения. Всецело атеистический опыт нирваны от-

ражает уничтожение персональной духовной жизни, превращение души человека в ничто и пустоту. Эта ужасная мысль преподносится в самом привлекательном виде для человеческой гордости, поскольку делает человека выше богов индуистского пантеона, отражает человекобожескую тенденцию. Христианство — это спасение жизни, а буддизм — спасение от жизни через уничтожение всех ее конкретных форм.

Сравнительному анализу буддизма и христианства посветил свои усилия Кожевников¹. С его точки зрения, буддизм проповедует абсолютное неприятие мира, его уничтожение и, прежде всего, уничтожение личного бытия, самоуничтожение персональной жизни. Мир для буддизма есть результат бессмысленного «волнения», «суеты», поднимающейся из недр обезличенного абсолютного. Отрицая субстанциальное вечное бытие духа, буддизм видит во всяком индивидуально-личном начале обреченность на неудовлетворение, себялюбие, отсутствие положительного смысла. Буддизм отвергает абсолютную ценность личности, включает в основу своей проповеди идею уничтожения личного индивидуального бытия и мира в целом. Цель буддиста состоит в том, чтобы усмотреть, что в бытии нет ни-

¹ Кожевников В. Буддизм в сравнении с христианством. СПб., 1916.

чего абсолютно ценного и достойного любви, убедиться в том, что всякое бытие не субстанционально, что оно существует только в связи с потоком сознания и должно быть уничтожено вместе с самоуничтожением личности.

Христианин утверждает, что мир сотворен всеблагим Богом, который есть добро, красота и истина. Чертами добра, красоты и истины запечатлен весь космос. Человеческая личность, индивидуальное «я» создано по образу Божьему с задачей реализации божественного подобия. Личность, исполняющая в совершенстве заповеди Христа, удостоивается обожения по благодати и вечной жизни в Царстве Божьем с полным сохранением индивидуального своеобразия, как духовного, так и телесного. В Царстве Божьем каждая личность достигает абсолютной полноты жизни и высших ступеней творчества, индивидуально своеобразного, но в то же время гармонически согласованного с творчеством всех других членов Царства Божья, что образует соборное целое, обладающее совершенной красотой и совершенным добром. Каждое индивидуальное «я» имеет в христианстве абсолютную ценность. В личном бытии христианин видит источник любви к абсолютно ценному, центр бескорыстного творчества.

Христианин отвергает в мире только зло, но он полагает, что зло не есть необходимость бы-

тия. Оно внесено в мир тварью, неправильно пользующейся свободой воли. Абсолютному осуждению подлежат только нравственное зло, эгоизм, а зло душевных и физических страданий есть следствие нравственного зла, имеющее глубокий и целительный смысл. Таким образом, как в положительных, так и в негативных чертах мир есть реальность, проникнутая возвышенными смыслами.

Христианская религия все силы и средства направляет на воспитание любви к Богу, людям, на творческое развитие добра и преодоление зла. Мотивы поведения христианина не отрицательные, а положительные — любовь к Богу и созданным Им персонам. Совершенство заключается для христианина в полноте любви.

Цель христианской аскетики и мистицизма составляет рост духа, буддистской — прекращение его жизни. Христианин призван к очищению и обожению чувств, желаний и мыслей, буддист — к полному их угашению. Христианская мистика направлена на преобразование аффектов. Любовь земная перерождается в любовь божественную. Личность подвижника соединяется с Богом, обоживается. Буддистская мистика направлена на их ликвидацию и слияние со всепоглощающим небытием-ничто нирваны. Буддийский экстаз направлен на самоумерщвление духа.

Экстатические переживания буддизма ведут к уничтожению мира и личного бытия. Христианство — религия преобразования жизни, буддизм — уничтожения.

Буддистская этика проигрывает христианской. Согласно буддизму, добродетель не есть абсолютная ценность. Она лишь средство для достижения конечной цели — освобождения от персональной жизни. Нравственная активность низводится до степени подготовительного средства, которое на известной ступени совершенства грозит стать помехой на пути к цели, потому что добрые дела, как и дурные, приводят к новому воплощению.

Деятельное человеколюбие принесено в буддизме в жертву освобождению от ига личного бытия. В противоположность христианству, сводящему весь результат духовного совершенства к любви, буддизм обосновывает необходимость преодоления любви к человеку.

Н.О. Лосский отмечает те стороны буддийского вероучения, которые несовместимы с христианским религиозным опытом, оппозиционны по отношению к нему¹. К этим сторонам буддийского учения стоит отнести отрицание абсолютных положительных ценностей в мировом бытии, абсолютной ценности неповторимого своеобразия каждой личности, от-

¹ Лосский Н.О. Христианство и буддизм. М., 1994. С. 25–24.

рицание свободы и значения греха, отрицание возможности свободного соборного творчества, осуществляющего совершенное добро и связанного с преодолением эгоизма.

Буддизм не знает учения о грехе как источнике всех видов зла. Отсюда возникает неведение достоинства человека, так как возможность быть грешным указывает на высокое достоинство человека, наличие самостоятельной свободной воли, а, следовательно, свободного личного индивидуального бытия. Отсутствие учения о грехе стирает грань между добром и злом.

Итак, в русской религиозной философии присутствует целостная традиция восприятия буддизма, обусловленная христианским видением мира.

Во-первых, буддизм представляет собой религию и философию небытия, поскольку абсолютизирует ничто-небытие. В этом смысле буддизм есть теория и практика осознанного духовного самоубийства.

Во-вторых, буддизм предстает с христианских позиций как пантеизм¹, ибо религиозно-философская мысль буддизма обосновывает обожествление небытия как основы мироздания.

¹ Пантеизм — учение, согласно которому Вселенная (природа) и Бог тождественны. Пантеисты не верят в личного Бога-Творца.

В-третьих, буддизм есть языческий политеизм¹ и человекобожество, ибо обожествляет людей-носителей опыта небытия.

В-четвертых, буддизм отвергает реальность человеческой персоны.

В целом, в русской мысли буддизм предстает как оппозиционное христианству учение. Буддизм ведет человека в небытие, разлагает тварь в ничто, лишает ее бытия, старается «забросить» тварь в добытийственное состояние. Христианство учит об обожении, достигаемом путем стяжания благодати Святого Духа, участием в вечно длящейся в Церкви Пятидесятнице. Причащаясь в Божественной Евхаристии обоженного тела, как жизни самого Бога, человек и сам делается Богом через соединение, делается сотелесными и единокровными воплотившемуся Богу².

Вывод, который может сделать христианин, познакомившись поближе с буддизмом, прекрасно сформулировали И.М. Концевич и В.А. Кожевников: «Мрачно и жутко становится при соприкосновении с буддизмом, хотя последний и рядится в тогу величия. Он ведет человека к величайшему греху — греху духовного самоубийства, вечного отлучения бессмертной души от источника жизни — Бога. На нем

¹ Политеизм — религия, совокупность верований, основанная на вере в нескольких богов.

² Посадский А. В., Посадский С. В.

печать гордого отвержения духа отрицания, смерти»¹. «В лице буддизма тварь забыла и отинула своего Творца и Промыслителя, поставив на его место роковой, бессмысленный круговорот будто бы безначальных, слепых, космических сил. Отсюда неутешная, неисцелимая скорбь буддийского пессимизма, этого законченного воплощения «души, не имеющей упования»².

ОДЕРЖИМОСТЬ КАК ФОРМА ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ В БУДДИЗМЕ

Одним из главнейших принципов, лежащих в основании христианства, является принцип свободы воли человека, проистекающий из события творения человека по образу и подобию Божию (Быт. 1, 26–27). Божественная воля ничем не ограничена и было бы удивительно, если бы человек, сотворенный по образу и подобию Бога, был бы лишен свободы воли. Свобода воли человека проявляется, прежде всего, в возможности выбора: быть ему с Богом или нет, развиваться ли в вечном Богопознании через Иисуса Христа и Его Тело — Церковь Христову, или отречься от Бога. Бог не насилует человеческую волю, хотя и пытается

¹ Концевич И.М. Православие и буддизм. С. 161.

² Там же. С. 159.

направить человека на лучший для него путь. Но кроме Бога есть силы, которые в христианстве называются падшими ангелами, демонами, бесами. Эти силы, сами давно уже сделавшие свой выбор в пользу богоборчества, стремятся склонить к тому же и людей. Тех, кто соблюдает законы Божии, выраженные, прежде всего, в Его заповедях, Бог бережет, но тот, кто отвергает эти заповеди, прежде всего образом своей жизни, ценностями, положенными в ее основу, тот сам себя лишает этой защиты и становится легкой добычей бесов. Эти люди отвергают Божию защиту, и Бог, уважая их свободную волю, оставляет их наедине с их выбором. Преподобный Иоанн Дамаскин пишет о бесах: «...всякий порок придуман ими и нечистые страсти. И нападать на человека им позволено, но заставить кого-либо насильно они не в состоянии, ибо от нас зависит выдержать нападение или не выдержать»¹. Человек, лишенный Божией защиты, сделавшись добычей бесов, которым безразлична наша свободная воля, становится одержим демоническими силами. Воля таких людей становится подконтрольна бесам, а сами они превращаются в их марионеток. Этим объясняется, например, патологическая ненависть к Церкви атеистов первых лет коммуниз-

¹ Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., Индрик. 2002. С. 191.

ма и те дьявольские по своей жестокости методы, которыми они боролись с Церковью.

Примеров одержимости в Священном Писании можно найти множество: Иисус и Его апостолы изгоняли бесов из поработанных ими людей (Мф. 4, 24; Мк. 1, 23–26; Деян. 8, 7). В Предании Православной Церкви есть много примеров борьбы с бесами святых за людские души, когда святые изгоняли бесов. Но нет ни одного примера, когда бы сам святой переселялся в другое тело, становясь так сказать одержателем живого человека, равно нет и примеров того, когда святой переселился бы в мертвое тело другого человека. Но, как показывает изучение чуждых христианству религий, некоторым из них знакомы такие случаи. Не все религии учат о свободе воли человека. Более того, некоторые из них приветствуют практики, результатом которых является подчинение человека воле «учителя» и духовное вселение «учителя» в тела, ему не принадлежащие. Таким образом, эти уважаемые своими учениками и признаваемые ими в роли учителей люди выступают в роли одержателей. В данной статье мы познакомимся с несколькими такими примерами. На наш взгляд, это лишний раз ставит под вопрос тождественность духовных корней разных религий. Чтобы автора не обвинили в искажении или неправильном понимании духовных мистических практик индуизма,

окультизма и буддизма, в статье будет приведено много цитат, позволяющих читателям самостоятельно решить, считают ли они для себя нравственно приемлемыми описываемые ниже практики и духовные системы.

Как обстоят дела с одержимостью в буддизме? Француженка Александра Давид-Неэль, много путешествовавшая по Тибету, в одной из своих книг писала: «В функции официального ламаизма входит подчинение демонов, перевоспитание их в покорных слуг, а в случае непокорности обезвреживание или уничтожение. В этом с официальным духовенством конкурируют колдуны. ...Помимо совершаемых ламами магических обрядов, изучаемых в монастырских школах «гиюд», и черной магии колдунов, тибетские мистики поощряют особый способ сношения со злыми духами, требующий некоторой духовной подготовки. Он заключается в том, что ученик ищет встречи с демонами с намерением предложить им подаяние или померяться с ними силами. Несмотря на нелепые, даже отвратительные для европейцев формы, эти обряды преследуют полезные или возвышенные цели, например, избавиться от страха, вызвать чувство любви к ближнему, стремление отрешиться от своего «Я» и, в конце концов, прийти к духовному озарению»¹.

¹ Александра Давид-Неэль. Мистики и маги Тибета. Глава 4.

Обратившись к христианству, мы видим, что власть над бесами обнаруживал уже Иисус (Мк. 5, 7–13), учивший: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов» (Мк. 16, 17). И это относилось и относится ко всем христианам, хотя опыт Церкви показывает, что с изгнанием бесов лучше справляются монахи, прошедшие духовный искуc и победившие в себе страсти. Идея же развития любви к ближнему через общение с бесами, с христианской точки зрения, утопична, так как любви у бесов нет. Источником любви является Бог: «...Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), искать же любовь у тех, кто отринул Бога, наивно. К тому же, как учит Священное Писание, «...в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Ин. 4, 18). Обратившись же к буддийским практикам, мы находим у Александры Давид-Неэль описание практики общения с бесами: «Юноша должен был привязать себя к скале и ночью вызывать и дразнить самых свирепых и кровожадных демонов. Тибетские художники изображают их в виде чудовищ, сосущих мозг из черепов и копающихся в человеческих внутренностях. Какой бы ужас юноша ни испытывал, он должен был бороться с искушением отвязать себя и спастись бегством: учитель приказал ему не двигаться с места, пока не взой-

дет солнце. Подобный метод принят в качестве классического». То, что в буддизме признается классикой, в Православии напрочь отсутствует. Учитывая все вышесказанное, неудивительно, что буддийские учителя ничего не имеют против одержания бесами собственных учеников. Александра Давид-Неэль пишет: «Я осталась сидеть, глядя на гомтшена. Он по-прежнему не двигался, его черты постепенно изменялись, лицо покрылось морщинами, приняв выражение, которого я никогда прежде у него не видела. Он открыл глаза, и принц вздрогнул от ужаса. На нас смотрел не лама из Далинга, но другой, совсем незнакомый человек». После того как лама, говоривший через тело своего ученика, ответил на заданный ему вопрос, гомтшен опять стал изменяться: «затем опять медленно закрыл глаза, его черты стали изменяться и превратились в знакомые нам черты ламы из Далинга. Постепенно лама пришел в себя. Он уклонился от ответов на наши вопросы и вышел молча, шатаясь, по-видимому, совсем разбитый усталостью».

Является ли приведенное выше свидетельство Александры Давид-Неэль единственным? Отнюдь нет. В Тибете даже существует специальный государственный оракул, для которого практика, описанная выше, — реальность повседневной жизни. Вот фрагмент из интервью с этим человеком: «А вы помните, что говорит через Вас божество, пока Вы находитесь в трансе?». «Нет,

конечно, нет. Перед тем, как войти в транс, я чувствую и вижу, что происходит вокруг, но постепенно мои ощущения растворяются, и я впадаю в некое подобие сновидческого состояния, божество полностью захватывает мое сознание. На выходе из этого состояния я не помню, что со мной происходило и что я говорил. Обычно, в начале ритуала я сижу на троне в ритуальном костюме, медитирую и повторяю мантры Хаягривы — божества-защитника Дхармы. Постепенно мое сознание и моя личность начинают растворяться, я чувствую, как расплывается и удаляется мое окружение. Это как если бы вы увидели сон, но утром никак не могли вспомнить, что же вам снилось. Вот точно также я чувствую себя до и после транса. ...»¹.

Так что описанное Александрой Давид-Незль представляет собой весьма заурядное явление для тибетского буддизма. Можно не сомневаться, что буддисты будут говорить о пользе вышеприведенных практик, имеющих благие цели, особенно от общения с бесами. Более того, они могут сказать, что бесов вообще нет и что практики призваны бороться с людскими иллюзиями. Но вот интересно: буддийские ламы, «укрошающие» демонов, тоже укрощают иллюзии? А со своей паствы они зачем берут за это деньги, если считают, что

¹ Нейчунг Кутэн-ла, медиум Государственного оракула Тибета. Буддизм России. № 28. С. 20–23.

бесы в реальности не существуют? Впрочем, не собираясь спорить о целях данных практик или разбирать нравственность лам, хотелось бы обратить внимание только на тот факт, что ничего подобного в Православии нет и никогда не было. Ни один православный святой никогда не насильствовал волю своего ученика, не вселялся в его тело. И, кстати, ни один православный святой не пытался через бесов учиться любви к ближнему и уж тем более не заявлял, в отличие от некоторых буддистов, что бесы есть фантазия человеческого ума.

Из приведенного выше материала видно, что люди, говорящие о духовном единстве христианства с другими религиями, не правы: то, что в других религиях является нормой, в Православии классифицируется как проявление демонизма. Этот факт может многим не нравиться, но с ним ничего не поделаешь.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

ЙОГА ДЛЯ ХРИСТИАНИНА — ПУТЬ К ОЗДОРОВЛЕНИЮ ИЛИ ВЕРООТСТУПНИЧЕСТВУ?

Большинство современных учителей йоги подают ее как внерелигиозную (или всерелигиозную) систему упражнений, ведущую к

оздоровлению, самосовершенствованию, самое большее — к некоему абстрактному «просветлению». Но в действительности йога — это аскетическая практика, преследующая не оздоровительные, а сугубо религиозные цели.

Существует несколько видов йоги, которые в большей или меньшей степени практикуются всеми индуистскими, неоиндуистскими и псевдоиндуистскими направлениями и сектами, хотя основатели последних часто сочиняют свои, обычно собранные из разных видов йог и сильно упрощенные, «попсовые» варианты йоги, комбинируя элементы традиционных йогических систем и западных методик психотерапии.

Йога — это некий способ достижения высших духовных состояний с помощью аскетических упражнений. В определенном смысле можно провести параллель с православным исихазмом, что нередко и делают адепты йоги, доказывая духовную легитимность своей практики и ее близость восточно-христианской аскетике.

Однако в исихазме конечная цель — стать настоящим храмом Бога Живаго (2 Кор. 6, 16), обрести в себе присутствие Бога, которое выражается в такой Божественной энергии (это по-гречески, по-славянски — «действие»), как свет. Именно особый, нетварный,

Божественный свет исходил от Господа Иисуса Христа на горе Фавор при Его преображении: «и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17, 2).

В индуизме с помощью йоги пытаются раскрыть в себе якобы свою собственную «божественную» сущность, то есть, это восхождение к своей собственной «божественности», самообожение, растворение в Божестве, которым ты сам и являешься.

Повторю, что йога — это монашеская практика, которая подразумевает вначале отказ от противоестественных желаний (то есть от греховных, порочных желаний), затем — от естественных желаний (брака, богатства и прочего), потом — вообще от всех желаний.

Например, классическая индуистская раджа-йога, кодифицированная в «Сутрах йоги» Патанджали в первые века по Р.Х., имеет восемь ступеней. Проходя первые ступени, йогин с помощью аскезы и специальных упражнений приобретает контроль над своим физическим и «тонким» телами. На высших ступенях он добивается контроля над психикой и постигает искусство сосредоточенного созерцания (медитации).

При этом следует практически не пить и не есть, мало спать и дышать, быть равнодушным к похвалам и оскорблениям, ничего не чувствовать, остановить поток своих мыслей, полно-

стью сконцентрироваться в себе в некую точку, войти в состояние транса.

И вот тогда в твою внутреннюю пустоту и безмолвие должен войти свет, который воспринимается йогиним как свет собственной «божественности».

Архимандрит Софроний (Сахаров), ученик и автор жития преподобного Силуана Афонского, в юности отошел от Православия и стал заниматься йогой. Он достиг созерцания этого внутреннего света, которые йогини принимают за Абсолют. Покаявшись и вернувшись в Православие, он стал афонским монахом-исихастом. По словам о. Софрония, не следует смущаться из-за того, что некоторые практики, похожие на христианские, есть и в других религиях. Это объясняется единством человеческой природы. Для «совлечения чувств», сосредоточения, вхождения в глубины своего существа и в йоге, и в исихазме применяются схожие технические приемы. Однако, мистики-пантеисты, в том числе, йогини, в своих глубоких переживаниях созерцают не Бога, а самих себя, свой собственный образ Божий, и, не зная лично Истинного Бога, принимают за Бога себя; как бы отраженный свет луны считают светом солнца.

Можно даже предположить, что мистики индийских религий имели опыт общения с Богом, ведь св. апостол Павел в первой гла-

ве Послания к римлянам, пишет, что для язычников открыто Богопознание. Однако там же ап. Павел говорит, что язычники «познав Бога, не прославили Его как Бога», но обратились к почитанию творений. За это «предал их Бог постыдным страстям», то есть, удалившись от Бога, язычники остались один на один со своей падшей природой и, хуже того, с демонами.

Иллюстрацию слов апостола Павла мы и видим на примере Индии, где, наряду с представлением о Едином Боге, в качестве богов почитаются люди (гуру и легендарно-мифологические персонажи), разнообразные животные, солнце, луна и прочие творения Божии, а также их изображения — идолы. Плоды такого ложного духовного устройства — грех и страсти, господствующие над йогинами. Этика — краеугольный камень Единобожий — в йоге носит второстепенный характер, а этические предписания играют техническую роль подготовительных упражнений (это отмечал в своей книге об этике в религиях Индии известный гуманист Альберт Швейцер). В некоторых направлениях йоги (в левом тантризме) этика вообще отбрасывается. В результате в индийских мифах — эпосе и пуранах — весьма часто фигурируют йогины, добившиеся огромной магической мощи, будучи при этом злыми и безнравственными людьми или даже вовсе де-

моническими существами, вроде ракшасов — лесных монстров-людоедов.

В реальности мы наблюдаем ту же картину. Например, еще до недавнего времени обычным делом были драки между йогинами различных орденов, в том числе вооруженными, за почетное право раньше других совершить омовение в Ганге на праздник Кумбхамела. Нередко такие и им подобные стычки (за контроль над святыми местами и проч.) оканчивались смертоубийством. Или другой пример. Несмотря на то, что йогины, за исключением женатых шиваитов, дают обет безбрачия, всеобщая диспансеризация, которая была в Индии (насколько я знаю, в первый и последний раз) в 1980-х годах, выявила, что подавляющее большинство йогинов больны хроническими венерическими заболеваниями. Те же йогины, которые не хотят поддаваться блудной страсти, но не имеют благодатных средств для ее преодоления, весьма часто оскопляют себя изуверскими способами, или, например, на потребу туристам и для умерщвления своих половых органов подвешивают к ним кирпичи или другой груз.

Увы, ради небольшой денежки от «белого варвара» индийские аскеты готовы на самые изуверские упражнения вплоть до подвешивания себя крюками за ребра. В Индии очень много проблем, и главная из них — чудовищ-

ная нищета, многие рождаются и умирают на улицах, живут на один доллар в месяц. Для некоторых бездомных весь йогический цирк — это способ найти пропитание от туристов, ни о каком духовном совершенствовании и речи даже нет.

Таким образом, если судить по плодам, то йогическое богопознание и богообщение не суть истинные. Истинный опыт общения с Богом — это общение в Святом Духе через Иисуса Христа. Так как без веры в Господа Иисуса Христа это невозможно, а человечество всегда так или иначе стремилось в духовные сферы, то применялись некие суррогаты, начиная от галлюциногенов и иступленных плясок и заканчивая утонченной психотехникой: или разработанными способами воспитания ума (как в неоплатонизме), или психофизическими техниками (как в Индии или Китае). Так или иначе, это есть попытка попасть в духовный мир «с черного входа», минуя единственную дверь, которая есть Христос.

Йогины полагают, что после остановки всех психических процессов и достижения состояния сосредоточения без содержания (самадхи), «выжигаются семена кармы» и это гарантирует от нового перерождения и позволяет в любой момент навсегда освободиться от тела.

Датский профессор Йоханнес Огорд, в течение десятков лет изучавший йогу, в том чис-

ле в Индии), назвал йогоу искусством смерти, термоядерным оружием индуизма в его войне против жизни. Действительно, если христианин готовится к смерти, чтобы воскреснуть и жить вечно с Христом, то йогин посвящает всю жизнь тому, чтобы умереть совершенно и навсегда (или еще короче: христианин умирает, чтобы жить, а йогин живет, чтобы умереть).

Такой именно настоящей аскетической йогой в России у нас мало кто занимается, разве что буддисты. Можно, конечно, предположить, что у нас кто-то может заниматься и настоящей индуистской йогой. Однако всевозможные гуру и держатели йогических центров в России фактически занимаются ньюэйджевской йогой (от английского слова «New Age» — новый век), в которой практически отсутствует аскетизм, и только изредка практикуется временное уединение, медитация, чтение мантр, которые нужны для освобождения от мыслей и сосредоточения. Цель такой йоги — некое успокоение, вхождение в блаженное состояние и не более того. Такая йога далека от изначальной также как Москва от Владивостока.

И, наконец, сейчас получила распространение так называемая фитнес-йога — это элементы йогических упражнений для похудения, подтягивания и укрепления мышц, растяже-

ния связок и, вообще, приобретения хорошего телесного тонуса.

Говоря о духовной опасности от занятий йогой, можно кратко сказать так: если будешь заниматься настоящей индуистской или буддистской йогой — впадешь в самообольщение — будешь считать себя «богом», а если будешь заниматься ньюэйджевской йогой — также впадешь в прелесть. Как поет уже упомянутый Борис Гребенщиков, точно описывая состояние ньюэйджевца:

А я хожу и пою,
И все вокруг Бог;
Я сам себе суфий
И сам себе йог.
В сердце печать
Неизбывной красоты,
А в голове
Туман над Янцзы.

От занятий фитнес-йогой серьезных духовных последствий нет, впрочем, как правило, фитнесом занимаются люди, которые вообще не живут никакой духовной жизнью. Для чего нужны таким людям «подтянутые» телесные формы? Для карьерной «эффективности», тщеславия и того чтобы нравиться противоположному полу. По моему мнению, правильнее сказать любой фитнес, не только с элемента-

ми йоги, сам по себе не душеполезен. Люди, которые слишком заботятся о своем внешнем виде и здоровье тем самым свидетельствуют, что они не живут духовной жизнью.

Мне не раз доводилось слышать или читать утверждения российских адептов йоги, что, дескать, индийские йоги живут долго и счастливо, при этом не болеют тяжелыми хроническими заболеваниями, на них не давит груз стрессов и нерешенных проблем. Это чистейшая ложь, миф. Натуральная йога вредна не только для души, но и для телесного здоровья, несмотря на то, что одна из разновидностей тантрической йоги — хатха-йога — обещает дать несокрушимое здоровье и вечную жизнь в физическом теле, причем в чудотворном, всеильном состоянии бога.

Уже упомянутая всеиндийская диспансеризация показала, что йогины, которых там несколько миллионов человек, живут в среднем даже меньше, чем обычный житель Индии и страдают, к тому же, массой заболеваний. Например, катарактой глаз, потому что постоянно концентрируются на солнце, вывихами суставов, артритами и артрозами из-за частого нахождения подолгу в противоестественных позах. Йоги страдают букетом заболеваний верхних дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта, потому как каждый день делают клизмы, жгутами очищают носоглот-

ку, что со временем практически уничтожает слизистую оболочку в кишечнике и носовой полости. Например, некоторые опытные йогины глотают один конец длинного жгута, и когда тот выходит их анального отверстия, начинают его туда-сюда двигать, думая, что этим они «очищают» кишечник. Однако последствие такой очистки одно — хронический гастрит, энтероколит и проктит.

Кстати, питье мочи и клизмы пришли к нам из йоги. Пить мочу, только коровью (ведь корова — священное животное), принято в шиваизме, при этом некоторые йогины-шиваиты еще употребляют и коровий навоз, правда не в пищу — они им обмазываются вместо одежды. Кстати, настоящие индийские ароматические палочки представляют собой сушеную смесь ароматов и коровьих экскрементов.

Можно еще добавить, что существует еще миф о какой-то необычайной интеллектуальной глубине йоги, тогда как в действительности около 75% индийских аскетов-йогинов неграмотны или малограмотны.

Что сказать в заключении? Прискорбно, что немало россиян от своей духовной безграмотности, думая, что у соседа трава зеленее, принимают на веру ложные языческие и сектантские самообманчивые знания, которые у самих соседей вызывают уныние и безысходность; пытаются духовно вырасти на том, от

чего соседи деградируют; пытаются оздоровиться тем, что и самим соседям не дает здоровья.

Священник Михаил Плотников, кандидат богословия, ст. преподаватель кафедры религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Максим Степаненко, руководитель Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ. Миссионерско-апологетический проект «К Истине», www.k-istine.ru

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МОЛИТВА ОТ МАНТРЫ И МЕДИТАЦИИ?

«...молитва веры исцелит болящего,
и восставит его Господь;
и если он соделал грехи, простятся ему»

Иак. 5, 15

Любая религия включает в себя духовный опыт, этот опыт есть результат следования некоей духовной практике; с ее помощью верующий человек стремится достичь той цели, которую ставит перед своими последователями исповедуемая им религия. Однако не любая духовная практика — благо. В Священном Писании сказано: «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь» (Рим. 1, 25). Не каждая духовная прак-

тика, претендующая на то, чтобы вести человека к Богу, приводит к Нему. Существуют духовные практики, результат применения которых будет прямо противоположным.

Священное Писание предупреждает: «... многие обольстители вошли в мир...» (2 Ин. 1, 7). Православная Церковь имеет два основных вероучительных источника — это Священное Писание и Священное Предание, при этом Священное Писание является частью Священного Предания; но как Священное Писание, так и Священное Предание отражают опыт богообщения Православной Церкви. Наиболее глубокий опыт богообщения в рамках Православной Церкви имеют святые отцы. Их опыт является эталоном духовной жизни для любого православного христианина.

В современной России широко распространены духовные практики чуждые Православию, прежде всего, это мантра-йога в различных своих проявлениях и самые разнообразные виды медитаций. Можно ли рекомендовать практику мантр и медитаций людям, стремящимся к духовному совершенству?

Мантра — это текст, произнесение которого, а нередко и тверждение вполголоса или почти беззвучное бормотание многие тысячи раз считается производящим особые результаты, магические или духовные. Современные тантристы учат: «мантра — это звук или энергети-

ческая вибрация, концентрируясь на которой, достигают спасения (от перевоплощений). Обычно слово мантра переводится как «очищающая ум или сознание», так как «ман» означает ум или сознание (манас), а «тра» — очищать..., «...с помощью повторения мантры мы постигаем свою Сущность, которая есть вечное разумное блаженство»¹. Существуют различные виды мантр: например, есть мантры, цель которых — разрушение, есть мантры, цель которых — исцеление болезней, мантры существуют практически на все случаи жизни, более того, есть мантры, которые являются именами злых духов.

Медитация — термин из теории йоги, характеризуется отвлечением сознания от осознания процессов в организме и от данных органов чувств. При этом поле сознания заполняется избранным объектом умозрения, который задает себя сознанию. При этом считается, что мысленная концентрация на избранном объекте медитации позволяет слиться с ним, он как бы раскрывает свою сущность медитирующему, обнаруживает перед ним свое содержание. Один йог писал об этом процессе, что глубокая медитация приводит к единству познающего, познания и познаваемого, что созерцающий, созерцание и созер-

¹ Димешвар Рам Авадхута. Тантра постижения высшей реальности. СПб., 1992. С. 67–68.

цаемое не существуют отдельно друг от друга. Таким образом, медитация предполагает отождествление себя с объектом медитации. Медитация в своем высшем проявлении — это методика тренировки или переобучения ума, с помощью которой преодолеваются «иллюзии» окружающего мира, достигается погружение ума в некий «Космос» и отождествление с ним. Все это подразумевает вытеснение личности йога названной реальностью — «Космосом».

Подобный подход совершенно чужд христианству. Также для христианина не все равно к кому обращаться в молитве, потому что в Священном Писании сказано: «...нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12). Нет иного имени, кроме имени Христа, что же касается иных учителей, бывших до Него, то Иисус Христос не скрывал Своего мнения о них: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники...» (Ин. 10, 8).

После общего знакомства с мантрами и медитациями неоиндуизма обратимся к Православию. Для начала приведем несколько слов святых отцов о молитве в целом: «Всякий молящийся с Богом беседует... Молитва есть общее дело Ангелов и человеков... кто всю жизнь тщится упражняться в молитвах и служении Богу, скоро подобным Ангелам делается по жизни, чести, благородию, мудрости

и разумению. ... Если же ты лишаешь себя молитвы, то же делаешь, что — вынув рыбу из воды: ибо как этой жизни вода, так тебе молитва...»¹.

Как видим, молитва играет в жизни христианина огромную роль. Познакомимся теперь подробнее с требованиями святых отцов, которые они предъявляли к православной молитве. Не каждая молитва угодна Богу, молитве должны сопутствовать покаяние и смирение: «Говорящие или делающие что-либо без смирения подобны строящему храмину зимою, или без цемента» (св. Григорий Синаит); «Совершенное покаяние состоит в том, чтоб не делать более тех грехов, в коих каемся, и в коих обличает нас совесть» (св. Иоанн Кассиан). Христианин призван к непрерывной молитве: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17). Но при этом христианин должен помнить, что «...сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 14). Поэтому, для того чтобы в результате духовной практики вместо общения с Богом, не прийти к общению с демонами, очень важно молиться правильно. Одним из важнейших условий молитвы, кроме смирения и покаяния, является сознательный отказ от любых визуализаций, мысленных представлений: «...сам от

¹ Инок Каллист и Игнатий. Добротолюбие. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 344.

себя не строй воображений, и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй впечатлеть их в себе» (св. Григорий Синаит). Связано это с тем, что «...диавол обычай имеет, особенно для новоначальных представлять под видом истины прелесть свою, преобразая лукавое свое в духовное» (св. Григорий Синаит). Действие воображения способствует чувственности, любая же чувственная экзальтация в молитве есть прямой путь к прелесть, по словам преп. Макария: «Истинное основание молитвы: быть внимательным к своим помыслам и отдаваться молитве в великом спокойствии, великом умиротворении, не смущая других... Для молитвы не надобно ни жестов, ни возгласов... Довольно стонов и рыданий: все, что мы взыскуем в молитве — это приход Бога». «Когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои, и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых..., и рассуждает о том тогда — во время молитвы, зря на небо, и подвигает там душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже и слезы и плачет..., мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком

делании. А это есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует... На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими, и подобное»¹. Святые отцы учат не только избегать чувственного отношения к объекту молитвы и отказаться от мысленного представления его, но призывают не принимать те видения, которые могут посещать молящегося во время молитвы: «Безмолвствуя и желая один быть с единым Богом, никогда не принимай, если увидишь что-либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, — лик Христов, или Ангела, или образ Святого, или световое изображение, мечтаемое умом; не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было.... Храни же ум свой всегда бесцветным, безобразным, безвидным...»².

Что же такое прелесть? Св. Григорий Синаит пишет: «Прелесть... в двух видах является, или лучше находит, в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину. Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей еще — в

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 180–181.

² Инок Каллист и Игнатий. Добротолюбие.Т.5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 388.

виде исступления. Началом мнимого созерцания фантастического служит мнение (приятательное на всезнайство), которое научает мечтательно представлять Божество в какой-нибудь образной форме, за чем следует прелесть, вводящая в заблуждение мечтаниями, и порождающая хуление, а далее наделяющая душу страхованиями и наяву, и во сне. Ибо за возгордением следует прелесть (от мечтаний), за прелестью — хуление, за хулением — страхование, за страхованием — трепет, за трепетом — исступление ума. Таков первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести в виде воздействий бывает вот каков: начало свое имеет она в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От сласти сей рождается неудержимость несказанных нечистот. Распаляя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в исступление опьянением от палительного действия своего и делается помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъявляет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став, как бесноватый...их следует прямо называть бесноватыми...Бесы непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им

некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица»¹.

Люди, впадающие в состояние прелести, становятся самонадеянными и дерзкими. Они перестают прислушиваться к мнению окружающих и очень агрессивно воспринимают любые попытки их образумить. Пребывая в уверенности, что именно им открыта истина, всех несогласных с собой они считают интеллектуально ущербными людьми, невидящими истину. Любой критический анализ своего состояния ими отвергается. Многие из прельщенных занимаются, как они полагают, борьбой с демоническими силами. Однако и этот вид духовного соблазна не нов для Церкви: «Надлежит тебе знать и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют себя на две группы. Одни приходят с соблазном. И когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельском виде и прогоняют первых, чтоб прельстился ты мнением, что они настоящие ангелы, и впал в самомнение, что достоин того»².

Очень своеобразны и способы борьбы с демонами, которые предлагают учителя неоиндуизма, например, Свами Шивананда пишет следующее: «Иногда вас будут беспокоить

¹ Св. Григорий Синаит. Добротолюбие.Т.5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 214.

² Преподобный Нил Синайский. Добротолюбие.Т.2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 219.

злые духи с ужасными, свирепыми глазами и длинными зубами. Отгоните их энергичными усилиями воли, приказав убираться вон, и они удалятся». Совет отгонять бесов усилием собственной воли — типичный совет прельщенного человека. Св. Нил Синайский пишет: «Бывает, что иногда демоны, вложив тебе какие-либо помыслы, сами же побуждают молиться против них, воспротиворечить им, — и тотчас отбегают; чтобы ты впал в прелесть, возомнив, что начал уже побеждать помыслы и устрашать демонов». О единственно подлинном способе борьбы с демонами св. Антония Великого пишет: «...молитвами, постами и верою в Господа враги тотчас низлагаются. Впрочем, и будучи низложены, они не успокаиваются, но тотчас опять приступают с коварством и хитростью». Например, дьявол имеет такое своеобразное «духовное утешение» для своих жертв: «...сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего сна (или засыпания)»¹. Причина такого «утешения» проста — «рыбка» не должна сорваться с крючка, прежде чем крючок намертво не застрянет в жертве. Следствием прелести могут быть, как физические и психические заболевания, так и смерть: Вспомним о жалком падении старца Ирона. Он вдался в

¹ Инок Каллист и Игнатий. Добротолюбие.Т.5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. С. 390–391.

крайне строгий пост и глубокое уединение, и чтоб как-нибудь не нарушить их, по внушению врага (дьявола), не стал приходить в обычные собрания пустынников по субботам и воскресениям, где во взаимном собеседовании выяснялись разные пути и распутия жизни строгой. Обольстившись этим, будто добрым советом врага, он поддался ему еще в большем прельщении, — принял его за Ангела, когда он явился ему в сем виде, и согласился, по его слову, броситься в высохший колодец, — расшибся и на третий день скончался. Призыв святых отцов к правильному образу молитвы продиктован стремлением уберечь христиан от прелести, опыт православной молитвы основан на личном духовном опыте отцов Церкви..

Итак, совместимы ли мантра-йога и медитация с православной молитвой? Нет, не совместимы. Святые отцы запрещали любые виды визуализаций во время молитвы, в неоиндуизме визуализация — нормальное явление. В неоиндуизме отсутствует христианское понятие греха, а значит, и покаяния, без чего православная молитва невозможна. Мантры ничего общего не имеют с молитвами, в Православии нет и не может быть молитв, призывающих демонов, молитва должна быть сознательна, человек должен знать содержание своего молитвенного обращения к Богу, в

неоиндуизме это необязательно. Православие призывает к бесстрастию, неоиндуизм — к чувственной экзальтации. Таким образом, вывод может быть только один: путь мантра-йоги и медитации неоиндуизма, с позиции духовного опыта Православной Церкви, есть прямая дорога к общению с бесами, их же цель — прежде всего, духовное убийство.

Чтобы избежать подобной опасности, следует прислушаться к словам святых отцов и не пытаться черпать духовность из ядовитых источников, помня о том, что истинное Боговидение и неложное познание вещей составляет совершенное православное, догматическое учение. Поэтому самый простой способ отделять семена от плевел — следовать православному вероучению, отвергая все противное ему.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

Глава 5

ОБЛИЧЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ИУДЕЕВ В ОЖИДАНИИ МЕССИИ, ЯКОБЫ ЕЩЕ НЕ ПРИШЕДШЕГО

ЛЖЕУЧЕНИЕ ИУДАИЗМА

Новая вера иудеев

Вера, которую исповедуют современные иудеи, является не той, которая была дана израильтянам через Моисея и пророков, и которую исповедовали они до пришествия Мессии, а той, какую они сами измыслили, уклонившись от истинного духа Моисея и Пророков, и которой держатся ныне уже по пришествии обетованного Мессии, ими непризнанного. Первая вера есть истинно богооткровенная и является подготовительной ступенью к хри-

стианству, а ново-иудейская является плодом человеческих измышлений.

Эта новая вера иудеев изложена в двух книгах, почитаемых ими за божественные книги, — в Каббале и Талмуде (Каббала, по понятию иудеев, есть кодекс философско-мистических преданий, служащих дополнением и объяснением Закону, а Талмуд — кодекс преданий по преимуществу исторических, обрядовых и гражданских, служащих таким же дополнением и объяснением). В обеих этих книгах наряду с истинами, заимствованными в Библии, столько странностей, нелепостей, противоречий, что становится невероятным, как могли люди выдумать подобные вещи, и как могут другие признавать столь уродливые понятия за истины священные и неопровержимые, не отказавшись от здравого смысла. Вот только некоторые из них:

- О воскресении мертвых (воскресение мертвых может иметь место только в Палестине: поэтому Господь открывает подле могил евреев, умерших в пленении, длинные пещеры, через которые трупы их и катятся, как бочки, в святую землю, чтобы воспринять здесь душу).
- Основной закон об отношении человека к ближним: «всякое добро, которое закон Моисеев предписывает, и всякое зло, которое он воспрещает делать ближне-

му, брату, товарищу, должно, объясняет Талмуд, понимать только в отношении к иудеям» (Талмуд. Трактат Бава-Меция);

- Взгляд на прочие народы: называя их народами нечистыми и богопротивными, с которыми евреи не только не должны вступать ни в какие родственные связи, Талмуд учит, что еврей может без греха нарушать клятвы, даваемые иноверцу, может обманывать его, притеснять, преследовать и даже умерщвлять за его разноверие, и что вообще все эти иноверные народы, по пришествии Мессии, или истребятся совершенно, или будут порабощены иудеям, так что самые цари иноверные сделаются слугами для последнего из чад Израиля.
- Учение о средствах к оправданию: в Талмуде проповедуется, что как грех первородный, так и вообще все грехи могут быть изглажены и уничтожены через строгое исполнение всех предписаний закона обрядового.

Вследствие этого иудеи исключительно преданы своим обрядам. Но надобно еще прибавить, как мелочен, ничтожен в своих неисчислимых предписаниях и установлениях этот закон!

Например, на основании одной заповеди Божией: «да не сотворишь всякого дела в день

субботний» (Исх. 20, 40), теперь существует 949 раввинских предписаний, из которых одно запрещает еврею даже плевать по воздуху в субботу, потому что действие похоже на веяние неочищенной ржи.

На основании запрещения Божия не есть квасного в Пасху (Исх. 12, 20) измышлено 265 постановлений, из которых одно гласит, что если бы 10000 евреев, в день Пасхи, варили пищу в воде, почерпнутой из одного колодца, в котором вскоре после того найден какой-нибудь ячмень, то все они обязаны приготовить пищу, вместе с посудой, сжечь или бросить в реку. Об этих запрещенных яствах существует более 3000 различных постановлений; об одном обряде умовения рук — до ста, а о солении мяса — до двухсот; есть даже определение касательно способа обрезывания ногтей... На основании заповеди Моисея, запрещающей варить козленка в молоке его матери (Исх. 23, 19; Втор. 14, 21), талмудисты запретили: а) варить в молоке какое бы-то ни было мясо; б) употреблять даже сосуд, в котором изготавливается мясная пища, на изготовление в нем пищи молочной; и в) определили принимать молочную пищу не ранее, как по истечении шести часов после принятия пищи мясной, а мясную после молочной не ранее, как через час. И пусть бы еще исполнение всех таких мелочей отдано было на произвол каждого; напротив, Талмуд

все обряды возводит в догматы, и требует самого строгого исполнения относящихся к ним постановлений и правил.

Справочник «Религии и секты в современной России». Новосибирск, 2006

Основные догматы иудаизма

Главные догматические положения иудаизма выражены в тринадцати пунктах, предложенных авторитетным средневековым раввином Маймонидом (1135–1204) и получивших наибольшее распространение среди иудеев: 1) Бог существует, 2) Он один, 3) Он нематериален, 4) Он вечен, 5) необходимо поклоняться только ему одному, 6) верить в пророчество, 7) в абсолютное верховенство Моисея как пророка, 8) в божественное происхождение Торы, 9) в неизменность Торы, 10) во всеохватывающее божественное провидение, 11) в вознаграждение и кару после смерти, 12) в пришествие Машиаха, 13) в воскресение мертвых.

Очевидно, что эти принципы весьма общие и оставляют большое поле для самого различного наполнения. Так, например, иудеи считают, что сотворенный Богом из ничего мир хоть и реален, но он существует только тогда, когда в него вливается творческая эманация Бога. Таким образом, творение — это не единичный акт, а постоянный процесс. Поэтому в молит-

вах иудеи прославляют Бога как того, кто «по Своей доброте постоянно, каждый день возобновляет сотворение мира».

Многие другие важнейшие положения Библии переосмыслены в Талмуде в совершенно ином освещении. Посмертное наказание понимается ими как процесс очищения. Евреи не верят в ад как в место вечных мучений. В их понимании ад — своего рода прачечная, где души отмываются от грехов, чтобы в конечном итоге удостоиться приближения к Богу.

Иудеи верят в грядущий приход Машиаха, который построит Храм и станет провозвестником новой эры, будет потомком царя Давида, человеком исключительной святости и учености. Ему якобы удастся объединить все человечество на основе особой роли евреев и подчиненного положения прочих народов, установить мир и благоденствие на Земле. Тогда прекратятся войны, религиозные конфликты уступят место единой религии, основанной на так называемых «семи заповедях сынов Ноя».

Одной из особенностей позднего иудаизма является учение об особой роли и избранничестве еврейского народа, его исключительности перед всеми другими. «Евреи приятнее Богу, нежели ангелы», «как человек в мире высоко стоит над животными, так евреи высоко стоят над всеми народами на свете» — такие слова встречаются в религиозных книгах иудеев.

Нужно сказать, что отвергшие Иисуса Христа иудеи неоднократно после этого провозглашали своими мессиями тех, кто таковыми не являлся. Лжемессия Шимон Бар-Кохбе, возглавивший восстание евреев в 132–135 гг., был признан Машиахом раввином Акивой. В XVII веке прославился еще один иудейский лжемессия. Им стал живший в Османской империи Саббатай Цви, который провозгласил себя Мессией. Его собственная община изгнала его после этого, но зато признали и приняли иудеи Иерусалима, а затем и многие другие общины. К нему в Иерусалим стекались евреи со всех концов Европы. Более половины евреев всего мира верили, что он и есть долгожданный Мессия. Это, по их мнению, подтверждалось многочисленными предсказаниями и знаками.

На вершине славы Саббатай Цви отправился в Стамбул, чтобы обратиться к своему веру турецкого султана. Но султан заточил его в тюрьму и предложил выбор: смерть или принятие ислама. К изумлению евреев, он выбрал ислам. Однако и это не отвратило от него некоторых последователей. По их мнению, для спасения мира Мессия должен сойти в самую бездну греха, что и сделал Саббатай Цви, верный своему призванию. Подобный теоретический вывод привел к массовому принятию ислама последователями Саббатая Цви.

Кандидат богословия, диакон Георгий Максимов

Особенности вероучения современных иудеев

Рассмотрим аргументацию и особенности вероучения современных иудеев, не признающих Мессию — Господа Иисуса Христа. С их точки зрения, в древних библейских пророчествах Мессия — это царь и духовный вождь еврейского народа. При жизни и правлении Царя-Мессии совершится освобождение и возрождение всего мира. Пророкам это представлялось происходящим в объективной реальности, явным и несомненным для всех людей. Прежде всего, во времена Мессии прекратятся войны, настанет всеобщий мир и благоденствие, и все люди, наслаждаясь покоем и гармонией, смогут посвятить себя познанию Бога и духовному совершенствованию. По мнению современных иудеев мир, всеобщее братство людей и прекращение насилия — самые главные приметы наступления мессианских времен. Это общая и характерная черта мировосприятия иудаизма, для которого истинная духовность всегда реализует себя в материальном: для того и создан человек, чтобы одухотворить и освятить, возделывать окружающий мир — и себя вместе с ним.

Иудеи обвиняют христиан в том, что они «подогнали» пророчества и конкретные факты жизни Иисуса Христа, а не применяют к его деятельности определения и критерии, переданные нам пророками. Христиане, якобы, отказа-

лись поверить в смерть Иисуса Христа, стали пытаться по-новому истолковать библейские пророчества, допустили мысль о том, что Мессия может погибнуть, не принеся ожидавшегося избавления. Древних христиан обвинили в фальсификации еврейского текста Библии с помощью тенденциозных переводов.

Иудеи причисляют христиан к идолопоклонникам на том основании, что для христиан Иисус Христос есть Богочеловек, они игнорируют факт Воскресения Господа Иисуса Христа, относят христианство к религиям, в которых люди поклоняются образам, «воплощающим Всевышнего», а христиан — к идолопоклонникам.

Иудеи утверждают, что для Всевышнего поступки людей важнее, чем их вера. Современный иудаизм зиждется на том, что именно дела, а не вера сама по себе, является, в конце концов, главным критерием, по которому оценивается человек. Согласно учению иудеев, пути раскаяния целиком зависят от самого человека и приводят к полному искуплению грехов, приводят к святости, помощи Бога на этих путях как бы нет. Они в принципе не понимают, что такое Таинства, что такое жизнь в Боге.

Однако Господь Иисус Христос ничего не отбросил из ветхозаветного вероучения и о вере, и о делах: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю

вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5, 17–18.).

Современный иудаизм — это преимущественно учение о том, как следует жить (а не только о том, как следует верить), и поэтому ни одна сфера жизни религиозного еврея не остается вне ведения религии. В этом учении существуют четкие предписания о том, в каких рамках разрешается торговать и в каких воевать, на каких принципах следует строить экономику и т.п. С еврейской точки зрения, любая сторона человеческой жизни религиозно значима — и поэтому сотни страниц Талмуда посвящены тому, какие правила следует соблюдать при обработке земли, сборе урожая, постройке домов и ведении торговли, как давать в долг, как отправлять естественные потребности и т. п. Современный иудаизм — это цельная религиозно-социальная система, согласно которой должна строиться жизнь человека, народа, государства. Прежде всего, — еврея. Эта нынешняя вера направлена на земные дела.

Рационализация, рассудочность, приземленность, политизация, обрядовая мелочность и национальное высокомерие иудаизма привели его последователей к отрыву от Бога. Разум иудея не может принять саму мысль о том, что Всевышний, Создатель небес и земли прожил обычную человеческую жизнь, унизил Себя до

смерти, был распят и воскрес, вознесся на небо. Да, ветхозаветное иудейство было необходимо для подготовки прихода Спасителя в мир язычников. «Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4, 22–23.). Однако национальная гордость иудея не может стерпеть то, что все народы на равных ныне могут найти спасение в Православии, причем уже без нынешнего иудаизма.

«Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог из-

брал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 19–29.).

Грех богоизбранных иудеев, отвергнувших посланного Богом и пришедшего к ним Мессию, не менее тяжек, чем у Адама и Евы, а потому и последствия также грандиозны. «А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел благодетельствовать его. Итак скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима: так говорит Господь: вот, Я готовлю вам зло и замышляю против вас; итак обратитесь каждый от злого пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши. Но они говорят: не надейся; мы будем жить по своим помыслам и будем поступать каждый по упорству злого своего сердца. Посему так говорит Господь: спросите между народами, слышал ли кто подобное сему? крайне гнусные дела совершила дева Израилева. Оставляет ли снег Ливанский скалу горы? и иссякают ли из других мест текущие холодные воды? А народ Мой оставил Меня; они кадят суетным, споткнулись на путях своих, оставили пути древние, чтобы ходить по стезям пути непроложенного, чтобы сделать

землю свою ужасом, всегдашним посмеянием, так что каждый, проходящий по ней, изумится и покачает головою своею. Как восточным ветром развею их пред лицом врага; спиною, а не лицом обращусь к ним в день бедствия их» (Иер. 18, 9–17). По вине отступников иудеев земля осталась лежать во зле. Всеобщий мир и благоденствие в этом мире не наступили. Но спасение всем желающим через Иисуса Христа в Духе Святом предоставляется уже здесь через основанную Им единственную Вселенскую Православную Церковь.

Иерей Андрей (Хвыля-Олинтер), к.ю.н.,
проректор по научной работе Белгородской
Православной Духовной семинарии

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ОБ ИУДАИЗМЕ

Святые отцы Церкви так говорят о богоотверженности новоиудаизма.

Свт. Ипполит Римский: «Всем они (иудеи) преткнулись, оказавшись ни в чем не согласными с истиною: ни в отношении к закону, так как сделались его преступниками, ни в отношении к пророкам, потому что умертвили и самих пророков, ни в отношении к гласу евангельскому, потому что распяли Самого Спасителя; не поверили и апостолам, потому что и их гнали, всюду сделались злоумышлен-

никами и предателями истины, оказались богоненавистники, а не боголюбцы».

Свт. Иоанн Златоуст: «Не удивляйтесь, что иудеев я назвал жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намеренно отринувшие и бросившие столько благ, с неба пришедших в их руки. Воссияло им утреннее Солнце правды: они отвергли свет Его, и сидят во тьме, а мы, жившие во тьме, привлекли к себе свет и избавились от мрака заблуждения. Они были ветвями святого корня, но отломились: мы не принадлежали к корню, и принесли плод благочестия. Они с малолетства читали пророков, и распяли Того, о Ком возвещали пророки: мы не слышали божественных глаголов, и Тому, о Ком предсказано в них, воздали поклонение. Вот почему жалки они; ибо тогда как другие восхищали и усвоили себе блага, им (иудеям) ниспосланные, сами они отвергли их. Они, призванные к усыновлению, ниспали до сродства с псами, а мы, будучи раньше псами, возмogli, по благодати Божией, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сынов (Божиих)».

Из чего это видно? «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15, 26), — так сказал Христос хананейской жене, называя чадами иудеев, а псами язычников. Но смотри, как после изменился порядок: те (иудеи) сделались псами, а мы чадами. «Берегитесь псов, — говорит о них Павел, — берегитесь злых делателей,

берегитесь обрезания, потому что обрезание — мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся» (Флп. 3, 2–3). Видишь, как бывшие прежде чадами сделались псами? Хочешь узнать, как и мы, бывшие прежде псами, сделались чадами? «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, — говорит евангелист, — дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Нет ничего жальче иудеев: они всегда идут против собственного спасения. Когда надлежало соблюдать закон, они попрали его; а теперь, когда закон перестал действовать, они упорствуют в том, чтобы соблюдать его. Что может быть жальче тех людей, которые раздражают Бога не только преступлением закона, но и соблюдением его? Поэтому, говорит св. Стефан: «Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы» (Деян. 7, 51), не только нарушением закона, но и неблагоприятным желанием соблюдать его.

О синагоге: «Они, собрав толпы изнеженных людей и скопище распутных женщин, весь этот театр и актеров увлекают в синагогу; ибо между театром и синагогою нет никакого различия. Знаю, что некоторые сочтут меня дерзким за то, что я сказал: «Нет никакого различия между театром и синагогою; а я считаю их дерзкими, если они думают иначе». Сказано: «Я оставил

дом Мой; покинул удел Мой; самое любезное для души Моей отдал в руки врагов его» (Иер. 12, 7); а когда Бог оставит, то какая уже надежда на спасение? Когда оставит Бог, тогда место то делается жилищем демонов» (Свт. Иоанн Златоуст: Пять слов против иудеев).

Святитель Иоанн пишет далее, что посещение синагоги христианином более оскверняет его, чем посещение языческого капища: «Место, где собираются христубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа, где еще находятся и самые демоны, — такое место не более ли пагубно? Ибо там (в языческом капище) нечестие явно и очевидно, и не так легко привлечет или обольстит человека умного и здравомыслящего; но здесь (в синагоге иудеи), говорящие о себе, что поклоняются Богу, отвращаются идолов, имеют и почитают пророков, этими словами устраивают только большую приманку и ввергают в свои сети людей простых и неразумных, по их неосторожности. Значит, нечестие как у иудеев, так и у язычников, одинаково; но обольщение у первых действует гораздо сильнее, потому что у них не виден ложный жертвенник, на котором они закаляют не овец и тельцов, а человеческие души.

О поклонении иудеев Богу свт. Иоанн Златоуст говорит так: «Конечно (иудеи) скажут, что и они поклоняются Богу. Но этого сказать

нельзя; никто из иудеев не поклоняется Богу. Кто говорит это? Сын Божий. «Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, — говорит Он, — то знали бы и Отца Моего» (Ин. 8, 19). Какое еще можно привести мне свидетельство достовернее этого? Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов? Там не поклоняются Богу, нет; там место идолослужения» (Свт. Иоанн Златоуст. Пять слов против иудеев).

О почитании Моисея и ветхозаветных праведников

«Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так ужели их руки стали святы от того, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали незаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, ужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если незаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это

именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам и к истине» (Свт. Иоанн Златоуст. Пять слов против иудеев).

Об иудейских праздниках

«Но праздники их, скажете, имеют в себе что-то важное и великое! И их сделали они нечистыми. Послушай пророков, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращение показывает Он к ним: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших» (Ам. 5, 21). Бог ненавидит их. Не сказано, (что ненавидит) такой-то и такой-то праздник, но вообще все...» Говоря об иудейской пасхе, св. Иоанн указывает, что согласно закону она должна обязательно производиться в Иерусалиме, а так как новоиудеи производят ее на всяком месте, кроме Иерусалима, соответственно, она и не может считаться исполнением Ветхого Закона. Святитель говорит, что физическая невозможность совершать жертвы по Моисееву закону является ясней-

шим указанием Божиим, что соблюдение Ветхого Завета после заключения Нового уже не угодно Ему: «Как врач отводит больного от его неразумного требования, разбивая сосуд; так и Бог отклонил (иудеев) от жертв, разрушив самый город и сделав его для всех недоступным» (Свт. Иоанн Златоуст. Пять слов против иудеев).

Прп. Никита Стифат: «Бог возненавидел и отверг и служение иудеев и субботы их и праздники» (Слово к иудеям).

Св. Иустин Философ в разговоре с Трифоном упоминает о действии Духа Святого в истории Израиля: «Дух, действовавший в пророках, помазывал и поставлял вам царей» (Триф. 52). Говоря о действии Духа Святого в ветхозаветные времена, св. Иустин утверждает, что силы Святого Духа перестали действовать у иудеев с приходом Христа (Триф. 87). Он указывает, что после пришествия Христа больше не было у них ни одного пророка. Вместе с тем св. Иустин подчеркивает продолжение ветхозаветных действий Святого Духа в новозаветной Церкви: «К нам перешло то, что прежде существовало в вашем народе» (Триф. 82); так что «можно видеть среди нас и женщин и мужчин, имеющих дары от Духа Божия» (Триф. 88); «этому научил нас Святой Дух пророчественный» (Флавий Иустин (Иустин Мученик). Апология

1, 44.). И вообще христианство «это учение, которое исполнено Св. Духа и изобилует силою и благодатью» (Триф. 8). Синагога и Церковь — это «два дома Иакова — один рожденный от крови и плоти, другой — от веры и Духа» (Триф. 135).

Иудеи и конец мира

Согласно святым отцам, иудеям отведена одна из ключевых ролей во времена последнего отступничества и пришествия антихриста.

Прп. Иоанн Дамаскин: «Иудеи не приняли Господа Иисуса Христа, истинного Сына Божия и Бога, а примут обманщика, который сам себя назовет богом».

Свт. Ипполит Римский: «Итак, когда Христа провозгласило писание львом и скимном львовым, то подобное сказано и об антихристе. Моисей говорит так: «О Дане сказал: Дан молодой лев, который выбегает из Васана» (Втор. 33, 22). Но дабы кто не погрешил, думая, что это слово сказано о Спасителе, пусть обратит на него внимание. Дан, говорит, скимен львов; назвав колена Даново, объявляет, что из него имеет родиться антихрист. Ибо как от колена Иудова рождается Христос, так от колена Данова родится антихрист. А что это так, Иаков говорит: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49, 17).

Какой же это змий, как не антихрист, обольститель, о котором говорится в книге Бытия (3, 1), обольстивший Еву и запнувший Адама?» «Он призовет к себе весь народ иудейский от всех стран, в которых он рассеян, усвоив их себе как собственных чад, обещая им возвратить их землю и восстановить их царство и народ, дабы они поклонились ему как богу; как говорит пророк: „Соберет все царство свое от востока солнца до запада; те, коих звал и коих не звал, пойдут с ним“».

Свт. Кирилл Иерусалимский говорит, что антихрист «ложно наименоует себя Христом и сим наименованием обольстит иудеев, ожидающих мессию, а тех, которые из язычников, привлечет волшебными мечтами». «Антихрист придет к иудеям, как Христос, и от иудеев восхощет поклонения, то, чтобы более обольстить их, покажет великое усердие ко храму, внушая о себе ту мысль, что он от роду Давидова, и что ему должно создать храм, сооруженный Соломоном. Придет же он, когда в Иудейском храме не останется камня на камне, по определению Спасителя (Мф. 24, 2)».

Прп. Ефрем Сирин: «Всего более воздадут честь и обрадуются царствованию его народубийцы — иудеи. Посему и он как бы из предпочтения, помышляя о них, укажет всем им место и храм».

Отношения православного христианина с иудеями

Следующие канонические постановления определяют отношения православного христианина с иудеями:

7 Апостольское правило: «Если епископ, или пресвитер, или диакон, святой день Пасхи прежде весенняго равноденствия с иудеями праздновати будет — да будет извержен от священнаго чина».

65 Апостольское правило: «Если кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолиться — да будет и от чина священнаго извержен и отлучен от общения церковнаго».

70 Апостольское правило: «Если кто, епископ или пресвитер, или диакон, или вообще из списка клира, постится с иудеями, или празднует с ними, или приемлет от них дары праздников их, как-то: опресноки или нечто подобное, — да будет извержен. Если же мирянин — да будет отлучен».

11 Правило VI Вселенского Собора: «Никто из принадлежащих к священному чину или из мирян отнюдь не должен есть опресноки, даваемые иудеями, ни вступати в содружество с ними, ни в болезнях призывати их и врачевства принимати от них, ни в банях купно с ними мытися. Если же кто дерзнет сие творити — то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен».

8-е правило VII Вселенского Собора гласит о том, что иудеев следует принимать в Церковь только если обращение их будет от чистого сердца и засвидетельствовано торжественным отречением от ложных учений и обрядов новоиудейства. Поэтому, приходящий из иудаизма к православию человек обязан перед крещением пройти специальный чин отречения.

В истории Церкви было немало случаев искреннего обращения из позднего иудаизма в Православие, в частности, такие святые отцы как святитель Епифаний Кипрский (IV в.) и преподобный Константин Синадский (IX в.), который после обращения проповедовал своим соплеменникам и пережил от них не одно покушение.

В XVIII веке на горе Афон подвизался покающийся раввин, принявший крещение и постриг с именем Неофит, написавший полемическое сочинение против иудаизма. В России во второй половине XIX века А. Алексеев, сам обращенный в православие иудей, отличился миссионерскими трудами среди иудеев, опубликовал несколько полемических сочинений, укреплял других евреев, перешедших в Православие.

Составил диакон Георгий Максимов

«ДЕМОНЫ ЖИВУТ В ДУШАХ ИХ»

У святителя Игнатия (Брянчанинова) есть замечательная глава «Об истинном и ложном смиренномудрии», где он, в частности, говорит: «Смирение надеется на Бога — не на себя, не на человеков. И потому оно в поведении своем просто, прямо, твердо. (...) Слепотствующие сыны мира называют это гордостью. Смирение не дает никакой цены земным благам. В очах его велик Бог, велико Евангелие». На эти слова нам сегодня нужно обратить особое внимание, потому что с каждым днем наши враги — плоть, мир и диавол — будут требовать от нас все больше и больше именно такого ложного смирения: чтобы мы «смиряться» и повиновались, исполняя «постановления» и «вымыслы человеческие», а не законы Божии. И в награду за такое «смирение» мы будем получать доступ к земным благам.

«И демоны имеют свое смирение. Такого смирения требовал от Богочеловека сатана, обещая вознаградить за это смирение обильным излиянием земных почестей и благ. Возвел диавол Господа «на высокую гору, показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое» (Лк. 4, 5–7).

Точно так мучители упрекали святых мучеников в гордости, требовали от них смирения, заключавшегося в согласии на поклонение идолам и в отречении от Христа, обещали за такое смирение вознаградить обилием земных благ. Точно такого же смирения требует мир, действующий по началам и в духе миродержца: это смирение он любит, прославляет, осыпает своими суетными наградами. Мир ненавидит смирение Христово, а святые Божии столько ненавидели смирение бесовское, что подчинялись всем неудобствам и лишениям, всем бедствиям, лишь бы не подчиниться этому смирению, они предпочитали смерть насильственную и поносную нежели согласиться на бесовское смирение. В этом смирении — отречение от Бога. Смирение, проповедуемое плотским мудрованием, лицемерством, пустосвятством, есть смирение бесовское» (свт. Игнатий Брянчанинов. Отчник. «Повести из жития старцев, преимущественно египетских», п. 126).

«Хороший пастух, не только отгоняет волков (от своего стада), но и со всей заботливостью лечит заболевших овец: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избегают псти зверей, зато истребляются болезнью?» (свт. Иоанн Златоуст, т.1. Против иудеев. Слово 3).

«Пастухи, пока не беспокоит их никакой зверь, расположившись под дубом или сосной,

играют на свирели, оставляя овец пастись на всей воле; а как заметят приближение волков, бросив свирель, берут в руки пращу, и, оставив рожок, вооружаются палками и камнями, и, став впереди стада и подняв большой и сильный крик, часто одним этим криком, не делая еще нападения на зверя, прогоняют его. Так и мы, в предшествующие дни услаждаясь, как бы на лугу каком изъяснением Писания, не употребляли ни одного спорного слова, потому что никто не беспокоил нас; а как сегодня, свирелейшие всех волков, иудеи хотят окружить наших овец, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у нас зверями» (свт. Иоанн Златоуст. Т.1. Против иудеев. Слово 4).

«Итак подумайте, с кем имеют общение посящися теперь? С теми, которые кричали: «Распни, распни Его!» (Лк. 23, 21); с теми, которые говорили: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27, 25). Осмелился ли бы ты подойти к осужденным за покушение на верховную власть и говорить с ними? Не думаю. Как же странно, — с таким старанием избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение, и поклонникам Распятого праздновать вместе с распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А как некоторые считают синагогу местом досточтимым; то необходимо сказать несколько и против них. Почему вы уважаете это место, тогда как его надлежит пре-

зирать, гнушаться и убегать? В нем, скажете, лежит закон и пророческие книги. Что же из этого? Неужели, где будут эти книги, то место и будет свято? Вовсе нет. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имея пророков, (иудеи) не веруют пророкам, читая Писание, не принимают свидетельств его; а это свойственно людям, в высшей степени злобным. Скажи мне: если бы ты увидел, что какого-нибудь почтенного, знаменитого и славного человека завели в корчемницу, или в притон разбойников, и стали бы его там поносить, бить и крайне оскорблять, неужели бы ты стал уважать эту корчемницу или вертеп потому, что там оскорбляем был этот славный и великий муж? Не думаю: напротив, по этому-то самому ты почувствовал бы особенную ненависть и отвращение (к этим местам). Так рассуждай и о синагоге. Иудеи ввели туда с собою пророков и Моисея не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и бесчестить их. Ибо, когда они говорят, будто (пророки и Моисей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествии, то какое же еще может быть большее оскорбление для этих святых, как не обвинение их в том, будто они не знают своего Владыку и участвуют в нечестии иудеев? Значит, поэтому-то больше и следует ненавидеть их, вместе с синагогою, что они оскорбляют святых тех. Но что говорить о книгах и местах?

Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так неужели их руки стали святы оттого, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали незаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, неужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если незаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам и к истине. Следовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имея пророков, пользуются ими с враждебным настроением...

Но пора уже показать, что там, в (синагоге), живут и демоны, и не только в этом месте, но и в самых душах иудеев. «Когда нечистый дух, — сказал (Иисус Христос), — выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя,

и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел. И, придя, находит его незапятнанным, выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Лк. 11, 24; Мф. 12, 43–45). Видишь, что демоны живут в душах их, и нынешние — еще лютее прежних. И очень справедливо: потому что иудеи тогда оскорбляли пророков, а теперь ругаются над самим Владыкою пророков» (свт. Иоанн Златоуст, т. 1, «Против иудеев», Слово 1).

ПРОСТОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ РАССУЖДЕНИЕ С ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ТОГО, ЧТО ИИСУС ХРИСТОС ЕСТЬ БОГ

О том, что Иисус Христос есть Бог, свидетельствует быстрое распространение Евангелия, обращение в христианство римлян и варваров, совершенное в непродолжительное время лицами, всеми презренными, без всякой посторонней помощи. Такое дело не могло быть делом рук человеческих.

Все главные тайны и события христианства предсказаны были Ветхозаветными пророками. О том, что Христос будет Богом и че-

ловеком, предсказывал пророк Варух [еще в VII веке до Р.Х.], что Христос родится от девы — пророк Исаия [в VIII веке до Р.Х.], что родится в Вифлееме — пророк Михей [в VIII веке до Р.Х.], что будет исцелять всякие болезни — также Исаия. Неблагодарность иудеев предсказана пророками Давидом и Исаией. Проповедь апостолов — Давидом и Иоанном. Об отвержении иудеев предсказывали Малахия, Исаия, Моисей. Страшный суд предвозвещен Малахией, Давидом, Варухом, Исаией.

Если неверующий спросит, откуда видно, что Христос есть Бог, то я для доказательства не укажу на небо или на что-то другое подобное. Если я скажу ему, что он сотворил небо, землю и море, он не примет этого; если скажу, что Он воскрешал мертвых, исцелял слепых и изгонял демонов, и этого он не примет; если скажу, что Он обетовал царство и неизреченные блага, если буду говорить о воскресении, он не только не примет, но еще будет смеяться.

Чем же мы будем убеждать его, особенно если он простолюдин? Ничем иным, как тем, что одинаково и бесприкословно признается и мною и им, и в чем он не может сомневаться. Что же это такое, что и неверующий признает делом Христа и чему он никогда не станет противоречить? Это христианство. Ведь и язычник не будет противоречить тому, что Христос основал Церковь во всей вселенной. Отсюда мы и за-

имствуем доказательство Его силы и покажем, что Он есть Бог, и скажем, что для простого человека невозможно в краткое время обойти столь обширную вселенную, и землю и море, и привлечь к христианству столько людей, и притом занятых дурными обычаями, или, лучше сказать, преданных порокам. Однако Христос успел освободить род человеческий от всего этого, не только римлян, но и персов и вообще племена варварские. Он совершил это, не употребляя оружия, не тратя денег, не предводительствуя войском, без войн, но в начале через одиннадцать человек, незнатных, униженных, неученых, простых, бедных, полубнаженных, безоружных, не имевших ни обуви, ни двух одежд. Что я говорю, совершил! Он успел расположить столь многие поколения людей рассуждать не только о настоящем, но и о будущем, отвергнуть отеческие законы, истребить древние обычаи, укоренившиеся в течение долгого времени, и принять другие, оставить легкие дела и предаться Его нелегким требованиям, и притом Он совершил это несмотря на то, что все противодействовали Ему и смеялись над Ним, как претерпевшим на кресте позорную смерть. И язычники, конечно, не станут противоречить тому, что Христос был распят иудеями и претерпел от них бесчисленные мучения, и что проповедь Евангельская со дня на день возрастает. Среди язычников было

много мучеников, и те, которые были свирепее самых волков, по принятии проповеди христианства стали смиреннее овец и уже рассуждают о бессмертии, о воскресении и неизреченных благах.

Пророчества об Иисусе Христе Ветхого Завета

Притом такие благодетельные действия появились не только в городах, но и в пустыне, и в деревнях, и в селах, и на островах, и в корабельных пристанях; и не только простолюдины и их начальники, но и сами облеченные диадемами с полною верою покорились Распятому. А то, что все это произошло не случайно, но еще задолго до исполнения было предсказано, я постараюсь доказать в настоящем рассуждении; или лучше, чтобы слова мои не подверглись подозрению, нужно раскрыть книги распявших Его иудеев и заключающиеся в этих Писаниях, еще и ныне хранимых ими, свидетельства о Нем изложить пред глазами неверующих.

Так, Иеремия [еще в VII веке до Р.Х.] первый возвещает, что Бог соделается человеком, не переставая быть Богом: «сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3, 36–38). Видишь ли, как

ясно он изобразил в немногих словах все, и то, что Бог, не переставая быть Богом, соделался человеком, и обращался с людьми, и что Он же сам основал и Ветхий Завет? «Нашел, — говорит пророк, — все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю». Этими словами он показывает, что Господь и до явления Своего во плоти, Сам управлял всем, Сам совершал все: давал законы, промышлял, сохранял, благодетельствовал. А другой пророк, послушай, как говорит, что Господь не только соделается человеком, но и родится от Девы: «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (Ис. 7, 14). Потом, дабы показать, что Господь не видимым образом только, а поистине будет человеком, он присовокупляет: «Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот Младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее» (Ис. 7, 15–16).

То, что Господь не только соделается человеком и родится от Девы, но и произойдет из дома Давидова, о том, послушай, как задолго предсказывает Исаия, хотя не прямо, а в переносном смысле: «и произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня

его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится» (Ис. 11, 1–3). Иессей был отец Давида. Отсюда видно, что Господь произошел из этого колена, и не только из этого колена, но из дома Иессеева как и предсказал пророк в словах: «произойдет отрасль от корня Иессеева», разумея не просто жезл, но Христа и Его царство. А что он сказал это не о жезле, он сам объяснил в последующих словах; ибо сказав: «произойдет отрасль», он присовокупил: «и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума». Никто, даже весьма неразумный, не скажет, что благодать Духа снизошла на дерево, но очевидно, что она вселилась в тот пречистый Храм. Почему пророк не сказал: придет, но говорит: «почиет»? Потому, что Дух, сойдя на Христа, остался в Нем и не отступил от Него, о чем ясно сказал евангелист Иоанн: «я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (Ин. 1, 32).

Евангелисты не умолчали и о том, какое настроение обнаружили иудеи при самом Его рождении. Матфей говорит: «услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним» (Мф. 2, 3). А Исаия, послушай, как за восемь веков до рождения Иисуса предсказывал и об этом: «будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам — Сын дан

нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9, 5–6). То, что этого нельзя сказать о простом человеке, очевидно и для людей, весьма склонных к словопрениям; ибо искони никто из людей не назывался Богом крепким и князем такого мира, о каком говорит пророк: «умножению владычества Его и мира нет предела». (Ис. 9, 7). Опыт действительно показал, что мир Христов распространился по всей земле, по всему морю, по всей вселенной, обитаемой и необитаемой, по горам, и пещерам, и холмам, с того дня, в который Он, пред вознесением Своим, сказал ученикам: «мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). Почему же так сказал Христос? Потому что мир человеческий легко бывает нарушаем и подвержен многим изменениям; а Его мир тверд, непоколебим, крепок, постоянен, бессмертен, бесконечен, хотя против него повсюду воздвигаются бесчисленные гонения и ежедневно строится множество козней...

Предсказание о том, как придет Спаситель

Пророки предсказали не только то, что Господь станет человеком, но и сам образ Его пришествия. Он пришел, не посылая грома и молнии свыше, не колебля землю, не потря-

сая неба, и не производя какие-либо страшные явления, но родившись без шума и в неизвестности, в доме плотника, бедном и незнатном; о чем, послушай, как не умолчал Давид: «Сойдет, — говорит он, — как дождь на скошенный луг» (Пс. 71, 6), выражая этими словами тишину, спокойствие. И не только об этом, но и о том, как милостиво и кротко Он будет обращаться со всеми, посмотри, как ясно говорит другой пророк. Подвергаясь оскорблению, оплеванию, злословию, бесчестию, бичеванию и, наконец, крестной смерти, Христос не мстил делавшим это, но великодушно и кротко переносил все: поношения, козни, бешенство и безумную ярость народа и другие нападения. Все это пророк выразил словами: «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине, не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова» (Ис. 42, 3—4). А другой пророк за восемь веков до рождения Иисуса Христа обозначил и место, где Господь должен родиться: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5, 2). Он указывает и на Божество и на человечество Христа; ибо словами: «происхождение из начала, от дней вечных», изображает предвечное

существование Господа; а словами: «произойдет Вождь, Который должен быть Владыкою в Израиле», — рождение Его по плоти. Заметь здесь еще другое ясное предсказание. Пророк сказал не только то, что Господь родится, но что и место Его рождения, прежде незнатное и маловажное, сделается славным: «мал ли ты между тысячами Иудиными». Действительно, вся вселенная теперь стекается в Вифлеем, чтобы видеть место, где родившийся Господь был положен, и стекается не для чего другого, а только для этого.

Другой пророк предсказал и время, в которое Господь явится: «Не отойдет, — сказал он, — скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примириитель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое; блестящи очи [его] от вина, и белы зубы от молока» (Быт. 49, 10–12). Заметь соответствие этого предсказания с самым событием. Господь действительно пришел тогда, когда иудейские правители уже потеряли самовластие и были подчинены скипетру римскому; так исполнились слова пророчества: «не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примириитель», сказанные о Христе. В одно время с рождением Его сделана

и первая перепись народа, когда римляне стали господствовать над иудеями и подчинили их игу своей власти. Еще и нечто другое означает словами: «и Ему покорность народов» — то, что Господь, придя, привлек к Себе все народы.

Ирод, преследуя родившегося Иисуса, повелел умерщвлять бывших в том месте младенцев. И об этом не умолчали пророки, но долго предсказали так: «голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Иер. 31, 15; Мф. 2, 18). Также и о возвращении Его из Египта ими было предсказано в словах: «из Египта воззвал Я Сына Моего» (Ос. 11, 1).

Предсказано было и то, что Христос вскоре по явлении Своем в открытых местах будет совершать знамения и учить. Послушай, что говорит Исаия: «земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Ис. 9, 1–2; Мф. 4, 15–16); этим он указывает на явление и учение Господа в тех местах, и на исповедание, произведенное в людях чудесами Его. Далее изображает пророк и другие чудеса и говорит, как Он будет исцелять хромых, врачевать слепых, делать говорящими немых: «тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда

хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь» (Ис. 35, 5–6).

Таких чудес никогда не было до пришествия Христова. О некоторых знамениях в частности пророки также предсказали. Например, когда Иисус входил в храм, дети, еще молоком питавшиеся и неумевшие членораздельно говорить, воспели Ему священные песни, восклицая: «осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне» (Мф. 21, 9). А пророк Давид задолго (еще в IX веке до Р.Х.) предсказал это в словах: «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. 8, 3). Видишь ли, как дети невинные и не имеющие членораздельного голоса, вопреки своей природе, прославляют Создателя и возглашают апостольское благовестие?

Часто, беседуя с иудеями, по причине жестокосердия их Господь о многом говорил прикровенно, в загадочных выражениях и притчах, о чем также задолго было предсказано пророком Давидом: «открою уста мои в притчах, произнесу гадания из древности» (Пс. 77, 2). И премудрость бесед Его задолго предвозвестил пророк в словах: «благодать излилась из уст Твоих» (Пс. 44, 3).

О том же предсказал и другой пророк так: «се уразумеет Отрок Мой, и вознесется и прославится зело» (Ис. 52, 13). Тот же пророк,

кратко повествуя о благодеяниях пришествия Его, соединенных со знаменами, говорил так: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы» (Ис. 61, 1). И то было предсказано, что после столь многих благодеяний Его люди будут отвращаться от Него тщетно и напрасно, не имея повода ни в чем обвинять Его, ни в малом, ни в великом. Послушай, как Давид предвозвестил об этом: «с ненавидящими мир, — говорит он, — Я мирен: но только заговорю, они — к войне» (Пс. 119, 6–7).

О том, что Господь, восседая на осленке, войдет в город, и это задолго (за 5 веков до Р. Х.) предсказал Захария в таких словах: «ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» (Зах. 9, 9).

Христос изгнал из храма торговавших голубями и менявших деньги (Мф. 21, 12; Ин. 2, 15). Это сделал Он, ревнуя о доме Божиим и вместе желая показать, что Он не противится Богу, но согласен с Отцом; поэтому и наказывал за дом Его, в котором производилась торговля. И это не оставлено без указания, но предсказал об этом пророк Давид, предвозвестив и намерение, с каким Христос совершал это наказание:

«ревность по доме Твоем, — говорит он, — снедает Меня» (Пс. 68, 10). Что может быть яснее этого?

Христу предстояло быть преданным, и это предательство совершит тот, кто разделял с Ним трапезу. Посмотри, как и это предсказал тот же пророк в словах: «человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту» (Пс. 40, 10). Заметь, как согласно с ним в Новом Завете повествует уже евангелист Матфей: «опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (Мф. 26, 23). Предатель не просто предал Господа, но продал драгоценную кровь Его и получил за нее деньги. И об этом не умолчал пророк, но указал и на бесстыдные условия и совещания врагов Христовых. «Боже хвалы моей! — говорит он, — не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные» (Пс. 108, 1).

Тот же предатель, познав потом вину свою, бросил сребренники, прекратил жизнь свою, повесившись на дереве, оставив жену свою вдовою, детей — сиротами и дом опустевшим. Посмотри, как описывает пророк и это печальное событие: «дети его да будут сиротами, и жена его — вдовою» (Пс. 108, 9–10). Место предателя занял Матфей; и это предсказал тот же пророк в словах: «достоинство его да возьмет другой» (Пс. 108, 8). После того, как

Христос был предан и добровольно отдал Себя в руки врагов, составилось из иудеев и язычников судилище, исполненное великого беззакония. Посмотри, как и это предвозвещает пророк: «Зачем, — говорит он, — мятутся народы, и племена замышляют тщетное?» (Пс. 2, 1)? И не только это предвозвестили пророки, но Исаия ясно сказал и о молчании Господа, которое Он хранил, когда окружавшие Его много говорили и обвиняли Его: «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53, 7). Потом, показывая несправедливость приговора, он присовокупляет: «во смирении Его суд Его» (Ис. 53, 8), то есть, никто не судил о Нем справедливо; а далее объясняет и причину смерти Христовой. Он, как непорочный и невинный, не за Свои грехи страдал, но предан был за грехи вселенной; на то и другое, посмотри, как указал пророк: «не сделал греха, и не было лжи в устах Его» (Ис. 53, 9). Этими словами он объяснил, почему и Христос был предан. Следует и другая причина: «за преступления народа Моего претерпел казнь» (Ис. 53, 8). Желая показать не только причину, но и плоды крестной смерти Его, посмотри, как предвозвещает о том пророк: «все мы, — говорит, — блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 5–6).

Пророк Давид предрекает наказание, которому подвергнутся иудеи за эти беззакония в следующих словах: «Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их», добавляя: «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение» (Пс. 2, 3–5), подразумевая рассеяние иудеев по всей вселенной, о чем и сам Христос в Евангелии предсказал в следующих словах: «врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною» (Лк. 19, 27).

Кроме того, сказав о смерти Господа, пророки не умолчали и о самом способе смерти, но и его изъяснил Давид так: «пронзили руки Мои и ноги Мои, можно было бы перечесть все кости Мои» (Пс. 21, 17–18). Не умолчал он и о беззаконии, совершенном после крестной смерти Христовой, сказав: «делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21, 19). Далее, он сказал и о погребении Господа в словах: «Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну» (Пс. 87, 7). Посмотри, как он же предсказал и о том, что Христос воскреснет: «Ты не оставишь, — говорит, — души Моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс. 15, 10). И пророк Исаия о том же, только другими словами, предсказывает так: «Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его му-

чению; когда же душа Его принесет жертву умилоствления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет» (Ис. 53, 10–12). Не умолчал он и о том, что Господь совершит это Своею смертью: «за то, — говорит, — что предал душу Свою на смерть» (Ис. 53, 12); предсказал и то, что Христос получит власть над вселенною: «Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу» (ст. 12). А то, что Господь по воскресении Своем не сопричтется ни к Ангелам, ни к Архангелам, ни к другой какой служебной силе, но возседет на царском престоле, о том, послушай, как опять говорит Давид: «сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс. 109, 1).

Об отмене жертвенного богослужения

Об отмене пришедшим Христом жертвенного богослужения и о введении вместо него нашего богослужения, послушай, как предсказано: «Жертвы и приношения Ты не восхотел; уготовал же мне тело; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал» (Пс. 39, 7); на то же указывает пророк и в другом месте: «народ, которого я не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне» (Пс. 17, 44–45), т. е. не созерцая

море расступившееся и камни раздавленные, но выслушав моих апостолов. Сказав: «уготовал же мне тело», пророк еще присовокупляет: «тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне» (Пс. 39, 8). Здесь указывается на два обстоятельства: на то, что Господь придет, и на то, что Он придет тогда, когда будут отменены жертвоприношения; это произошло тогда, как власть над иудеями перешла к римлянам. О пришествии Господа мы находим предсказание у Варуха, который говорит: «Он явился на земле и обращался между людьми». (Варух. 3, 38). Также Моисей говорит: «Я вздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему, а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» (Втор. 18, 12–19). На ком другом сбылось это, как не на одном Христе? Хотя многие восстали пророки, и хотя всех их иудеи не послушали, но за это ничего не потерпели; а за непослушание Христу, они теперь повсюду влачат жизнь, как блуждающие и бесприютные, как беглецы и изгнанники. Посмотри, как они, лишившись гражданства, отеческих законов и обычаев, всюду подвергаются бесчестию и посрамлению, наказанию и мучению. А сколько они пострадали при Веспасиане и Тите, этого и сказать невозможно: так бедственная участь их превысила

всякое несчастье; так исполнились пророческие слова: «кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить, с того Я взыщу». За то у них превратилось все в пустыню, что они не послушались того Пророка. Что Господь воскресит всех, это предсказал Исаия в следующих словах: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов» (Ис. 26, 19). И не только это он предсказал, но и то, что после крестной смерти Господа деяния Его будут блистательнее, и что по воскресении Его проповедь (евангельская) наиболее распространится. Он был предан своим учеником, связан, оскорблен, поруган, мучен и распят, и не получил бы погребения, если бы это зависело от иудеев; а одежды Его были разделены воинами, и окончил жизнь с подозрением в домогательстве власти, с именем богохульника и возмутителя; — ибо о нем говорили: «всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19, 12), и еще: «вот, теперь вы слышали богохульство Его!» (Мф. 26, 65); так как все это имело совершиться, то пророк, желая возбудить и ободрить слушателя, говорит: не бойся этого; Тот, Который был распят, подвергаем бичеванию, поносим разбойниками, умерщвлен по подозрению в богохульстве, по смерти и воскресении совершит такие дела, о которых никто не скажет, что они не исполнены

великой чести. Это и сбылось, как о том задолго предсказывал пророк: «И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, — и покой его будет слава» (Ис. 11, 10). Он как бы так сказал: «такая смерть досточтимее диадимы; цари, слагая диадимы берут крест — знак Его смерти; на порфирах крест, на диадиме, крест, при молитвах крест, на оружии крест, на священной трапезе крест, и во всей вселенной крест сияет светлее солнца» — «и покой его будет слава».

Не таковы дела человеческие; но обыкновенно с ними бывает напротив! Дела знаменитых людей, пока они живут, процветают; но по смерти их погибают. Это можно видеть в судьбе не только богача и начальника, но даже и царей. И законы их отменяются, и изображения затемняются, и память их истребляется, и имя их забывается, и приближенные к ним подвергаются презрению; между тем, как прежде они потрясали оружием, мановением своим передвигали народы и города, и изменяли положение дел, имели власть предавать смерти и возвращать к жизни отводимых на казнь. Все это исчезает, хотя прежде было в славе. А у Христа — все напротив. Пред крестной смертью Его обстоятельства были печальны; Иуда предавал, Петр отрицался, прочие ученики обратились в бегство, Он один оставался среди врагов; многие веровавшие в Него возвраща-

лись вспять. Но после Его страданий и смерти, дабы ты знал, что Распятый был не простой человек, обстоятельства становятся блистательнейшими, славнейшими и превосходнейшими. До распятия Христова верховный из апостолов не перенес угрозы привратницы, после такой Тайной Вечери отвечал, что он не знает Иисуса, а после распятия он же прошел (с проповедью) вселенную; с того времени бесчисленные сонмы мучеников были умерщвлены, решившись лучше умереть, нежели сказать то, что сказал верховный из апостолов, убоявшись угрозы одной привратницы. С того времени все страны, и города и пустыни, места обитаемые и необитаемые, оглашаются прославлением Распятого; цари, военачальники, градоначальники и судии, рабы и свободные, простолюдины, мудрые и немудрые, варвары и различные племена человеческие, населяющие всю землю, призывают Имя Его и поклоняются Ему, дабы ты знал, что значит: «и покой его будет слава». Самое место, где было погребено тело Распятого, малое и весьма тесное, сделалось блистательнее множества царских чертогов и досточтимее самих царей. «И покой его будет слава». Особенно удивительно то, что не только с Ним, но и с учениками Его произошло то же самое. При жизни их брали и водили, подвергая поношению, заключению в оковы и другим бесчисленным мучениям: а по смерти они стали досточти-

мее самих царей. Каким образом? Это можешь увидеть из следующего. В царствующем городе Риме, оставив все, прибегают к гробницам рыбаля и скинотворца¹, и цари, и правители, и военачальники; и в Константинополе облеченные диадемами признали любимым местом для погребения тел их не близ самых апостолов, но в преддверии, вне храмов их, и таким образом цари сделались привратниками рыбаля; и такое погребение вменяют себе не в бесчестие, но в прославление, не только сами цари, но и потомки их. «И будет, — говорит Писание, — покой Его слава!»

Пророчества Ветхого Завета о втором пришествии Иисуса Христа

Тот, Кто совершил все это, некогда придет Судиею; о чем также не умолчали пророки и предсказали некоторые, созерцая Его в том самом виде, в каком Он придет, другие — возвещая это своими словами.

Христос опять придет и потребует отчета от рода человеческого, между прочим и от иудеев; об этом, посмотри, как предсказывает Давид и Малахия. Последний говорит: «И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и

¹ Скинотворец — делатель палаток (прим. составителя).

очищать серебро» (Мал. 3, 1–3), согласно с словами Павла, который пишет так: «день покажет, потому что в огне открывается» (1 Кор. 3, 13). И Давид словами: «является Бог, грядет Бог наш» (Пс. 49, 2–3), указывает также на второе пришествие Его. Первое пришествие Христа было весьма смиренное; но не таково будет второе, страх и ужас будут сопутствовать ему, Ангелы — предшествовать, и самое явление будет озарять все подобно молнии: «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 27), — говорит Господь, выражая этим блеск, возвещающий сам о себе, так как он не нуждается в провозвестнике, но являет сам себя. Тоже и Давид выражает словами: «грядет Бог наш». Потом, изображая будущий суд, пророк присовокупляет: «пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря» (Пс. 49, 3). Сказав о наказаниях, он изображает и торжественность суда: «Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой» (Пс. 49, 4), подразумевая под землею род человеческий. Далее, вместе со всем родом человеческим упомянув и об иудеях (к которым особенно обращается), пророк продолжает так: «соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве». И небеса провозгласят правду Его, ибо судия сей есть Бог» (Пс. 49, 5–6).

Даниил, находясь среди вавилонских варваров, видел Его грядущего на облаках; выслушай

самые слова пророка: «Видел я, — говорит он, — с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему (Дан. 7, 13–14). А самый суд Его пророк изображает так: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги» (Дан. 7, 9–10). Кроме того пророк показывает, какой чести сподобятся праведники: «и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые» (Дан. 7, 22). А пророк Малахия предсказывает, что этот суд будет производим через огонь: «Он — как огонь, расплавляющий и как щелок очищающий» (Мал. 3, 2).

Почему иудеи не приняли Христа?

Видишь ли, с какой точностью пророки предвозвестили все будущее? Неужели же ты дерзнешь не верить после столь разительных доказательств силы Христовой, после пророчеств, изреченных за столь долгое время, и событий, совершившихся согласно с предсказаниями,

так что решительно ничто не осталось не исполненным? А что все это не выдуманно нами, о том свидетельствуют Священные Книги, которые раньше всех получили и доныне содержат и хранят потомки распявших Господа. Почему же, спросят, они не веруют, имея у себя эти Книги? Потому же, почему они не веровали, видя чудеса Его. Но это вина не Того, в Кого они не веруют, а тех, которые среди белого дня ничего не видят. Бог создал и видимый мир, этот прекрасно настроенный орган, повсюду провозглашающий и прославляющий Создателя. Однако есть люди, из которых одни считают все образовавшимся само собой, другие считают все видимое существующим от вечности, иные приписывают сотворение и сохранение его демонам, или случаю и судьбе, естественному развитию, влиянию звезд и т. п. Но в этом не виновен Создатель, а достойны осуждения те, которые при таких врачевствах страдают тяжелыми болезнями.

Душа благоразумная без всякой помощи видит, что необходимо делать, а неразумная и бесчувственная, хотя бы и имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепой. Это можно наблюдать везде, не только в настоящем деле веры, но и в других. Сколько, например, таких людей, которые не слышали о законах, однако, проводили жизнь сообразную с ними? А другие с малых лет до глубокой старости изучали законы, и однако не-

престанно нарушали их. Так бывало и в древности. Иудеи, видевшие множество знамений и чудес, не сделались лучшими. А ниневитяне, услышав только воззвание, переменились и воздержались от пороков.

Какого учения не удостоился Иуда? Однако сделался предателем. Какое наставление слышал разбойник? И на кресте исповедал Господа и провозвестил царство Его. Не суди же о предметах по мнениям развращенных людей, но по истинному свойству предметов составляй надлежащее мнение о людях благонамеренных. Не уверовали иудеи, уверовали язычники. И об этом не умолчали пророки; так пророк Давид взывает: «иноплеменники солгали мне, иноплеменники одряхтели и уклонились от стезей своих» (Пс. 17, 46); и Исаия говорит: «Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (Ис. 53, 1)? И еще: «Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня» (Ис. 65, 1). Так и при земной жизни Господа хананеянка и самарянка уверовали в Него, а священники и старейшины враждовали и строили козни против Него, побуждали к тому и других, и уверовавших в Него изгоняли из синагоги. Итак, не удивляйся этому. Подобных примеров исполнена наша жизнь, как в наше время, так и в прежние времена; впрочем и из иудеев, хотя не все, но многие и тогда и ныне уве-

ровали во Христа; а что не все, так это не ново, и не странно; такова неблагодарность, такова безрассудность души, преданной страстям.

Свт. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в 12 томах.

Том 1, книга 2, С. 616–644. СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1898

ПРОРОЧЕСТВО ИИСУСА ХРИСТА О РАЗРУШЕНИИ ИУДЕЙСКОГО ХРАМА В ИЕРУСАЛИМЕ

«Христос вошел некогда в храм иудейский, который находился тогда в цветущем состоянии, блеснул везде множеством золота, красотою и великолепием зданий, содержал все другие драгоценности искусственные и вещественные, и сказал: «...видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24, 1–2), подразумевая будущее его разрушение, истребление, запустение, нынешние развалины в Иерусалиме. Нигде не было такого храма, столь славного и пользовавшегося таким почитанием. Иудеи, жившие повсюду до самых пределов земли, издревле приходили туда, принося дары, жертвы, милостыни и много другого,

и украшая храм богатством вселенной; и все отовсюду стекались туда, и велика была слава этого места, достигавшая до самых последних пределов вселенной»¹.

«Эти слова Иисуса нашли свое точное исполнение в годы Иудейской войны, когда в 70 году по Р. Х. римские войска ворвались в Иерусалим и предали город страшному разграблению: «Войско не имело уже кого убивать и что грабить. Ожесточение не находило уже предмета мести, так как все было истреблено беспощадно. Тогда Тит приказал весь город и храм сравнять с землей; только башни, возвышавшиеся над всеми другими, Фаазель, Гиппик, Мариамма и западная часть обводной стены должны были остаться: последняя — для образования лагеря оставленному гарнизону, а первые три — чтобы служить свидетельством для потомства, как величествен и сильно укреплен был город, который пал перед мужеством римлян. Остальные стены города разрушители так сравнивали с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы. Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города»².

¹ Св. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

² И. Флавий. Иудейская война. Минск, Беларусь, 1991, кн. 7, гл. 1, 1, С. 415.

Здесь необходимо подчеркнуть, что во время осады и штурма Иерусалима Тит, руководивший римскими войсками, сделал все зависящее от него, чтобы сохранить во что бы то ни стало знаменитый храм, хотя многие военачальники предлагали его уничтожить. Даже когда обезумевшие римские солдаты, ворвавшись в город, подожгли храм, Тит пытался спасти его, рискуя собственной жизнью, побуждая солдат потушить огонь. Но гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения сделали свое дело «и превозмогли даже уважение к Цезарю и страх перед его карательной властью... И вот, в то время, когда Цезарь... пытался усмирить солдат, один из них проник во внутрь храма и подложил огонь под дверными крюками, а когда огонь вдруг показался внутри, военачальники вместе с Титом удалились и никто уже не препятствовал стоявшим снаружи солдатам поджигать Храм. Так Храм против воли Цезаря был предан огню»¹. (Опарин А.А. Судьи, приговорившие себя. Археология Нового Завета. Харьков: Факт, 2001).

«И действительно, все эти блистательные и знаменитые здания обратились в развалины. Видишь ли великую и неизреченную силу Его в том и другом, — в том, что почитающих Его Он устроил и размножил, и в том, что враждо-

¹ И. Флавий. Иудейская война. Минск, Беларусь, 1991, кн. 7, гл. 4, 1, С. 398.

вавших против Него смирил, сокрушил и искоренил?

Одно слово Христово уничтожило и истребило все это и рассеяло, как прах; и туда, куда прежде не всем иудеям, даже не всем священникам, а только одному первосвященнику дозволялось входить, и притом только однажды в год в его облачении, венцах и митре и прочей священной одежде, теперь можно входить и блудникам распутным и прелюбодеям развратным без всякого препятствия. Потому что слово Христово, обращенное к нему, разрушило и уничтожило все; и от этого храма остается столько, сколько нужно для указания, где он находился в древности»¹.

«Мы специально так подробно привели рассказ о гибели Храма, чтобы показать, что как бы ни старались люди, в том числе и императоры, помешать исполнению пророчеств Библии, Слову Божьему, все их попытки обречены на неудачу.

Шло время, минуло почти 300 лет со дней Тита и разрушения Иерусалима, когда на престол римской империи вступил Юлиан (361–363 гг. по Р. Х.), которому история дала прозвище Отступник. Поклонник греческой философии, император решает повернуть колесо истории вспять, восстановив языче-

¹Св. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

ство как государственную религию. Он объявляет открытый вызов Христу, поставив целью уничтожить Его Церковь. Император решил немедленно начать строительство на холме Мориа великолепного храма, что вызвало отклик в сердцах иудеев, давно мечтавших вновь построить Храм. «...серебряные лопаты и заступы были доставлены тщеславием богачей, а мусор переносился в шелковых и пурпуровых мантиях. Все кошельки открылись для щедрых пожертвований, все хотели участвовать в этой... работе...»¹. И вот, когда казалось, что Храм непременно вот-вот будет отстроен, а слова Христа не найдут исполнения в истории, произошло необычайное событие. Здесь мы предоставим слово очевидцу этого необыкновенного события, римскому солдату и историку язычнику Аммиану Марцеллину, который записал его по-военному четко и конкретно: «Юлиан... желая оставить для будущих веков память о своем правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда Иерусалимский храм, не жалея для этого никаких расходов. Веспасиан, а затем Тит выдержали целый ряд кровавых битв, прежде чем удалось осадить это здание и взять его штурмом. Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию, который

¹ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи, в 7 т. М., Терра, 1997, т. 2. С. 542–543.

был до того вице-префектом Британии. Алипий усердно принялся за дело... но страшные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии»¹. Как мы видим, перед силой Божьих слов оказались бессильны и богатство иудеев всего мира, и их энтузиазм, и желание и приказы императора, и ресурсы могучего Рима. Здесь будет уместно вспомнить, что когда в планах Господа было восстановление храма во времена Зоровавеля, около 500 года до Р. Х. (по возвращении иудеев из Вавилонского плена), то его строительство происходило успешно вопреки, казалось бы, всему. Теперь же, спустя 800 лет, когда все обстоятельства складывались самым наилучшим образом и с земной точки зрения ничто не могло помешать строительству храма, все рухнуло только по одной причине: воля Господа была против этого.

Спустя менее двух лет после неудачи в Иерусалиме, император Юлиан погибает во время месопотамского похода. Последними словами этого человека были слова, обращенные ко Христу: «Галилеянин, Ты победил!»

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., Алетейя, 1996, кн. 23, 1. С. 278.

Действительно, смерть Юлиана в Месопотамии окончательно похоронила идею возрождения язычества. Однако, несмотря на неудачу 361 года, иудеи продолжали лелеять в своем сердце мечту о воссоздании храма. И казалось для того, чтобы поставить в этом точку, арабы, ставшие в VIII веке хозяевами этих земель, сооружают на месте, где когда-то стоял древний иерусалимский храм, мечеть Омара. Эта мечеть, являющаяся одной из главных святынь ислама, несомненно помешала воссозданию храма, когда в 1948 году было образовано государство Израиль, и когда, казалось бы, стало возможным осуществить давнюю мечту целого народа.

Возведение этой мечети имеет исключительно большое значение, так как строжайшее требование иудаизма заключается в том, что еврейский храм может быть построен только на одном месте — на Храмовой Горе в Иерусалиме, и никакого подобия ему не разрешается строить в иных местах.

Мечеть Омара, подобно неприступной крепости, исключает саму возможность этого, хотя ортодоксальные евреи, так и не желающие сделать вывод из своей собственной истории, продолжают лелеять мечту о возрождении храма. И сегодня на суде истории несуществующий новый иерусалимский храм выступает свидетелем пророческой силы слов Иисуса». (Опа-

рин А.А. Судьи, приговорившие себя. Археология Нового Завета. Харьков: Факт, 2001).

«Представь же, какова сила, совершившая это дело. Те, которые имели такое могущество, преодолевали народы и царей, многократно одерживали победы на войнах без пролития своей крови и воздвигли множество необыкновенных и дивных трофеев, не могли построить одного храма с того времени и до сих пор, и притом тогда, как было столько царей, содействовавших им, и такое множество их самих, рассеянных по вселенной и имевших у себя такие богатства. Видишь ли, как того, что Христос устроил, никто не разрушил, а что Он разрушил, того никто не построил? Он устроил Церковь, и никто не может разрушить ее; Он разрушил храм, и никто не может восстановить его, и притом в такое продолжительное время; между тем и Церковь пытались разрушить, но не могли, и храм старались восстановить, но не могли. Это попытки были дозволены Господом, чтобы никто не мог говорить, что, если бы они попытались, то смогли бы восстановить храм. Вот они и пытались, но так и не смогли ничего сделать. Превзошедший всех нечестием царь Юлиан дал им тогда позволение и содействовал им, и они приступили к делу, но не могли иметь никакого успеха, так как вырвавшийся из основания огонь разогнал их. А что они желали построить, доказательством этого

доныне служит обнаженное основание храма, чтобы ты видел, что они пытались раскапывать землю, но не построили, так как им противодействовало упомянутое изречение Христово. Что же препятствовало, если не Божественная сила, противящаяся этому? Разве нет у иудеев великого обилия богатства? Разве патриарх их, отовсюду со всех собирая доходы, не владеет несчетными сокровищами? Разве этот народ не смел, не бесстыден, не настойчив, не дерзок, не воинственен? Разве не много их в Палестине? Разве не много их везде? Как же они не могли восстановить одного храма, и притом видя, что от этого их богослужение повсюду задерживается, а обычаи иудейские нарушаются, и жертвы, и приношения и прочие подобные постановления закона отменяются и прекращаются? Ибо ни поставить жертвенника, ни принести жертвы, ни сделать возлияния, ни возложить овцы и фимиама, ни читать закона, ни совершить праздника, и ничего другого подобного им не было дозволено вне преддверий того храма.

Иудеи, имевшие такое множество и денег, и вооружения, и воинов и отражавшие многих полководцев, не могли восстановить одного храма. Синагоги они построили во многих городах, а того места, которое давало силу собственному их государству, где они привыкли совершать все и чем держалось иудейство, того одного места восстановить не смогли.

Так сила Христова, создавшая Церковь, разрушила это место. И пророк предсказал о том, что придет Христос и совершит это, хотя сам жил уже после плена. Послушай, что говорит он: «лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем. Нет Моего благоволения к вам. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву» (Мал. 1, 10–11). Видишь ли, как он ясно и отверг иудейство и представил христианство блистающим и распространившимся по всей земле? Свойство же этого богослужения другой пророк изображает так: «и Ему будут поклоняться, каждый со своего места и служить Ему единомысленно» (ср. Соф. 2, 11; 3, 10); и еще иной: «упала, не встает более дева Израилева! повержена на земле своей, и некому поднять ее» (Ам. 5, 2)»¹.

ЧУДО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕВАНГЕЛИЯ

Изложив пророчества о Христе, сказанные пророками и предвозвещенные за столько лет, теперь я представляю те пророчества, которые сам Он, когда жил на земле и обращался с

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

людьми, изрек о будущих событиях, чтобы ты и из них познал силу Его. Господь, пришедши тогда на землю и совершая спасение людей, как живших, в прошедшие времена, так и живших впоследствии, устраивал это спасение различным образом. И смотри, как Он поступает. Он творит чудеса и предсказывает некоторые из будущих отдаленных событий, уверяя тогдашних слушателей современными им событиями в истине будущих событий, а для будущих поколений делая достоверными совершенные Им в то время чудеса посредством исполнения Его предсказаний, и таким сугубым доказательством внушая веру в Свое Царство.

Пророчества Иисуса Христа были двоякого рода: одни из них должны были исполниться в настоящей жизни, а другие сбудутся при самой кончине мира; они взаимно подкрепляют себя и с великой силой доказывают истинность тех и других. Неясные слова я постараюсь объяснить примером. Двенадцать учеников были спутниками Господа; даже название Церкви тогда еще ни приходило никому на ум, потому что синагога еще находилась в цветущем состоянии. Когда почти вся вселенная предана была нечестию, что сказал и предвозвестил Господь? «На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Рассматривай, как хочешь, это изречение, и увидишь истинность его в полном блеске. Не то одно удивительно, что Он во всей

вселенной устроил Свою Церковь, но и то, что сделал ее непреодолимою, и непреодолимою тогда, как она испытывает столько враждебных нападений. Слова: «врата ада не одолеют ее» означают опасности, низводящие во ад. Видишь ли истину предсказания? Видишь ли силу исполнения его? Видишь ли слова, блистательно оправданные делами, и непреодолимую силу, легко совершающую все? Кратко изречение: «создам Церковь Мою», но не пробегай его без внимания, а вникни в него умом и представь, сколь великое дело — наполнить всю землю под солнцем церквями, обратить столько племен, убедить народы, уничтожить отеческие обычаи, исторгнуть укоренившуюся привычку, свергнуть владычество сладострастия и силу нечестия, как прах; жертвенники, капища, идолов и их службы, бесчинные празднества и нечистые жертвоприношения развеять как дым; и воздвигнуть алтари истинному Богу повсюду, — в стране римской, в Персии, в Скифии, в Мавритании, в Индии; даже Британские острова, лежащие за пределами моря, на самом океане, — ощутили силу изречения Господня; и там воздвигнуты церкви и алтари. Это изречение, сказанное тогда Господом, теперь насаждено во всех душах и находится во всех устах; вся, так сказать, земля, наполненная тернием, очистилась, сделалась чистою нивой и приняла семена благочестия.

Великим, поистине великим делом, или, лучше сказать, доказательством чрезвычайного величия и Божественной силы было бы — без всякого препятствия, во время мира, при содействии многих и без всяких врагов, вдруг отторгнуть вселенную от порочных навыков, утвердившихся в течение столь долгого времени, и обратить к другим, гораздо более трудным для выполнения. А здесь противниками были не только навык, привычка, но и сладострастие, — эти два тирана. Надлежало отвергнуть то, что с давних времен было принято от отцов, дедов, прадедов и древнейших предков, от философов и риторов. Это было весьма трудно, а принять другие новые обычаи, требующие великих подвигов, — еще труднее. Христос изгонял роскошь, водворял пост; изгонял любостяжание, водворял нестяжательность; изгонял невоздержание, водворял целомудрие; изгонял гнев, водворял кротость; изгонял зависть, водворял дружелюбие; отводил от пути пространного и широкого и приводил на путь тесный, скорбный и трудный, и приводил тех, которые привыкли к пространному. Не других каких-нибудь людей взял Он вне вселенной без этих навыков, но тех самых, которые растлились в этом мире и сделались негоднее грязи, повелел идти путем тесным и скорбным, жестким и суровым, и убедил их. И сколь многих убедил? Не одного, не десять, не двадцать, не сто, но почти всех живущих под

солнцем. И через кого убедил? Через одиннадцать человек неученых, простых, не знавших языков, незнатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимуществ учености — рыбаков, мытарей, говоривших на своем языке, отличающемся от языка тех, кому они проповедывали, и через них Христос устроил Свою Церковь, простертую от концов до концов вселенной!

И не только это удивительно, но и то, что апостолы — эти простые люди, бедные, немногочисленные, незнатные, неученые, униженные, говорившие на чуждом языке и презираемые, избранные для исправления всей вселенной и получившие повеление обращать ее к труднейшим делам, — совершили это не во время мира, но при воздвигаемых против них отовсюду бесчисленных нападениях. В каждом народе и городе, (что я говорю: в народе и городе?) — в каждом доме предстояла им борьба. Проповедуемое ими учение часто разлучало сына с отцом, невестку со свекровью, брата с братом, раба с господином, подчиненного с начальником, мужа с женою, жену с мужем, отца с детьми; потому что не все вдруг принимали его; это подвергало их ежедневной вражде, непрерывной борьбе, смерти, и располагало людей обращаться с ними, как общи-

ми врагами и неприятелями. Все гнали их: цари, правители, престолюдины, свободные, рабы, народы и города. И не их только, но и тех, которые приняли их учение, но еще не были крепки в вере. Была общая война и против учеников и против учителей, так как это учение казалось противным и царским постановлениям, и привычке, и отеческим обычаям. Они увещевали отвергнуть идолов, презреть жертвенники, которые чтимы были всеми отцами и предками, отказаться от нечистых верований, гнушаться празднеств и отвращаться от обрядов, к которым люди питали благоговение и страх, и за которые они готовы были скорее отдать свою душу, нежели принять проповедуемое апостолами и веровать в Рожденного от Марии, осужденного игемоном, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного и воскресшего. И то производило недоверчивость, что страдания Его были явны для всех, бичевания, удары по ланитам, оплевывание, распятие на кресте, великое осмеяние, поругание от всех, погребение, дарованное в виде милости; а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своим явился одним ученикам. И, однако, такой проповедью они убедили и устроили Церковь. Как и каким образом? Силою Того, Кто им повелел это; Он сам был их руководителем: Сам делал все трудное легким. Если бы Боже-

ственная сила не содействовала, то это дело не получило бы ни вступления, ни начала. И как бы оно могло сделаться? Но Тот, Кто изрек: да будет небо, — и совершил это на деле; Кто сказал: да созиждется земля, — и даровал ей бытие; Кто повелел: да воссияет солнце, — и явил светило; Кто сотворил все Своим словом, Тот насадил и эти Церкви; и Его слово: «создам Церковь Мою», совершило все это. Таковы слова Божии; они совершают дела, дивные и чудные. Некогда Он сказал: «да произрастит земля зелень» (Быт. 1, 11), — и вдруг все стало садом, все — лугами, и земля, вняв повелению, покрылась бесчисленными растениями. Так и ныне Он изрек: «создам Церковь Мою», — и это совершилось с великой легкостью; и тогда как против нее вооружались властители, потрясали оружием воины, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, действуя сильнее огня, истребило терния, очистило нивы, посеяло евангельское учение. И между тем, как из уверовавших одни были заключаемы в темницы, другие отправляемы в ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и рассекаемы, сожигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мучений, поругаемы и изгоняемы отовсюду, как бы общие враги, являлись новые исповедники в большем числе,

которые, смотря на страдания других, не только не охладели к вере, но еще охотнее и лучше стремились к этому прекрасному улову, и были уловляемы не принуждением, не насилием, но прибегая сами и изъявляя благодарность приведшим их ко Христу; взирая на потоки крови верующих, они становились более пламенными к вере и более смелыми; и тогда как не ученики только, но и учителя, иные были заключаемы в узы, другие изгоняемы, иные бичуемы, и претерпевали другие бесчисленные мучения, число верующих умножалось и ревность их увеличивалась. Об этом Павел говорит так: «и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие» (Флп. 1, 14); и в другом месте: «Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся» (1 Фес. 2, 14–15). И еще в послании к другим он говорит: «Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее» (Евр. 10, 32 и 34). Видишь ли превосходную силу Совершившего все это? Мученики, подвергаясь страданиям,

не только не малодушествовали, не только не скорбели, но радовались, торжествовали, ликовали. И об этом Павел говорит, что «расхищение имени вашего приняли с радостью» (Евр. 10, 33); а об учителях Лука в книге Деяний повествует, что они с радостью возвратились из синедриона, удостоившись принять бесчестие за имя Христово (Деян. 5, 41). И о самом себе также Павел говорит: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его» (Кол. 1, 24). И что удивительного, если он среди страданий радовался, когда он, готовясь претерпеть смерть, не только радовался, но и учеников своих призывал к участию в своей радости, что свойственно чрезвычайно радующейся душе. «Радуюсь, — говорит он, — и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне» (Фил. 2, 17–18). Что сделалось, скажи мне, что ты исполнился такой радости? «Ибо я, — говорит он, — уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало» (2 Тим. 4, 6).

Таким образом они повсюду устроили Церковь. Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия; а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению,

потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней. Не все равно, построить ли стену, или душу, столько времени бывшую во власти демонов, расположить к покаянию и от безумного неистовства обратит к целомудрию. Однако это были в состоянии сделать апостолы, бедные и не имевшие обуви, в одной одежде обходя всю вселенную; потому что они имели поборником и помощником своим непреоборимую силу изрекшего: «на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Исчисли, сколько властителей восставали против нее, сколько они воздвигали тягчайших гонений на нее, в каком положении она находилась во все предшествовавшее время, когда вера была еще только насаждаема, когда умы людей были еще не тверды в ней.

Царями были язычники: Август, Тиверий, Нерон, Веспасиан, Тит и все последующие до времен блаженного царя Константина; и все они гнали Церковь, одни с меньшей, а другие с большей жестокостью, но все гнали ее. Хотя некоторые из них, по-видимому, и оставляли ее в покое, но то, что цари явно были преданы нечестию, служило поводом к гонениям, так как другие из лести угождали им гонением на церковь. Но все такие козни и нападения раторгались легче паутины, рассеивались скорее дыма, развеивались быстрее праха. Самими

этими кознями они произвели великий сонм мучеников и оставили Церкви бессмертные сокровища, башни и столпы, которые не только при жизни, но и по смерти своей соделались для последующих христиан источником великого благополучия. Видишь ли силу предсказания: «и врата ада не одолеют ее»? После этого веруй, что и в будущем никто из них не одолеет ее. Если тогда, когда она состояла из немногих, когда казалась нововведением, когда учение только что было преподано, когда было столько препятствий и столько враждебных нападений со всех сторон, враги не могли преодолеть и не преодолели ее, то тем более по распространении ее на всей вселенной и на всяком месте, по горам и пещерам и холмам. Действительно, она объяла и море и все племена, находящиеся под солнцем, и уже у немногих господствует нечестие, по уничтожении жертвенников, капищ, идолов и всего, празднеств, обрядов, дыма и смрада и нечестивых сборищ.

Как же такое великое дело при таких препятствиях получило столь блистательный конец и успех, свидетельствующий об его истине, если не некоторою божественною и непобедимую силою предсказавшего и совершившего это? Никто не станет противоречить этому, кроме разве кого-нибудь из крайне безумных и сумасшедших, лишившихся есте-

ственного смысла. И не только те, но и другие предсказания свидетельствует о непобедимой силе Его. Так Он предсказывал о будущем со всею истиною и приводил (Свои предсказания) в исполнение; и ничто из сказанного Им не может остаться тщетным, но скорее погибнут земля и небо, нежели что-нибудь из слов и предсказаний Его окажется изреченным ложно. Поэтому и сам Он, указывая на это прежде исполнения событий, ясно сказал о Своих изречениях так: «небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут» (Мф. 24, 35); и весьма понятно; потому что они не простые слова, но слова Божии, которыми создаются дела; так Бог сотворил небо, так землю, так море, так солнце, так сонмы Ангелов, так прочие невидимые силы. Объясняя это и пророк сказал: «Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс. 32, 9), разумея всю тварь, высшую и низшую, чувственную и духовную, телесную и бестелесную. Так и предсказание о Церкви, как я выше сказал, доказывает величие, силу и превосходство Его истинности, промысления, благодати и попечительности.

Теперь мы рассмотрим другое предсказание Его, блистающее яснее солнца и светлейшее солнечных лучей, находящееся пред взорами всех и простирающееся на все последующие поколения, подобно предыдущему. Таковы большей частью предсказания Его. Они

не ограничиваются кратким временем и не исполняются при одном поколении, но всем людям, настоящим, будущим и следующим за ними, и далее за этими и до скончания века имеющим быть, всем дают понять силу своей истинности, подобно предыдущему. По этому предсказанию Церковь с того дня, как оно было изречено, до скончания века пребудет твердо и непоколебимой, цветущей и блистающей, с каждым днем преуспевая, возрастая, укрепляясь и сообщая всем людям, имеющим быть с того времени до (второго) пришествия Христова, величайшие блага и неизреченную пользу. Как бывшие прежде нас, так и бывшие прежде этих и еще прежде тех бывшие познали силу его, видя нападения, воздвигавшиеся против Церкви, опасности и козни, смятения, волнения и бури, а ее видя непотопляемой, непреодолимой, непобеждаемой, неистреляемой, но цветущей, преуспевающей и возрастающей больше и больше.

Я не говорил тебе ни о воскрешении мертвых, ни об очищении прокаженных, чтобы ты не сказал: это — ложь, выдумка, басня, кто это видел, кто слышал? Те, которые сказали, что Христос был распят и принимал удары по ланитам, те самые сказали и об этом. Почему же ты, считая их достоверными в последнем, восстаешь против сказанного ими о первом, как бы несбыточном? Если бы они для про-

славления своего Учителя писали по суетному тщеславию, то они умолчали бы о событиях прискорбных и кажущихся для многих позорными, а между тем они в доказательство своей истинности в особенности останавливались на этих последних и рассказали все с точностью и большой подробностью, не опуская ни малого, ни великого; о знамениях и чудесах они очень многое умолчали, а о страданиях и событиях, кажущихся позорными, на которых останавливались, все сказали всё с точностью. Я же, не сказав тебе ничего об этом, т. е. о чудесах и знамениях, дабы сильнее удержать всякий бесстыдный язык, представил то, что теперь явствует, теперь находится пред глазами, что яснее солнца, распространено по всей земле и объемлет всю вселенную, что совершилось превыше человеческой природы и было только делом Божиим.

Ты говоришь, что Он не воскрешал мертвых? Но ты не можешь сказать, что нет Церквей во вселенной, что они не подвергались гонениям и что они не преодолевают и не побеждают. Сказать это так же невозможно, как сказать, что нет Солнца.

Почему ты не рассуждаешь сам с собою так: если действовал не Бог и Бог крепкий, то отчего почитающие Его так умножились даже при гонениях, а распявшие Его и нападавшие так унижены, что лишились всего государства

и странствуют скитальцами, изгнанниками и беглецами, и столь долгое время не изменило ни того ни другого?

Свт. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВАЖНОСТИ ПОЧИТАНИЯ ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ХРИСТОВА

Знак смерти — источник жизни

Все величие этой чести ты познаешь тогда, когда посмотришь на знак смерти Иисуса Христа, смерти проклятой, смерти поноснейшей из всех родов смерти; ибо на этот один род смерти наложено проклятие. В древности, например, иных преступников сжигали, других побивали камнями, иных другим каким-либо способом наказания лишали жизни; но распятый и повешенный на древе (креста) страдал не только от того, что наказывался с таким мучением, но и от того, что подвергался проклятию: «ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]», говорит Писание (Втор. 21, 23). Но этот проклятый, поносный знак крайнего мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным. Не столько царский венец

украшает голову, сколько крест, драгоценнейший всего мира; изображение креста, некогда для всех страшное, теперь столь любезно всем, что найдешь его везде, у начальников и подчиненных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и свободных; все непрестанно полагают знамение креста на благороднейшей части своего тела и носят каждодневно это знамение изображенным на челе своем, как на столпе.

Оно блистает на священной трапезе, при рукоположении священников и вместе с телом Христовым на тайной вечери, всюду можно видеть его возносящимся: на домах, на торжищах, в пустынях, на дорогах, на горах, в пещерах, на холмах, на море, на кораблях, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, в чертогах, на пиршествах, на золотых и серебряных сосудах, на драгоценных камнях, на стенных картинах, на теле больных животных, на теле одержимых демонами, на войне, в мире, днем и ночью, в пиршественных собраниях и в келлиях подвижников; так для всех стал вожделенен этот дивный дар, исполненный неизреченной благодати!

Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти; напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадем и многих ожерелий из драгоценных камней. Так он стал не только не страшен, но и вожделенен, любезен и досточтим для всех, и блистает изображае-

мый повсюду: на стенах домов, на кровлях, на книгах, в городах, в селах, в необитаемых и обитаемых местах. Теперь я охотно спросил бы язычника, от чего этот знак ужасной казни и проклятой смерти сделался любезным и вожделенным для всех, если не от великой силы Распятого?

Но если ты так бесстыден, что считаешь это за ничто и восстаешь против истины, и остаешься слепым при свете; то теперь я представлю тебе и другое доказательство того, как это важно. Какое же это доказательство? У судей есть много видов орудий для мучения: дерево, кнуты, когти, свинцовые зубцы, которыми скоблят тело, расторгают и раздробляют члены. Кто решился бы внести такие орудия в дом свой? Кто согласился бы прикоснуться к рукам делающих их палачей, или видеть их близко? Напротив, большая часть людей не отвращается ли, а некоторые не считают ли встречу с ними дурным признаком, и не решаются ни коснуться их, ни смотреть на них? Не убегают ли прочь и не отвращают ли своих взоров? Таков в древности был и крест, или еще гораздо страшнее; потому что, как я выше сказал, он был знаком не только смерти, но смерти проклятой. Отчего же, скажи мне, он теперь сделался столь вожделенным и столь любезным для всех и досточтимее всего? Почему к этому самому дереву, на котором Святое Тело

Иисусово было распростерто и пригвождено, все наперерыв притекают? Почему многие, как мужи, так и жены, получив малую частицу этого древа и обложив ее золотом, вешают на свою шею, как украшение, между тем как оно было некогда знаком осуждения и наказания?

Потому, что создавший все и все преобразующий, избавивши вселенную от нечестия и соделавший землю небом, Он и это орудие ненавистное и позорнейшее всех смертей превознес выше небес. Все это, предвидя, пророк сказал: «И покой его будет слава». Этот знак смерти (не перестану постоянно говорить о нем) соделался источником великого благословения, стеною от всякой опасности, смертоносным отражением диавола, уздою демонов, грозой сопротивным силам; он попрал смерть, сокрушил медные врата ада, сломил его железные веревки, разрушил твердыню диавола, рассек пути греха, избавил всю вселенную от осуждения, исцелил рану, нанесенную нашей природе по определению Божию. Что я говорю? Чего не могли сделать ни море расступившееся, ни камни раздавленные, ни воздух изменившийся; ни манна, посылаемая в течение сорока лет столь многим тысячам, ни закон, ни другие знамения, совершенные как в пустыне, так и в Палестине, то возмог сделать крест, и не в одной стране, но во всей вселенной. Крест, этот знак некогда проклятый, всеми

избегаемый, всем ненавистный, позорный, возмог по смерти Распятого легко совершить все это. И не только эти, но и последующие действия являют его силу. Прежде вселенная была бесплодна в отношении к добродетели; земля была нисколько не лучше пустыни и не надеялась произвести что-либо доброе; а крест вдруг сделал ее раем и матерью многочаднейшей. И об этом пророк задолго предсказал так: «Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (Ис. 54, 1). Сделав ее такою, Господь дал ей и закон превосходнейший прежнего, о чем также не умолчали пророки; посмотри, что они предвозвестили: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер. 31, 31–33).

Далее пророк изображает быструю перемену их и легкое принятие учения: «И уже не

будут учить, — говорит он, — друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого» (Иер. 31, 34). Что пришедший Господь дарует всем прощение грехов, и это также предсказал пророк в словах: «Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более» (Иер. 31, 34). Что может быть яснее этого? Такими предсказаниями он возвестил призвание язычников, превосходство Нового Завета пред Ветхим, легкость обращения и благодатные дары, получаемые верующими через Крещение».

Свт. Иоанн Златоуст. Рассуждение против иудеев
и язычников о том, что Иисус Христос
есть истинный Бог

Истинно драгоценное и досточтимое Древо

Честной и Животворящий Крест Христов — «истинно драгоценное и досточтимое Древо, на котором Христос принес себя в жертву за нас», по слову святого Иоанна Дамаскина. Через Крест Христов «смерть ниспровергнута, прародительский грех уничтожен, ад ограблен, даровано воскресение, дана нам сила презирать настоящее и даже самую смерть, устроено возвращение к первоначальному блаженству, открыты врата рая, наше естество село одесную Бога, мы сделались чадами Божиими и наследниками... Ибо все это устрое-

но через Крест: ибо все мы, крестившиеся во Христа, — говорит апостол, — в смерть Его крестились (Рим. 6,3). Все... во Христа крестившиеся, во Христа облеклись (Гал. 3,27). Христос, далее, есть Божия Сила и Божия Премудрость (1 Кор. 1, 24). Вот смерть Христа, или Крест, одел нас в ипостасную Божию Мудрость и Силу» (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. Книга 4-я. СПб., 1894, с. 213–216).

Начало почитания Креста Христова восходит к самым древним временам христианства. Св. Игнатий Богоносец († 107), склоняясь перед Крестом, говорит: «Мой дух — в прах перед Крестом, который для неверующих соблазн, а для нас спасение и вечная жизнь» (Послание к Ефесянам, гл. 18). Христианский апологет Тертуллиан (конец II века) говорит «верховным правителям Римской империи»: «Что касается до тех людей, которые обвиняют нас в поклонении Кресту, то мы того не стыдимся» (Апология, гл. 16 // Творения. Ч. 1. СПб., 1847, с. 400). Крестным знаменем ограждали себя мученики, идя на страдания. Крестным знаменем и призыванием имени Божия святые подвижники творили чудеса, изводили воду из земли, поражали бесовскую силу. Самые древние изображения Креста, обнаруженные в римских катакомбах, относятся к первым векам христианства.

Крест всюду сопутствует христианину в его земном странствовании — начиная от рождения и до самой смерти. При Таинстве Крещения на крещаемого надевается нательный крест. На молитве христианин осеняет себя крестным знаменем. Благословляя, священник осеняет нас крестным знаменем. Отходя ко сну, благочестивый христианин целует нательный крест. Мы прибегаем к Кресту Христову в различных жизненных искушениях, перед началом дел, в трудных обстоятельствах. И после смерти на могиле христианина ставится крест, венчающий его жизненный путь.

С особой силой мы обращаемся к Кресту в молитве: «Да воскреснет Бог», читаемой во время бесовских страхований. В ней говорится: «Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа... О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею...». «Радуйся» — здесь означает восторженное приветствие. Боговдохновенные составители молитв вообще часто прибегали к персонификации Креста: мы обращаемся к нему как к одушевленному существу, наделенному Божественной силой, могущему помогать, спасать, прогонять бесов». («Сборник канонов Честному и Животворящему Кресту». М., «Даниловский благовестник», 2001).

История прославления Креста Господня

Прославлению Креста Христова посвящен один из двенадцатых праздников — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, 14/27 сентября. Этот очень древний праздник и обычай, по-особому отмечать субботу и воскресенье перед Воздвижением, связаны с двумя большими событиями в истории христианской Церкви.

Во времена гонений на Церковь римские императоры-язычники пытались полностью уничтожить в человечестве воспоминания о священных местах, где пострадал за людей и воскрес Господь наш Иисус Христос. Император Адриан (117–138) приказал засыпать землей Голгофу и Гроб Господень и на искусственном холме поставить капище языческой богини Венеры и статую Юпитера. На это место собирались язычники и совершали идольские жертвоприношения.

Однако через 300 лет Промыслом Божиим великие христианские святыни — Гроб Господень и Животворящий Крест были вновь обреты христианами и открыты для поклонения. Это произошло при равноапостольном императоре Константине Великом, первом из римских императоров, прекратившем гонения на христиан. Святой равноапостольный Константин Великий (306–337) после победы в 312 году над Максентием, правителем За-

падной части Римской империи, и над Ликинием, правителем Восточной ее части, в 323 году сделался единодержавным правителем огромной Римской империи. В 313 году он издал так называемый Миланский эдикт, по которому была узаконена христианская религия и гонения на христиан в Западной половине империи прекратились.

Равноапостольный император Константин, содействием Божиим одержавший в трех войнах победу над врагами, видел на небе Божие знамение — Крест с надписью «Сим победиши». Горячо желая отыскать Крест, на котором был распят Господь наш Иисус Христос, равноапостольный Константин направил в Иерусалим свою мать, благочестивую царицу Елену, снабдив ее письмом к Патриарху Иерусалимскому Макарию.

Хотя святая царица Елена к этому времени была уже в преклонных годах, она с воодушевлением взялась за исполнение поручения. Языческие капища и идольские статуи, наполнявшие Иерусалим, царица повелела уничтожить. Разыскивая Животворящий Крест, она расспрашивала христиан и иудеев, но долгое время ее поиски оставались безуспешными. Наконец, ей указали на одного старого еврея по имени Иуда, который сообщил, что Крест зарыт там, где стоит капище Венеры. Капище разрушили и, совершив молитву, начали копать зем-

лю. Вскоре были обнаружены Гроб Господень и неподалеку от него три креста, дощечка с надписью, сделанной по приказанию Пилата, и четыре гвоздя, пронзившие Тело Господа.

Чтобы узнать, на котором из трех крестов был распят Спаситель, Патриарх Макарий поочередно возложил кресты на покойника. Когда был возложен Крест Господень, мертвец ожил. Увидев воскресшего, все убедились, что найден Животворящий Крест. Христиане, в бесчисленном множестве пришедшие поклониться Святому Кресту, просили святителя Макария поднять, воздвигнуть Крест, чтобы все могли, хотя издали, благоговейно созерцать Его. Тогда Патриарх и другие духовные лица начали высоко поднимать Святой Крест, а народ, взывая: «Господи, помилуй», благоговейно поклонялся Честному Древу. Это торжественное событие произошло в 326 году. Приобретении Животворящего Креста совершилось и другое чудо: тяжело больная женщина, при осенении ее Святым Крестом, сразу исцелилась. Старец Иуда и другие иудеи уверовали во Христа и приняли святое Крещение. Иуда получил имя Кириак и впоследствии был рукоположен во епископа Иерусалимского.

Святая царица Елена ознаменовала места, связанные с земной жизнью Спасителя, основанием более 80 храмов, воздвигнутых в Вифлееме — месте Рождества Христова, на горе

Елеонской, откуда Господь вознесся на небо, в Гефсимании, где Спаситель молился перед Своими страданиями и где была погребена Пресвятая Богородица после успения. В Константинополь святая Елена привезла с собой часть Животворящего Древа и гвозди.

Равноапостольный император Константин повелел воздвигнуть в Иерусалиме величественный и обширный храм в честь Воскресения Христова, включавший в себя и Гроб Господень, и Голгофу. Храм строился около 10 лет. Святая Елена не дожидая до освящения храма; она скончалась в 327 году.

Храм был освящен 13 сентября 335 года. На следующий день, 14 сентября (по ст. стилю), установлено было праздновать Воздвижение Честного и Животворящего Креста.

Тогда же и возникло чудесное, соединяющее Крест и Воскресение, песнопение: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Это было историческое, но вместе с тем и глубоко символическое соединение креста, страдания, унижения — и воскресения, торжества и победы.

В VII веке, в 614 году, с Византией, христианским государством, в обладании которого находился Иерусалим, воевал персидский царь Хозрой — язычник, огнепоклонник и враг христиан. Царь завоевал Ближний Восток, Сирию, Палестину, Египет, Малую Азию и Иерусалим.

Он пленил христианское население Иерусалима и выселил его во главе с патриархом в глубину Персии. Отвез он в Персию и пречистое древо животворящего Креста Господня. Для христиан это было большое горе.

В 628 году византийский император Ираклий после многочисленных походов и многих лет борьбы победил персидского царя и разгромил персидскую державу. Он освободил из плена христиан, патриарха Иерусалимского и честное древо креста Господня. Радостно, торжественно и в то же время смиренно взял император крест Господень на свои плечи и понес его в Иерусалим, где 14 сентября водрузил его на прежнее свое место.

После этого события, с VII века до настоящего времени Православная Церковь празднует Воздвижение именно в этот день — 27 сентября по новому стилю. А так как освящение храма во имя Воскресения Господня при Константине в 336 году и собор, который установил праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, были совершены в субботу, накануне воскресенья, то было решено отмечать перед этим праздничным днем особый праздник — субботу и неделю перед Воздвижением.

Этот праздник — не только воспоминание величайшего исторического события, имевшего место более полторы тысячи лет назад,

но и промыслительное явление в отношении к каждому христианину и вообще ко всему человечеству.

Явление Креста — это, прежде всего, победа добра над злом, покорение греха, это источник любви, ибо через вольные страдания Спасителя на кресте, через всеславное Его воскресение из мертвых открыты двери райские и новая жизнь дарована роду человеческому.

До страданий Христовых крест был орудием позора и страшного наказания. После же Его страданий он стал символом победы Господа над лукавым, добра над злом, жизни над смертью. Крест — твердыня святых, свет всей вселенной. Как в доме, объятom тьмой, кто-нибудь зажжет светильник и, поставив его на возвешении, прогоняет тьму, так и Христос во вселенной, объятom мраком, водрузив Крест как некоторый светильник, подняв его высоко, рассеял мрак на земле.

Материалы сайта Костромской епархии РПЦ,
www.kostroma-eparhia.ru

Глава 6

ЗНАКИ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

БОГ ЗНАЕТ И ПРЕДВИДИТ ВСЕ

«Бог знает и предвидит все; нет ничего, что остается или могло бы остаться неизвестным для Него; для нас, смертных, существует настоящее, прошлое и будущее: настоящее мы знаем отчасти, будущего же совершенно не знаем; для Бога же нет таких разделений во времени, потому что Он объемлет всю полноту времени. Но ведение (или предведение) Божие не есть предопределение; судьба человека хотя и находится под Промыслом Божиим, но также подвластна и физическим законам и принадлежит власти свободы воли в человеке. Предведение Божие не связывает

человека, не властвует над ним и отнюдь не определяет насильственно его судьбы или вида кончины. Да, Промысл Божий является благой заботой о человеке, но о таком человеке, который не отступил от Него и не ушел «в землю, далекую» от Него, но продолжает пребывать в «Отчем Доме» Его неги. Все в жизни зависит от Божественного Промысла и решения Его, и ничего нет неразумного или неопределенного. За всем следит Неусыпное Око, Которое щедро воздаст за земные лишения и страдания. И однако Промысл Божий насильственно не принуждает человека быть добродетельным, но всецело способствует ему в делании добра и в спасении его души» (монах Михаил Пселл¹).

БЫЛ ГОЛОС: «НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО!»

По-разному приходят люди к вере. Как знать, стал бы православным христианином Борис Дмитриевич Сашин, если бы не было суждено ему провести 30 лет своей жизни за колючей проволокой...

В сущности, вся моя жизнь прошла в зоне. Впервые был осужден в 16 лет. За драку. Я во-

¹ Михаил Пселл — до пострижения — Константин (1018 — около 1078), византийский политический деятель, писатель, учёный, видный чиновник, первый руководитель Высшей философской школы в Константинополе.

обще хулиганом был, рос на улице. Ну и получил по заслугам...

— Расскажите, как вы пришли к вере?

— Чудом. Крещен-то я был в детстве, но чтобы верить — нет. Бабушка верующая была, Царство ей Небесное! А я, если бы не зона, к вере вряд ли бы пришел. Получилось так посадили меня в карцер, причем нелегально. Хотели, чтобы подписал заявление, что все, в чем я обвинял начальство, — неправда, ну, словом, чтобы сам расписался в том, что я клеветник. Карцер — комнатка 1,5 метра шириной, никакой мебели, даже стула нет. Присесть негде. Кровать к стене пристегнута, только на ночь откидывается. Сквозняк. Кормят: утром — ложка каши, днем — ложка каши. Пшенка или сечка. Мало кто так долго выдерживает: или с ума сходят, или вешаются. Ну, сижу я уже много суток. Терпение уже на исходе. И вот что я задумал: сломаю ногу — и переведут меня в больницу. Придумал, как осуществить это: ногу в решетку заложу, навалюсь всем телом... Встал утром, перекрестился — просто так, для порядка, что ли. Вот, думаю, молитву бы еще прочитать, да не знаю ничего, только «Отче наш, Иже еси...», а что после «Иже еси...» — понятия не имел. Ну, прочитал хоть это и ногу в решетку засунул. Сейчас, думаю, прыгну. Вдруг слышу голос строгий такой и добрый в то же время: «Борис, не делай этого». Вынул

я ногу, а потом думаю: «Чего это я испугался? Померещилось». Я второй раз приготовился. Снова слышу: «Борис, не делай этого». Я — в третий. Опять — то же. Вот тут-то я образумился, просветление наступило, прекратил я свои попытки. А на следующий день комиссия приходит и меня из карцера освобождает как незаконно содержащегося. И уверовал я тогда в Господа, да так, что никаких сомнений никогда не возникало. Когда вернулся в зону, первым делом начал православного священника добиваться. Батюшка меня исповедовал, причастил, стал литературу православную передавать. И задумал я в зоне часовню построить. Нашлись у меня в этом святом деле единомышленники. Добились мы у начальства помещения для часовни — небольшой деревянный домишко; иконы повесили, ждем батюшку на первую службу. Это была зима 1992 года. И вот в день перед его приездом начальник колонии напился, влез в трактор и нашу будущую часовню в щепки разнес. Так что батюшка на развалины приехал.

— Зачем же он так?

— Думаю, отомстить хотел. За то, что я на него жалобу в прокуратуру Пермской области написал.

— За что?

— На Рождество Христово я сказал, что в этот день работать грех. Некоторые остались.

Он всех, кто в день праздника на работу не вышел, наказал.

— И что же дальше?

— Ну, мы на этом же месте стали настоящую часовню строить. Все своими руками — начиная с фундамента. Всеми правдами и неправдами доставали материал, доски. И выстроили. А начальника того очень быстро сняли...

— А вас когда освободили?

— В 1998 году. Вернулся домой, в Кубинку. Живу рядом с храмом Архистратига Михаила, Этот храм приписной к Саввино-Сторожевскому монастырю. Я был на празднике перенесения святых мощей преподобного Саввы.

— И вы не знаете, как там теперь, в колонии?

— Знаю, конечно. Я же туда езжу.

— Как это? Обратю в зону?

— Я — волонтер Общественного центра содействия реформам уголовного правосудия. Мы вместе со священником совершаем миссионерские поездки в места лишения свободы, привозим иконы, литературу, крестики... Помню, когда приехал в первый раз, мои знакомые так обрадовались, даже не поверили. Окружили, спрашивают. Конечно, все это не благодаря мне, грешному. Это все батюшка отец Феодор из храма в поселке Неро, его мо-

литвами... Помню, пошли мы с ним в колонию пешком в 30-градусный мороз. Прошли 10 километров по таежной дороге. Я совсем духом пал. А батюшка говорит: «Иди и не сомневайся. Господь поможет». И тут нас грузовик догоняет. Подвезли. Правда, машина открытая была; как мы проехали 60 километров в кузове на морозном ветру, не знаю.

Скоро снова в зону собираюсь — привезти литературу, вещи, продукты...

— Помоги, Господи!

Г.И. Семенова. «Русский дом» № 8, 2001

КАК Я УВЕРОВАЛ В БОГА ПОСЛЕ ПРИЧАСТИЯ

Я стал верующим в тот миг, когда впервые принял Причастие. Это было в 1976 году, в сентябре. Я никогда не был атеистом, но и верующим себя назвать не мог. Однажды я прочитал в Евангелии, что человек, желающий иметь вечную жизнь, должен причащаться тела и крови Христа. А сначала он должен креститься. Крещеным я уже был. Но верующим?.. В школе учили детей, что Бога нет. В институте внушали, что Бога выдумали попы. Души нет. Ада и рая нет. Этот мир пуст. А того мира вообще нет. Я не очень верил этим учителям, и думал: если Бог есть, Он непременно отзовется.

Когда после чтения Евангелия я решил идти к Причастию, мне было страшно идти. Грешить не боялся, а вот исповедовать грехи страшновато.

Я никогда не думал, что диавол может шептать на ухо, внушать ложные мысли. Я думал, что это метафора. Но именно так и было со мною, когда я шел к Причастию. Пред воротами церковной ограды это искушение кончилось. Но появился страх: «И как это я буду вместе со старушками причащаться, такой интеллигентный, образованный, московский?»

И я, грешным делом, загадал: вот если эта женщина впереди меня скажет «Иди к Причастию, или исповеди», тогда пойду. А так — боязно.

А исповедь уже шла. Люди слушали, что им читает или говорит батюшка, потом называли свои грехи, наклоняли головы под епитрахиль (я уже знал, что этот узкий плат на священнике называется епитрахилью) и, крестясь, целовали крест и Евангелие, и отходили, положив на тарелку кто монету, кто свечу.

— А вон исповедь идет, — сказала вдруг женщина, на которую я загадал. — Батюшка давно исповедует.

И она повернулась, обращаясь ко мне.

— Что, идти? — спросил я, как будто она была пророчицей.

— Иди, иди, — обрадовано сказала она.

И я с боязнью пошел. Впервые в жизни я шел к исповеди.

Батюшка встретил меня без радости, спросил:

— Вы готовились к Причастию?

— Как это?

— Говели?

Я опять не понял. Я подумал, что говенье и пост разные вещи.

— Вы постились? Мясо ели вчера?

— Да, постился! Я и мясо, и рыбу не ел, и масло не ел, только хлеб и чай.

Удивившись, батюшка накрыл мою голову епитрахилью. Я успел ему исповедать грехи только в общем, но он и не ждал подробностей.

— Господь и Бог наш Иисус Христос... да простит ты, чадо... Как имя?

— Владимир, — со страхом прошептал я.

— ...чадо Владимир... и аз недостойный иерей, властью Его... прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

В это мгновение, когда священная епитрахиль покрыла мою главу и иерей прочел разрешительную молитву, совершилось чудо. На меня сошла благодать. Тоньше и легче воздуха, она прошла в меня до пояса, чистая, светлая. Благодать взяла и вынула из меня грязь. Не умом, не в воображении, а телом я почув-

ствовал, что в меня вошла сила Божия, во все поры, жилы, кости. Взяла и вылила из меня нечистоту.

Трудно описать мое удивление и радость. Я не ожидал ничего подобного, я это и вообразить себе не мог. Так вот, оказывается, почему эти бабушки ходят в храм — здесь грехи прощаются Богом, а я и не знал! Это прощение свыше, от Бога, его ощущаешь не только душой, но и телесно.

Рука уже сама совершает крестное знамение, легко, свободно. Нет ложного стыда, что тебя увидят знакомые и осмеют. Молитва изливается сама: «Боже, не обличи меня, не посрами...». Крестное знамение уже совершается само, истово, спокойно.

«Но ведь нужно еще идти к Причастию», — со страхом подумал я.

Я направился к царским вратам и встал в очередь к чаше. «Господи, не посрами меня», — мысленно взывал я к Богу, чувствуя страх перед первым в жизни Причастием. Первым в сознательной жизни, ибо наверное при крещении в младенчестве меня причащали.

Когда я подходил к Причастию, я не чувствовал своих ног, но колени дрожали.

Причащается раб Божий... тела и крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную.

Со страхом я принял в уста свои Божественную капельку и частицу Тела Его и, как будто током, благодатью меня пронзило всего, от тмени до пят.

Кого хоть раз било электрическим током, поймет меня. Именно, как Божественным током, прожгло меня всего сверху донизу, от головы до ног, сквозь кожу, сквозь плоть и кости. Как током, только не больно, а сладостно, приятно, блаженно. Я ощутил райское блаженство не только в душе, а во всем теле. Я узнал своего Творца, Его присутствие. Это Его сила. В это мгновение я стал верующим.

Я стоял, как на воздухе, или на облаке. Вокруг меня не было просто людей, а были мои братья и сестры, отцы и матери. Это так просто: ведь у нас один Отец. Каждого из них окружал свет — свет вокруг голов, плеч, тел. Свет окружал чашу с Божественными дарами. Свет исходил от священника. Свет шел из алтаря. Свет от каждой вещи в храме. Свет окружал и меня, я чувствовал свет внутри.

Я уже не чувствовал тела своего, не видел и не слышал ничего земного. Это было небо. И я был на небе.

— Иди, запей, — сказали мне сочувственно, видя, что я не в себе. — В первый раз всегда сильно бывает.

Да, после Причастия запивают особенною водою, иногда ее называют теплотою.

Я запил эту воду, съел кусочек просфоры или благословенного хлебца, который мне предложили. И, повторяю, с этого мгновения, с этого часа, с этого дня я стал новым человеком.

Я вышел из храма, как будто спустился с небес. Царствие Небесное пришло на землю. Блаженство, огненное счастье. Мне казалось, что войны на земле не будет. Никаких драк, ссор, ругани, никакого зла никому не будет вовек. Отныне новая жизнь.

Придя домой, я не знал, что мне делать. Блаженство, дарованное в Причастии, не покидало меня. Любовь к Богу была светлейшей, чистейшей — ведь Христос простил мне грехи. Я вышел на улицу, чтобы сообщить своим друзьям новость: есть Бог. Он находится везде, но живет Он в храме, Бог прощает грехи, действительно, а не мнимо. Я хотел поделиться с друзьями этим божественным богатством.

Владимир Губанов. Православные чудеса в XX веке.
Свидетельства очевидцев. Выпуск № 3

ДЕРЕВО, РАСТУЩЕЕ КОРНЯМИ В НЕБО

В августе 1991 года мой духовник благословил меня съездить в Пюхтицкий монастырь в Эстонии.

— Ты ведь в Пюхтицах не был?

— Нет, батюшка, ни разу.

— Ну вот и съезди. Курить-то не бросил еще?

— Нет пока. Хочу все бросить, но пока не получается.

— Вот там и бросишь. В источнике искупаешься — там такая благодать! Езжай с Богом!

Рано утром заехал в храм, взял у батюшки еще раз благословение и с маленьким рюкзачком за плечами вышел на Таллинскую трассу. Доехал, как на крыльях долетел, — попутки сами останавливались. Союз тогда еще был «нерушимый», виз никаких не надо было, долларов тоже.

Нарва, Йыхви, Куремяэ... Немного пройти от автобусной остановки и на мощеном булыжником взгорке видишь дивный Пюхтицкий монастырь, возлюбленный Божией Матерью монашеский улей.

До начала всеобщего бдения оставалось еще достаточно времени, чтобы устроиться на постой в гостинице, расположенной за оградой обители. В одной половине ее размещались мужчины, в другой — женщины. Командовала всем тогда решительно-радушная матушка Олимпиада, бывшая, по слухам, генеральской вдовой, за что и получила за глаза от бывалых паломников почтительное прозвище Генеральша.

Общество на мужской половине собралось для глаза светского человека достаточно коло-

ритное. Коренастый рыжий послушник из Печор, лет на вид сорока пяти, с косой до пояса и густой бородой, в потертом подряснике с монашеским ремнем и массивных очках, производил впечатление бывалого монастырского человека. Он охотно делился своей монастырской премудростью со всеми желающими, так что вокруг него собралось целое общество интересующихся монашеским житием.

Подобный кружок собрался и вокруг странника Христа ради, высокого седого старца, точь-в-точь похожего на Льва Толстого, только хорошего, покаявшегося, с кроткими глазами под нависшими прямыми бровями великого мыслителя. Лоб высокий, в морщинах, окладистая борода, под нею — большое распятие прямо поверх белого подрясника. Он был туговат на ухо и, сидя на кровати, с замечательной простотой и умилением пересказывал почтительно слушавшим его паломникам какие-то предания.

Ударили в колокол, все засобирались в храм. Служил высокий, с черными с проседью волосами, величественный красавец отец Сергей. Несколько иереев исповедовали народ. Сестры пели легко и ладно, отчего довольно долгая служба не казалась утомительной.

В гостиницу возвращались уже в теплых и влажных августовских сумерках. Здесь, ко-

нечно, опять начались паломнические разговоры — были, чудеса, разные случаи и рассказы «пользы духовной ради». На этот раз в центре внимания оказался мужчина из Питера, по виду похожий на инженера, лет так пятидесяти пяти. Скромный коричневый пиджак, лицо чуть смуглое, выющиеся темные, с изрядной седой волосы зачесаны назад, средних размеров борода, очки. Он сидел на койке напротив послушника, оживленно вставлявшего время от времени в его рассказ свои вопросы и немногосложные комментарии. Остальные, собравшись в кружок, внимательно слушали их разговор.

— Мы в то время жили на Украине, на границе с Россией, рядом была уже Курская область. Это был 1943 год. Я тогда был, конечно, еще мальчишкой. Наше село сожгли немцы, мы переселились в другое. Половина его выгорела во время боев, половина осталась, нам там дали хатку. Ни электричества, ни радио, конечно, не было. Мы были, по сути дела, отрезаны от всего мира и не знали, что происходит в данный момент на фронте. Мы могли только догадываться о том, насколько близко к нам линия фронта, по дрезине, ходившей по пролежавшей рядом с нашим селом узкоколейке. Если дрезина ушла и вернулась, положим, через час, значит, линия фронта от нас примерно в полчаса ее езды. Дрезина заменяла нам

сводки о положении дел на поле боя. В то время как раз шли приготовления к знаменитой Курской танковой битве, но мы, конечно, знать тогда этого не могли. Но однажды произошло вот что. Заходит в хату отец и говорит маме: «Мать, иди на улицу, посмотри, что там! И вы тоже идите!» — это уже нам, детям. Мы выходим все гурьбой на улицу, отец протягивает руку и говорит: «Вот, смотрите!». Мы думали, он зовет нас смотреть дрезину. Смотрим по направлению его руки, но дрезины никакой там нет. Мы поднимаем взгляды выше и вдруг видим, что по небу ходит человек!

Я думаю теперь, папа специально не сказал нам, на что он зовет нас смотреть. Он боялся, видимо, что это у него галлюцинация, а у галлюцинаций, как известно, такое свойство, что они могут быть и коллективными. Если бы он сказал: «Вот, смотрите — по небу ходит человек!» — нам могло бы передаться его психическое состояние, и мы также могли бы стать жертвой зрительного обмана. Но папа не случайно не стал говорить нам, что именно мы должны были увидеть. Если бы это была просто его галлюцинация и мы ничего такого не увидели бы, он мог просто сказать, что позвал нас смотреть дрезину, но она уже прошла и дело с концом. Но мы-то действительно увидели на небе человека, как и он! Собралась вся деревня, принесли трофейные

«цейсовские» бинокли, которых тогда много после немцев осталось. В бинокль было хорошо видно, как ходит по небу человек в черной монашеской одежде, седой, с крестом на груди. Ходит и кадит. Ходил он так довольно долго. Потом повернул в сторону России и ушел, постепенно превращаясь в маленькую черную точку, а затем и совсем исчез из виду, так что даже в бинокль нельзя было его различить. Как я уже после узнал, было это как раз накануне решающей танковой битвы на Курской дуге.

Кончилась война, я уехал в Питер, окончил школу, институт. И там и там было обычное атеистическое воспитание. Сдавал даже «Научный атеизм». Учили, что Бога нет. Но я-то уже знал, что это неправда, я помнил хорошо того человека в небе в 43-м году.

Я рассказывал иногда некоторым людям этот случай из моего военного детства. Однажды я рассказал его молодым ребятам у себя на работе. Через какое-то время они приносят мне воспоминания одного генерала, участника Курской битвы, и я читаю там удивительную вещь! Оказывается, перед началом битвы был такой момент, когда немецкие танки были уже готовы к бою, а наши еще только привезли по железной дороге, и они стояли неразгруженные на железнодорожных платформах. Немцам надо было только подъехать и расстрелять всю нашу технику в упор,

прямо на станции. Но в течение 40 минут ни одна немецкая машина без всякой видимой причины не смогла завестись! Этому времени как раз хватило, чтобы выгрузить наши танки, построить их в боевом порядке и начать величайшее в истории танковое сражение, где мы одержали решительную победу! Прочитав это, я понял, что же значило мое детское видение накануне этой битвы.

— А кто же был это человек на небе? — спросил кто-то из присутствующих.

— Мы много думали об этом с о. Алипием, наместником Псково-Печорского монастыря, и пришли к выводу, что это был преподобный Сергей Радонежский, Игумен земли Русской, молитвами которого Россия спасена и в Смутное время, и в 1812 году и в тот час также явившийся ее заступником.

— А Вы, значит, знали отца Алипия? — поинтересовался рыжий послушник.

— Да, знал. Мы познакомились и даже сдружились с ним благодаря нашему общему интересу к иконописи и живописи вообще. Я в то время работал с художниками-реставраторами, и мы часто и подолгу общались с отцом Алипием. У него ведь тоже, кстати, очень интересная судьба.

Дело в том, что до войны о. Алипий был совершенно неверующим человеком, комсомольцем, окончил вуз. Родители же его были

очень верующими. Он их очень любил, был замечательно послушным и почтительным сыном. Когда началась война, его призвали офицером на фронт. На прощание мама дала ему небольшую иконку Божией Матери и сказала: «Сынок, когда тебе будет трудно, достань иконку, помолись Богородице — Она тебе поможет!» Хотя он и не был тогда религиозен, но из уважения к матери взял иконку и носил ее в кармане гимнастерки. Однажды он с группой своих солдат попал в окружение в лесу. Сам получил ранение. Положение очень тяжелое — вражеское кольцо сжимается вокруг них. Пробуют вырваться. Метнутся в одну сторону — там болото, в другую — оттуда слышна уже немецкая речь, немцы прочесывают лес. Тут-то о. Алипий и вспомнил матушкин наказ. Отстал немного от своих солдат, достал из кармана иконку и стал молиться: «Если Ты есть — помоги!» Помолится так, возвращается к своим, а рядом с ними стоит старушка. «Что, заплутали, сынки? Пойдемте, я вам тропочку покажу!» И скоро так пошла сама впереди. Через какое-то время встала, ручку протянула вперед и говорит: «Слышите русскую речь? Вот туда и идите!» Солдаты обрадовались, бегут вперед на родные голоса, а о. Алипий отстал опять и говорит старушке: «Ну, мать, не знаю, как тебя и благодарить!» А «старушка» ему в ответ: «А ты мне еще всю жизнь свою служить будешь!» — и пропала, как

будто и не было! Тут только он понял, что это была за «старушка»!

— Потом что же?

— А потом он в конце войны опять был ранен, попал в госпиталь. Госпиталь был в Загорске, при Троице-Сергиевой Лавре. В конце войны ее уже стали частично возвращать Церкви. Пока о. Алипий лежал в госпитале, он много думал о жизни, вере, обо всем, что с ним произошло. Когда пришло время выписываться, его спросили: «Куда вам писать направление, куда поедете?» Он подумал и говорит: «Я теперь, пожалуй, на другую половину Лавры пойду!» И стал монахом. Действительно, оставшуюся жизнь служил Божией Матери, долгие годы был наместником Ее Святой Успенской Псково-Печерской Лавры. Много понес в своей жизни скорбей. Служить пришлось в тяжелые годы, отстаивать Лавру в то время, когда всюду при Хрущеве закрывали монастыри...

Рассказчик умолк. Время было уже позднее. Утром надо было довольно рано вставать к Литургии, и усталые паломники стали расходиться по своим местам укладываться спать, полные впечатлений от услышанного.

Мне вспомнился один давний эпизод, который я запомнил, но осознал много позже. Когда-то мне довелось работать на юге Псковской области, на самой границе ее со Смолен-

щиной и Белоруссией. В тех местах пролежала та самая Смоленская дорога, которой шел некогда брать Москву Наполеон. На сельском придорожном кладбище мы видели огромную старую сосну. Это было (а может, есть и до сих пор, не знаю) совершенно удивительное дерево. Там, где у обычных деревьев крона, у этого тянулись к небу корни. Дерево было живое. Снизу его мощные корни крепко держались за землю, сверху они, похожие на старческие узловатые пальцы, вросли в синеву, а посередине, как и положено, шумели ветви. Как-то мы спросили одного из местных жителей об этом кладбищенском чудо-дереве. В ответ мы услышали старинное местное предание, относящееся ко времени Отечественной войны 1812 года.

Когда здесь проходил Наполеон, некто предсказал ему скорое возвращение по той же дороге туда, откуда он пришел. Рассмеялся на это гордый предводитель двенадцати языков, вырвал случившуюся при дороге маленькую сосенку, воткнул ее верхушкой в землю и сказал: «Это невозможно! Это так же невозможно, как невозможно этому дереву расти корнями вверх!»

Но невозможное у человека возможно есть у Бога. Объявивший себя богом, искатель славы Александра Македонского бежал, как известно, туда, откуда пришел, по той же самой разоренной Смоленской дороге, гонимый русскими войсками, а паче предводимым преп. Сергием

Воинством Небесным. А у дороги растет корнями вверх могучая сосна.

И думается мне, что это — образ. Образ всего нашего народа, вросшего корнями в Небо, образ непонятный для «галла дерзновенного» и иже с ним, непонятный для тех, кто привык тянуть корнями лишь темные соки жирной сырой земли, тех, кто не имеет корней в синеве Неба. А наши корни там. Там Господь в Силах, там Мать Божия, святитель Николай, игумен Земли Русской Сергей и многие, многие сонмы всех праведных наших сродников, угодивших Богу жизнью и кончиной стяжавших дерзновение в молитве к Нему.

Их молитвами для нас открыто Небо, лишь бы не отпасть от этой живительной силы, без которой мы умираем и умрем совсем как народ, если не осознаем, что корни наши — в Небе.

Русь Святая! Храни веру Православную, в Ней же Тебе утверждение!

А. В. Трубин. «Русский дом» № 9, 2001

КАК Я ПРИШЕЛ К ВЕРЕ В ИИСУСА ХРИСТА

Моя история берет начало в России, стране, где я родился и вырос. Хотя я гражданин Российской Федерации, вырос я в мусуль-

манской семье. Мой родной язык принадлежит к группе тюркских языков, и у моей нации богатое наследие. Исламские корни моего народа — большая часть этого наследия. Ислам пришел на нашу землю в десятом столетии. Хотя несколько последующих веков мы были частью России, мы не утратили свое национальное самосознание, и все еще гордимся нашим богатым наследием.

Когда я рос, коммунистические идеи были еще сильны в России, и люди не только не исповедовали ислам открыто, но и не говорили о нем. Единственными мусульманскими обычаями, которые я видел у нас дома, были ежедневные молитвы моей бабушки и воздержание от свинины. Поэтому в то время я не ассоциировал себя с исламом. Напротив, я считал себя убежденным атеистом и верил, что Бога не существует. Я все еще помню, как я лет в семь-восемь пытался прервать молитвы моей бабушки, потому что находил их глупыми и смешными.

Мои убеждения менялись по мере моего взросления. Первое, что побудило меня задуматься о существовании Бога, был страх смерти. Мне было около десяти-одиннадцати лет, когда я впервые осознал, что когда-нибудь умру. Лежа в постели ночью и борясь со страхом смерти, я чувствовал, что должна существовать загробная жизнь, и медленно прихо-

дил к мысли, что Бог, возможно, существует. Однако здесь я остановился и продолжал жить как неверующий, самонадеянно полагая, что Господь позволит мне жить вечно просто потому, что я знаю о его существовании.

В старших классах я стал интересоваться своим мусульманским наследием. Я прочел пару книжек про ислам, которые объясняли его основные правила. Естественно, поскольку я рос в мусульманской семье, я стал называть себя мусульманином. Как бы то ни было, я не почувствовал больших перемен в моей жизни после этого. Интересно, что в то же самое время я познакомился и с христианством, читая русскую литературу и Библию, которую дал мне мой друг. Но мысль о том, чтобы стать христианином, даже не приходила мне в голову. Получив русский Новый Завет от моего друга, я нашел эту книгу интересным чтением, но не более того. Не думаю, чтобы я вообще понял, в чем там была главная мысль. Да меня это особенно и не волновало.

После поступления в университет, я проучился около двух лет. Это было время, когда в моей жизни произошли большие перемены. С ранних лет я всегда интересовался наукой. Математика, физика, химия, компьютеры — вот были мои любимые предметы. Я также мечтал о том, чтобы получить диплом физика в Америке, так как физика была моей стра-

стью. На втором курсе я подал документы для получения гранда на обучение в США — и был принят. Для меня это было чудом! Осенью 1993 года началась моя учеба в Штатах.

Отрыв от семьи и всех, кого я знал, дал мне возможность поразмыслить о том, кто же я такой. Весьма интересно, что моим соседом по комнате оказался христианин. Однажды он спросил меня о моей религии, и я ответил, что я мусульманин. Он спросил меня, во что я верю, и я рассказал ему кое-что из того, что знал об исламе. В какой-то мере я чувствовал неловкость оттого, что так мало знал о вере мусульман. В то же время, я знал некоторые правила, указывающие мне, как жить, и сосед убедил меня, что моя жизнь не соответствует тому, что, как я верил, повелевает мне Бог. В течение этого года, продолжая размышлять над смыслом своего существования, я чувствовал сильное желание сделать так, чтобы моя жизнь отвечала моим идеалам. У меня появилась сильная тяга к познанию ислама и стремление жить по моей религии.

Летом 1994 года, гуляя по студенческому городку, я увидел объявление о занятиях по изучению ислама. Эта тема предлагалась в нашем колледже Ассоциацией студентов-мусульман (MSA), и я загорелся возможностью узнать о моей религии побольше. Я пошел в этот класс, и мне понравилось то, что я там услышал. После

занятий я подошел к одному из парней, который оказался директором MSA, и спросил его, что я должен делать, чтобы считаться истинным мусульманином. Он объяснил мне основы намаза, чтения Корана, пятничных молитв, и я с восторгом принял все, что услышал. Наконец-то я не только мог называться мусульманином, но и следовать религии в повседневной жизни. Я узнавал все больше и больше об исламе, будучи частью мусульманской общины и пытаюсь подчинить свою жизнь Богу.

Тем летом, когда я приехал на месяц повидать свою семью, все были приятно удивлены, увидев изменение, произошедшее в моей жизни. Никто во всей нашей большой семье не мог припомнить ни одного мужчины, когда-нибудь творившего намаз либо посещавшего пятничные молитвы! С течением времени я прилагал большие усилия к изучению ислама и росту моей веры. Я постоянно совершал намаз, ежедневно читал Коран в переводе, принимал активное участие в деятельности MSA, Исламского Круга Северной Америки (ICNA) и местной мусульманской общины. Я был в восторге от осознания себя мусульманином. Для меня это стало стилем жизни.

Также мне очень нравилось рассказывать другим об исламе. Делиться с другими своей верой стало для меня одним из главных приоритетов. Я регулярно участвовал в «дава» (про-

поведях) ICNA и MSA и рассказывал об исламе своим друзьям. Некоторые из моих собеседников оказывались христианами. Я был искренне убежден, что они заблуждались, поскольку не верили, что Мухаммед был пророком. Хуже всего, они верили, что Иисус был Сыном Бога. В то время я был уверен, что все христианство заключалось в вере в Троицу. Я не сомневался, что все христиане повинны в «отступничестве» — самом страшном и непростительном грехе — и я очень хотел, чтобы они познали истину. В спорах со мной христиане задавали множество интересных вопросов. Чтобы найти ответы, мне приходилось общаться с другими много знающими мусульманами, читать мусульманскую литературу, переписываться по вопросам ислама, слушать дебаты таких людей, как Ахмед Дидат и Джамал Бадави. В большинстве случаев я был в состоянии дать ответ на вопрос без большого труда, а сам зачастую ставил христиан в тупик своими вопросами. У меня был список видимых противоречий из Библии, доказательства подлогов, истории преследований христианами в средние века, примеры коррупции католической церкви и несогласия между христианами — и этот список все увеличивался. Я был совершенно уверен в заблуждении христиан, не понимая, как они могут верить во что-то настолько непоследовательное и настолько очевидно ложное.

Как бы то ни было, мне не доставало информации для ответа на один вопрос, задаваемый христианами. То был вопрос о смерти и воскресении Иисуса. Я знал, что, согласно моей мусульманской вере, Иисус не умер на кресте, а всем это лишь показалось. Я верил, что христиане заблуждались, а записи в Новом Завете были подделаны теми, кто извратил истинный смысл Евангелия. Также я верил, что когда-то в прошлом были настоящие христиане, верившие, что Иисус не был распят, верившие, что его смерть никак не была связана со спасением людей, и не верившие, что Иисус был Сыном Бога.

Однако, узнавая о христианстве все больше, я обнаружил, что краеугольным камнем христианской веры является не Троица, но смерть Иисуса на кресте. Я узнал, что, по христианскому учению, Иисус своей смертью оплатил все грехи всех людей, когда-либо живших и когда-либо будущих жить на земле. Когда я открыл это, то был несколько удивлен, потому что этот основополагающий момент христианской веры отвергался исламом, имел громоздкие и пространные объяснения и много различных интерпретаций. Вдобавок к этому каждый мусульманин, желавший изучить этот вопрос, серьезно предупреждался, и таким образом терял всякую охоту к беспристрастному исследованию фактов, касаю-

щихся смерти Иисуса. Я также заметил, что не так уж и много написано в мусульманской литературе об этом конкретном вопросе. Казалось, что ислам просто отрицает центральное положение христианства, не рассматривая его.

Хотя открытие этого факта несколько озадачило меня, я не собирался изменять своим верованиям. Я не был во всем разочарован, потому что был твердо убежден, ислам — истина и путь жизни. Я предполагал, что если бы я изучал историю, то смог бы доказать, что христиане заблуждались в своей вере в то, что Иисус действительно умер на кресте. Я решил провести исследование по истории раннего христианства (первое столетие, до того как различные еретические учения могли его исказить). Таким образом я смог бы доказать христианам, что они следуют фальшивой религии, основанной на лжи.

Однако чем больше я узнавал об истории раннего христианства, тем в большее замешательство я приходил. Несмотря на очень упорные поиски, я не мог найти ни одного свидетельства о действительно «истинных» христианах. Из того, что я нашел, все ранние христиане, даже заклеянные «еретиками», верили, что Иисус Христос умер на кресте за грехи человечества, и это было, конечно, центральным пунктом христианской веры. Действительно существовали некоторые разногласия между

ранними христианами и некоторыми христианскими сектами, заклеяменными «еретическими», и т.д. Как бы то ни было, несмотря на это, я не смог найти свидетельства ни одной христианской секты, которая бы не верила, что Иисус Христос умер на кресте. К тому же, я не нашел ни одного свидетельства христианской секты, которая верила во что-нибудь похожее на мои представления об «истинных» христианах, в соответствии с тем, что я узнал через ислам.

По мере моих дальнейших исследований, я открыл, что пророки Ветхого Завета предсказывали пришествие Мессии. Эти пророки говорили, что он будет сыном Давида, будет страдать за грехи человечества и будет назван Эммануил («Бог в нас»). Я не хотел считаться с этими пророками, но это мне давалось с трудом, так как я знал, что эти пророки не могли быть выдуманы христианами, ведь они жили за сотни лет до рождения Иисуса. Я также искал свидетельств подлинного «Инджила» — истинного Нового Завета, предположительно данного Богом Иисусу, но я не мог найти подтверждений, что он когда-либо существовал. Все, что я сумел отыскать, были фальшивки, написанные задолго после первого столетия. Факты, казалось, указывали на то, что Евангелие было Благой Вестью, которую Иисус провозгласил, и это послание было позже за-

писано его апостолами и последователями в Новом Завете. В этих записях его апостолы неоднократно упоминали, что Иисус предсказывал свою смерть и воскресение, и подчеркивали значимость этого. Эта определенность его смерти и огромная важность того, что она несла, находилась в явном противоречии с тем, во что я верил. Если Иисус действительно умер на кресте за грехи человечества, то я тоже должен поверить в него и его смерть, если я хочу спастись от огня геенны. Это является непреложной истиной христианской доктрины.

Я был испуган своими сомнениями и поделился с людьми, которые, как я думал, были компетентны в этом вопросе. Меня напугало, что большинство моих довольно умных друзей-мусульман никогда даже не задумывались об этом вопросе или же не пытались разобраться в нем досконально. Те, кто пытался, не замечали, кажется, несколько очень очевидных моментов, которые были в противоречии с их интерпретацией. Казалось, что большинство мусульман, которых я знал, предполагали, что христианство ошибочно просто по определению, и затем подыскивали свидетельства, которые помогали им продолжать верить в то, во что они хотели верить. Я начал замечать, что многие аргументы, доказывающие ошибочность христианства, далеко не последовательны.

Мне не нравились мои сомнения, и я молил Бога удалить их и прояснить мне все. Некоторые сомнения покидали меня на некоторое время, но всегда возвращались вновь. Я продолжал исследования, разговаривая с людьми, пытаясь найти неопровержимые свидетельства истинности того, во что я верил. К сожалению, мои поиски приводили к открытиям, противоположным моим верованиям. В 1998 году, после двух с половиной лет размышлений и поисков, глубокой внутренней борьбы и молитв, я понял, что не могу больше оставаться мусульманином. Факты, которые я открыл, были слишком очевидными, чтобы с ними не считаться. Это решение далось мне не просто, так как я действительно хотел оставаться в исламе, но я чувствовал, что у меня нет другого выбора, потому что я видел, что больше не верю в то, что утверждаю.

Однако, в тот момент, когда я перестал быть мусульманином, христианином я не стал. Я стал агностиком, который верил, что Бог существует и правит миром, и что существует истинная вера, созданная им, которой я и должен следовать. Я просто не знал, которая из них правильная. Быть «религиозным агностиком» было не просто, так как я знал, что в соответствии и с исламом, и с христианством, я должен был отправиться в ад, потому что не верил ни в одно из этих учений.

Я провел следующие полтора года, молясь и взывая к Богу, умоляя открыть мне, какой вере следовать. Это было очень болезненно, потому что я хотел исполнять Божью волю, но не знал, в чем же она была.

Все изменилось 28 февраля 1999 года. К тому времени я продолжал исследование по сравнению двух религий, я прочел Ветхий и Новый Завет и изучил христианскую теологию. Как бы то ни было, я все еще оставался религиозным агностиком. Один мой христианский друг пригласил меня на службу в свою церковь. Я просто сидел там, наблюдая, что творилось вокруг, когда почувствовал необходимость подумать о себе. Я начал думать о вещах, которые я знал. К тому времени я достаточно хорошо изучил христианство, чтобы прийти к убеждению, что Иисус действительно является обещанным Мессией; что было достаточно свидетельств, указывающих на то, что он был распят и воскрес из мертвых; что источник христианской веры был в его воскресении, а не просто в его учении; что никогда не существовало написанное "евангелие", но что Новый Завет, как мы знаем, и есть Евангелие, известное в истории; что Иисус был несомненно Сыном Божиим, и что между ним и Богом существовали особенные отношения; что Троица была только логическим объяснением того, что записано в Новом Завете, и что учение о Трои-

це было логичным и не противоречивым, как волново-частичная двойственность законов физики была только правдоподобным и тем не менее невероятным и на вид противоречивым путем объяснить мир. Когда я думал об этих вещах, я стал удивляться, почему же я не христианин. Я представил себя, блуждающим по пустыне и ищущим Бога. Я чувствовал, что после долгих поисков я наконец нашел в пустыне город, где, я знал, был Бог. Я хотел войти в этот город, но не мог, потому что его окружали высокие стены, и все ворота были закрыты. Я чувствовал, что использую все свои возможности, чтобы перепрыгнуть через стены или пройти сквозь запертые ворота, но все мои усилия были тщетны. В своем воображении я видел себя сидящим под стеною, уставшим и разочарованным. Я взывал к Богу, и обещал сделать все возможное, чтобы найти его. Я старался найти истинную веру, используя весь мой интеллект, но не мог. Я просил Бога прийти и спасти меня, если он хочет, потому что я не могу этого сделать своими собственными силами. В этот момент я заплакал. Когда я плакал, я вдруг почувствовал необычное присутствие Божьей любви, как будто бы он говорил мне, что я — его, что он будет любить меня и заботиться обо мне весь остаток моих земных дней и после. Я чувствовал, что нахожусь в присутствии Божиим, и что он лю-

бит меня и заботится обо мне. Это было восхитительное чувство, и облегчение, которое я испытал, было потрясающим. После окончания службы, будучи скептиком, я не принял немедленного решения стать христианином. Я хотел подумать о себе и о своих убеждениях, я хотел понять, что же произошло. Как бы то ни было, после размышлений о своей жизни и вещах, которые я изучил, я решил принять христианство.

Прошло почти два с половиной года с того дня, и моя жизнь существенно изменилась. Я видел, как росла моя вера, видел работу Бога в моей жизни. Не могу сказать, что мне было легко все это время, но я чувствовал, что с каждым днем все больше и больше я познаю, как ходить с Богом. Было трудно столкнуться с жесткой реакцией моей семьи, разочаровать маму и брата. Как меня, так и мою семью, глубоко огорчило понимание того, что убеждения моей семьи отличны от моих. Однако, я чувствовал, что Бог открывает мне все больше и больше о любви к родным, поскольку они — моя семья; также я стал молиться, чтобы они смогли повстречать Иисуса и принять его как живого Бога. Было также тяжело видеть изменения в отношениях с моими мусульманскими друзьями. Я все еще с радостью вспоминаю те дни, когда я был с ними, как мы молились и постились вместе, и говорили об исламе. Я по-

прежнему люблю своих друзей-мусульман и забочусь о них и о моих родных, и я также желаю, чтобы они прошли мой путь и исследовали христианство как я — без пристрастий и предубеждений, без отрицания его, не попытавшись разобраться, в чем же смысл христианской веры.

В то же время я чувствовал, что Бог изменяет меня с того момента, как я решил стать христианином. Чем больше я узнавал о христианстве, тем больше я убеждался, что сделал правильный выбор. Я видел глубокую приверженность, искреннее желание служить Богу и стремление пострадать во имя его в жизни такого множества христиан, что я встречал. Я испытал также доброту, мягкость и глубокую подлинную любовь христиан. Я также узнал, что истинные христиане ненавидят грех и мерзость так же, как и набожные мусульмане, противостоя злу, которое производит современное секуляризованное общество. Я узнал, что на самом деле значит заботиться о ком-то и желать считать его интересы не ниже моих собственных — просто, как учил Христос. Я пришел к глубокому пониманию, что Бог заботится больше не о моих делах и том, что я делаю, а о моем характере, о моей внутренней жизни, и о том, как я отношусь к другим людям в своих мыслях или поступках... Я также знаю, что главное — это доверять Богу, и я

буду стараться жить в соответствии с его желанием, стремясь достичь святости и совершенства, которых он желает для меня.

Бог больше не удаленный создатель, который пристально наблюдает за моей жизнью, взвешивая мои плохие дела на одних весах с хорошими. Он, изначально Сущий, заботится обо мне лично и хочет моей полной приверженности ему. Он хочет, чтобы я полагался на него, на него одного, и он хочет, чтобы я рос духовно и становился все более похожим на него, чтобы свет его величия светил сквозь меня. Он хочет, чтобы я любил своих ближних и развивал глубокие взаимоотношения с другими людьми. И, самое главное, в каждый момент моей жизни он хочет от меня понимания, что он мой создатель, и благодарности за его бесконечную доброту, которую он являет всему человечеству и мне лично. Я надеюсь жить и далее в свете Его славы.

Фарид, www.answering-islam.org

ИСТОРИЯ ЧУДЕСНОГО СПАСЕНИЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ОТ ИСЛАМА В ПРАВОСЛАВИЕ

Я был рождён в мусульманской семье, и я являюсь потомком Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, «пророка» ислама, и четвертого халифа.

В юном возрасте я был одним из верующих мусульман, который выполнял все религиозные обязанности, от молитвы до поста и прочее. Я собирался стать имамом в мечети, подобно моему деду. Я начал изучать фикх (исламское право) и Коран, но после некоторого времени я почувствовал скуку, читая все эти книги и очерки. Я осознал, что есть много различий в исламе. Например, в Ираке (моя родная страна), есть много шиитов, и для суннита вроде меня было странным узнать, что существует кто-то, верующий иначе, чем я, но также считающий себя мусульманином. Таким образом, я решил изучать различные течения в исламе.

После того, как я прочёл очень много по этому предмету, я понял, что более близок мутазилитизм, чем любая другая точка зрения. Мутазилитизм — более разумно чем остальные течения, в том отношении, в котором он включает аргументацию и философию.

Я впервые в своей жизни стал непредубежденным. Постепенно я решил изучать другие религии. Я пытался проповедовать Коран некоторым молодым христианам, используя мое хорошее знание средств ведения дискуссии, и я создал проблемы для веры многих из них. Из-за этого их семьи обратились к священнику их церкви и просили, чтобы он пригласил меня посетить его.

Аргументированный разговор с ним был для меня очень трудным, поскольку он всегда отвечал на все мои сомнения и вопросы. В тот год, когда я познакомился с ним, он умер, но он сильно изменил мои мысли о христианстве. Тем не менее, Я все еще не верил в это.

После этого я стал смотреть на ислам новыми глазами, видя противоречия в нём, изучая его в сравнении с христианством. Однажды ночью во сне я увидел человека с бородой, говорящего мне:

«Сын, — спросил он меня, — почему ты нападаешь на Моих овец?»

Я ответил: «Кто Вы, Господин?»

Он ответил: «Иисус Христос».

Тогда я ответил на Его вопрос: «Я не нападаю на Ваших овец, Господин, я пытаюсь возратить ваших заблудших овец на прямой путь».

Он сказал: «Это ты — заблудшая овца, а Я — прямой путь».

Я проснулся со множеством вопросов: действительно ли я видел Иисуса? Он сказал, что я заблудший. Что это значит? Означает ли это, что христиане — правы и что я нахожусь на неправильном пути? Но это был всего лишь сон. Однако Мухаммед сказал в одном из хадисов: «Если вы видите пророка во сне, вы видите его истинно, поскольку сатана не может являться в виде пророка. Подчинитесь ему и выполняйте то, что он сообщает».

После небольшого времени смущения, я оставил обе религии и стал неверующим.

Около этого времени погиб в автокатастрофе мой отец (высокопоставленный офицер), мы тогда думали, что это был несчастный случай. Я продолжал жить своей жизнью, и поскольку я унаследовал от своего отца хорошее состояние, смог сделать много плохих вещей — тратя деньги на секс, спиртное, наркотики и все, что могло оказать мне удовольствие.

Но вот однажды я вновь услышал голос (я уже знал, что это был голос Иисуса), говорящий: «Выезжай из своей страны **НЕМЕДЛЕННО!**»

Этот голос был столь твердым и безапелляционным, что проснувшись, я принялся упаковывать в мешки свои вещи, и через несколько часов я был уже за пределами Ирака, отправляясь в свой материнский дом, находящийся в другой арабской стране.

Когда я уже сидел в самолете (что было в 1990 году, и Ирак еще не был под блокадой), я стал сомневаться в своих действиях и принялся обвинять себя в глупости. «Но зато, — сказал я наконец себе, — это позволило мне пораньше уйти в отпуск. Я могу поблагодарить Иисуса по крайней мере за это». И я улыбнулся своим злым мыслям о непотребных делах, которые я собирался совершать ради своего удовольствия в этой поездке,

Когда я приземлился в арабской стране, в которую путешествовал, я направился к дому моего деда. Там, я позвонил своей матери в Ираке и сказал:

«Мама, не беспокойся, — я погощу здесь некоторое время, а затем, вернусь домой».

Она ответила: «Даже не думай о возвращении — тебя ищет полиция!»

Зная, что я никогда не нарушал закон и не состоял ни в какой политической оппозиции, я воскликнул, потрясенный:

«Что??!! Что ты сказала?!»

Она ответила: «Они искали какие-то военные документы, которые, как они думают, прятал твой отец, и из-за них (как они сообщили), он и был убит. СЛАВА БОГУ, что ты уехал — они думали, что эти документы были у тебя. Они забрали твоих братьев (от другой матери), чтобы допросить их».

[Следует иметь в виду: моя мать была защищена в течение всего этого времени поскольку являлась арабской журналисткой, работающей с посольством своей страны, так что никто не мог задержать её для допроса без разрешения из министерства иностранных дел]

Я был потрясен. Я почувствовал головокружение. Я не мог себе представить, что такое могло случиться! Но если бы я был там, в Ираке, они стали бы пытаться меня, чтобы выбить признание, и, быть может, даже убили бы. Ка-

кую неожиданную опасность я избежал! Я никогда не представлял себе, что должен буду убегать ради спасения своей жизни. Никогда я не думал, что могу когда-либо оказаться в такой опасности.

Кто мог знать, что такое будущее ждёт меня?! Только Бог мог знать это! Так значит, Иисус — Бог?! Я был потрясен, почувствовал головокружение, мне стало не по себе... После нескольких часов, я, наконец, пришёл в себя из своего коматозного состояния, и начал молиться Богу, искренне прося, чтобы Он направил меня к истине.

После этого я мечтал снова услышать Иисуса, и Он сказал мне: «Я люблю тебя. Почему ты не любишь Меня так же? Приди ко мне, ибо у Меня есть замысел о тебе». Я проснулся со слезами. Он искал меня, а я пытался убежать от Него. Он захотел, чтобы я был с Ним, а я не был. Он спас меня от рук иракской машины пыток, и я сказал: «Я прихожу к Тебе, Иисусе, даже если это будет стоить мне жизни».

В этот момент Он вошёл в мою жизнь и стал моим Господом и Спасителем. Я действительно был омыт Его Чистой Кровью и стал другим человеком, я испытал радость и мир и стал одним из возрождённых Его милосердием.

Единственной земной озабоченностью для меня оставалось то, что я не располагал собственными средствами к существованию, так

как я оставил своё состояние дома, и, к несчастью для меня, иракские власти конфисковали всю мою собственность.

Но Господь показал мне, что я не должен доверять материальному богатству. Во всяком случае, по прошествии нескольких месяцев Ирак захватил Кувейт, и иракский динар, который был официально 3 доллара, на черном рынке резко упал до 30 центов. Большая часть богатства, что я унаследовал от своего отца, была в иракской валюте, и я хранил её в банке когда жил в Ираке. Если бы я всё ещё находился в Ираке в течение кризиса в Персидском заливе, тогда вместо \$300 000 у меня осталось бы только \$300!! Благодарение Иисусу, показавшему мне, что я могу зависеть только от Него, в том числе и в житейских вещах. От этого я получил утешение.

После долгого периода времени в стране моей матери, где я свидетельствовал о Иисусе, экстремистская исламская группировка обнаружила моё отступничество от ислама. Они держали «суд веры» о мне и приказали, чтобы я раскаялся и вернулся к исламу, или они должны будут убить меня как мурттада (то есть, «отступника»). Они дали мне два дня, чтобы принять решение.

Я попытался пойти в полицию для защиты, но полиция арестовала меня как ведущего деятельность против ислама и нарушающего

общественную безопасность. Они поместили меня в тюрьму и начинали допрашивать, спрашивая о моём обращении и о миссионерах.

Я был счастлив, что не был ещё окрещён, поскольку они допытывали меня следующими вопросами: «Были ли Вы когда-либо крещены?!» «Кто крестил Вас?!» «Какую церковь Вы посещали?!» «Кто евангелизовал Вас?!»

Один иностранец в итоге помог мне, добившись, чтобы они в конечном счете выпустили меня и приказали, покинуть страну в течение нескольких суток. Бог помог мне достать визу в безопасную страну, и Я оставил страну своей матери в тот срок, который они мне дали.

Теперь я ищу приют в безопасной стране, так что прошу молиться за меня, и прошу также молитв о моей матери, она все еще мусульманка, и я не знаю, когда увижу её снова. К несчастью, я её единственный сын.

Да благословит вас Господь, и да направит Вас к истине.

Афанасиос Абд аль-Рахман

ЧУДЕСНЫЙ СЛУЧАЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ С ТОГО СВЕТА

Случаев «жизни после смерти», когда человек в состоянии клинической смерти видит потусторонний мир, учеными медиками

записано великое множество (см., например, известную книгу доктора Моуди). Но описаны они с научной точки зрения — сами по себе, без связи с судьбой человека. А ведь Господь открывает этот неведомый мир не просто так, не для удовлетворения нашего любопытства. Каждый такой случай связан с жизненными обстоятельствами, несет определенный смысл. Господь как бы предупреждает, вразумляет... Вот один из случаев.

Насретдинов Джемилъ Маратович попал в аварию 30 октября 1995 года, когда о смерти даже и не думал. Ему было только 29 лет. Занимался коммерцией, всегда имел при себе деньги, жил на широкую ногу. Веселые компании, развлечения, выпивки, автомобили... С детства наделенный от Бога недюжинными физическими и умственными способностями, он добивался всего очень легко. Успешно закончил школу, затем Рижский авиационный институт, получил специальность инженера-механика авиационных двигателей. Но после окончания института по своей специальности работать не стал. Еще в студенчестве познал, как, перепродав дефицитный товар, можно за раз «срубить легкие бабки». Нашел он таких же, как он, людей и создал свою фирму, дела резко пошли в гору. Вскоре «фортуна» переменялась, фирму пришлось закрыть, и решил Джемилъ «делать деньги» на перепродаже подержанных автомо-

билей. В Йошкар-Оле, где он жил с женой, покупал с рук автомобиль, устранял неполадки, перегонял его на север в Сыктывкар, и здесь, гостя у своих родителей, перепродавал машину по более высокой цене. Полученная разница позволяла и дальше радоваться такой жизни. Так, наверное, жил бы он так, если бы не авария. Случилась она, когда он пригнал очередную машину в Сыктывкар. За четыре года регулярных наездов к родителям здесь у него появились новые друзья, в основном из таких же как он ловкачей, занимающихся коммерцией и умеющих красиво жить...

В тот день с утра он поехал в Нижнечовскую тюрьму встречать освободившегося старого друга. Когда сел за руль своей «шестерки», к лобовому окну напротив его лица подлетела синичка и начала клювом стучать в стекло. Тогда он не придавал этому особого значения, только удивился, почему это синичка клюет по стеклу, когда на нем нет мошек? Лишь теперь понял, что она передавала, как он сам выразился, «привет с того света». Но тогда Джемиль в «тот свет» не верил, как и вообще в существование Бога, а верил только в свои силы. Да и не задумывался он об этом за круговертью жизни.

После встречи старого друга немного выпили. Вечером того же дня уже в другой компании распили бутылку «Посольской» на тро-

их и поехали на машине своего нового друга — Мурата — встречать его невесту. Чеченцу Мурату было всего 24 года. В тот день он начал пить еще с утра на рынке, где торговал «тряпками». После «Посольской» он уже был в приличном подпитии и попросил Джемиля сесть за руль. Но тот наотрез отказался. Пьяный он никогда не водил машину. В машине Джемиль сразу же уснул. И очнулся спустя три месяца на больничной койке.

Когда он спал, Мурат на бешеной скорости врезался во встречный автобус. От машины уцелели только два задних колеса, тело водителя пришлось расчленить на части, чтобы достать из-под груды искореженного металла. А Джемиля Господь сохранил, — видно, не пришел ему срок, какое-то дело на земле осталось недоделанным. Но об этом позже... Опытные шоферы, видевшие искореженную машину, не верили, что в ней мог кто-то остаться в живых. Но Джемиль еще дышал. В считанные минуты приехала «скорая», отвезла его в Эжвинскую больницу, где ему сразу же оказали оперативную помощь.

Вот что рассказал мне лечащий врач Джемиля Юрий Николаевич Нечаев: «Поступил он едва живой — тяжелая черепно-мозговая травма, травма грудной клетки и легкого, переломы ребер, ключицы, конечностей и многочисленные травмы по всему телу. Сам он дышать

не мог, и мы долгое время держали его на искусственном дыхании. В момент кризиса на несколько минут останавливалось сердце, но с помощью электрошока его удалось вернуть к жизни. Месяц лежал в реанимации... Применяли даже оксигазотерапию, в специальной камере под давлением подавали чистый кислород, действием которого быстрее заживляются ткани. Были у него массивные пролежни, много раз приходилось их удалять, оголяя костную ткань, а счищенные места закрывать кожными пластинками. Положение казалось нам тяжелым...» Рассказ врача передаю столь подробно, чтобы дальнейшее было понятнее.

Вот что рассказал мне сам Джемиль:

«Уснул я в машине Мурата, а очнулся на оленьей упряжке. Вижу, везет меня какой-то мужик по тундре. Вокруг один снег. А мне холодно и я укрываюсь тулупом. Не помню, что со мной до этого произошло: как я попал в аварию, как меня привезли в больницу, как лечили, как умирал. Целых три месяца я находился без сознания. Но в видении, которое, очевидно, было после моей смерти, я откуда-то знал все, что со мной случилось. Не понимал я только того, что нахожусь на том свете. Я говорю мужику: «Вези меня в Ханты-Мансийск, у меня там жена». Жена моя работает в аэропорту, и я почему-то решил, что она сейчас в

Ханты-Мансийске. «Я, — говорю, — заплачу тебе, у меня есть деньги». И достаю из-за пазухи большие бумажки золотой фольги с лицами святых, с нимбами, как на иконах рисуют. Он меня повез, и мы долго-долго ехали по тундре. Наконец, подъезжаем к большому каменному зданию темно-серого цвета. «Вот, — говорит мужик, — аэропорт». А вокруг ни взлетной полосы, ничего нет, один этот «аэропорт» стоит посреди тундры. «Тебе, — говорит, — сюда». И показал на двери, а возле дверей стоят три каких-то человека.

Я зашел в зал ожидания, — вокруг мрачно и холодно. Посреди помещения стоят три или четыре ряда сидений и на них сидит около пятнадцати человек. Все сидят с мрачными лицами, чего-то ждут. Я прошел, прихрамывая, к стенке и лег на кушетку. Откуда-то знаю, что у меня нога сломана и мне нужна помощь. Я стал обращаться к сидящим людям. Сперва обратился к одной женщине. «Женщина, — говорю, — помогите мне, у меня нога сломана». Она повернулась ко мне, посмотрела исподлобья и снова отвернулась. Мол, отстань, не до тебя. Проходил мужчина, я к нему: «Мужчина, помогите мне, у меня нога сломана!» Он тоже посмотрел на меня, словно я у него машину украл, и прошел дальше. Потом ко мне подошел маленький парень, я ему: «Помогите мне, у меня нога сломана». Он говорит: «Пошли со мной!» — и повел

меня на второй этаж по узким коридорам. А в то время, когда мы пошли на второй этаж, там трое человек, которые стояли у входа, заходили по одному во внутрь... Потом я узнал, что когда лежал в реанимации, рядом со мной как раз умерло три человека — те самые люди, которые стояли возле дверей и потом заходили в «аэропорт»... Все люди в этом «зале ожидания», я видел, были в напряжении, сидели с серыми безжизненными лицами, словно живые покойники.

Следующее, что я запомнил — это был, наверное, суд надо мной. Все происходило здесь, на нашей земле. Как будто стоим мы втроем на лугу возле речки. Я возле желтой машины. Справа от меня молодой, современно одетый человек, а слева стоит еще один мужчина. Кто он такой, я не знаю, но откуда-то знаю, что его зовут Валера. Я рассказываю молодому человеку всю свою жизнь.

— У меня, — говорю, — очень нужная специальность, я закончил авиационный институт, я хороший специалист. Из-за беспорядков, которые творятся в стране, я вынужден заниматься коммерцией и гонять машины. На те 300–400 тысяч, которые мне платили бы за мою работу по специальности, я не могу прожить и прокормить семью. И еще неизвестно, когда в России наступит порядок, чтоб можно было честно зарабатывать свои деньги и жить нормально.

Тут он говорит мне:

— Пошли со мной.

А я ему:

— Как я пойду, если у меня пролежни?

— А ты, — говорит, — отдай их Валере.

Я снял с себя пролежни, словно это какие-нибудь штаны, и передал их третьему человеку, который стоял рядом с нами. А он взял и присоединил их к себе. И мы с молодым человеком пошли вниз к реке. Он показал мне собирать какую-то зеленую траву возле речки и после этого видения я очнулся уже в нашей жизни. Когда я окончательно пришел в сознание, с момента аварии прошло около трех месяцев, а у меня было такое чувство, что прошло всего несколько часов».

По признанию врачей и самого Джемиля, перелом в его состоянии наступил после того, как по просьбе родственников прямо в реанимационном отделении его окрестили. После этого он стал выходить из комы и начали зарубцовываться пролежни. А в это время Валера, который, как оказалось, лежал с Джемилем рядом в одной палате, начал весь гнить и вскоре умер. Хотя ничего опасного у него не было. Все врачи думали, что он вскоре поправится, а Джемиль умрет. А получилось наоборот. «Так вот получилось, — говорит вернувшийся к жизни человек. — Я благодарен тому, что попал к Юрию Николаевичу, прекрасному хирургу, что

за мной ухаживали мои мама, отец и сестра, и, главное, тому, что они меня окрестили и молились за меня. Я им всем очень благодарен».

С самого начала, как только он попал в больницу, все родственники собрались у его родителей. Сестра на время перебралась к ним жить. Жена, как только узнала об аварии, сразу же поехала за тысячу километров на попутках из Йошкар-Олы в Сыктывкар, даже не успев как следует одеться. Верующая тетка Галина (сестра матери) привезла к родителям Библию, молитвослов, свечи, иконки Спасителя и Божией Матери, целителя Пантелеимона. Все родственники в тот же день собрались в одной комнате и начали молиться за него, а потом, по предложению тетки Галины, еще строго постились три дня. И молились потом каждый день все вместе, хотя до этого никто, кроме тетки, в Бога по-настоящему не верил. А она постоянно заказывала в церквях и монастырях молебны о его здравии, ходила ко всем священникам и уговаривала их окрестить своего племянника, который находится при смерти. Из-за того, что Джемиль был в коме и сам не мог ничего решать, ей отказывали крестить его, боясь поступить против воли больного. И лишь о. Андрей Паршуков согласился. Он пришел в реанимацию и совершил церковное Таинство, дав Джемилю христианское имя Михаил. Крестины состоялись 21 ноября,

в Михайлов день. Во время Крещения, как все заметили, безжизненное тело начало содрогаться, словно в него входила жизнь. Отец Андрей на это сказал: «Будет жить! Но надо помнить, что на все воля Божия».

Трудней всего пришлось матери Джемиля (а теперь уже Михаила) Валентине Ивановне. Поздно вечером перед самой аварией, когда она находилась на кухне, на кухонное окно села синичка и начала стучать ей в стекло. Валентина Ивановна вспомнила, что это плохая примета и прогнала синичку. Та улетела, а потом опять прилетела и принялась снова стучать по стеклу. И тут на Валентину Ивановну нашла такая паника, что она ушла в спальню, бросилась на кровать и заплакала. В это время ее сын разбился. Через полчаса прибежала дочка и принесла эту страшную весть. В момент аварии она по счастливой случайности оказалась рядом. Видела разбившуюся машину и помогла привезти брата на «скорой» в больницу. Кто знает, может быть все эти счастливые совпадения, спасшие молодому человеку жизнь, все эти предостережения ему и его родным, и этот удивительный сон за гранью жизни, да и сама авария — лишь для того и попущены Богом, чтобы Джемиль принял Святое Крещение? Это неведомо никому...

«Каким только я его не видела! — со слезами вспоминает мать Михаила. — Однажды

пришла в палату, стала его переворачивать на другой бок и слышу, как по отежнему телу вода переливается. А то пришла, а он уж весь холодный... Уж как только его отец Андрей окрестил, век на него молиться будем, тогда только, после Михайлова дня, он и пошел на поправку. Вот какой ведь человек, даже денег не взял. Говорит, с таких людей деньги не берут, что ему много денег для лечения потребуется. Когда, говорит, выздоровеет, сам на алтарь положит. Но мы тогда сразу же пожертвовали на церковь...

Успокоившись немного, Валентина Ивановна продолжает:

— Первый раз, когда очнулся, сын меня не узнал, говорит: «Кто такая?»

— Я мать твоя.

— Да какая ты моя мать! Ты бабка какая-то. Почему ко мне мать не приходит?

Каково мне было слышать это, когда родной сын мать не признает! Начала я ему про него и про себя рассказывать, чтобы вспомнил. Когда узнал, что я в школе работаю, — и мне, говорит, тоже в школу надо.

— Да ты, — говорю, — сынок, школу-то давно закончил.

— Тогда в институт.

— И институт закончил.

— А у меня, — говорит, — есть бумаги, что я его закончил?

— Есть, — отвечаю, — диплом об окончании.

— А кто, — спрашивает, — тогда я такой?

Будто и в самом деле заново на свет родился...

Поправившись, Михаил стал читать Священное Писание, молиться Богу за себя и своих спасителей. И хотя он лишился всего, что имел в жизни — здоровья, машины, денег и прочего материального благополучия — но считает, что приобрел гораздо больше. От своего имени он попросил передать молодым читателям нашей газеты обращение, которое я и привожу здесь дословно:

«Я обращаюсь ко всем, кто не поверит этому рассказу и будет продолжать курить, пьянствовать, наркоманить, в общем всячески грешить и дальше. Люди, одумайтесь, мы все сошли с ума. Посмотрите, во что мы превратили Россию — в сплошной притон для проституток, наркоманов, воров, пьяниц и убийц! Мы пошли войной брат на брата, превратили великую Россию в скупочную базу для «лохов» из-за границы. Люди, одумайтесь! Попробуйте остановиться, подумайте о своей жизни, о своей душе, подумайте о России! Подумайте о своих близких, о своих детях. Какую жизнь и какую Россию мы оставим им в наследство? Я обращаюсь к предприимчивым людям, кто готов делать деньги любой ценой, лишь бы получить

прибыль. Ребята, займитесь, наконец, делом. Надо поднимать Россию из того ..., в котором она очутилась. За все наши дела ТАМ с нас спросится. А кто мне не поверит, тому большой привет с того света. Там нас ждут».

Когда мы встречались с Михаилом, он попросил меня (сам он передвигается с трудом) пригласить к нему священника, чтобы исповедаться в прошлых грехах: «Хочу очиститься от всей скверны». Я знаю, он тщательно готовился к исповеди, а потом к нему приходил эжвинский священник о. Владимир. Впервые в своей жизни Михаил причастился Тела и Крови Христовой: Дай Бог, чтобы он окончательно выздоровел.

Е. Суворов. Птица на окне. Христианская газета
Севера России «Вера»-«Эском».
www.rusvera.mrezha.ru

Глава 7

О САМОМ ГЛАВНОМ

ТРАГИЧНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАШЕГО МИРА

С раннего детства мы постоянно сталкиваемся с неприятным фактом, а именно, что мир, в котором мы живем, двойственен и противоречив.

С одной стороны он величественен и прекрасен! Природа чарует нас своей красотой, грандиозностью и нежностью; жизнь манит нас своими загадками и, казалось бы, неограниченными возможностями. В самих себе мы по временам ощущаем могучие силы и способности. Нам кажется, что все устроено для нашего счастья, наслаждения и развития сил.

Но параллельно с этим, мы постоянно сталкиваемся с фактом, что многое из этого прекрасного и очаровательного заканчивается разрушением и смертью. В природе — бури, землетрясения, засухи, эпидемии, в результате которых животные и растения страдают и гибнут. В обществе мы наблюдаем — распри, грабежи, насилия, обман и войны; в семьях — вражда и ссоры. Да и в самих себе мы часто чувствуем разлад и беспокойство: то постигают нас сомнения, то неожиданные неприятности и разочарования, то болезни лишают нас намеченной деятельности ... Словом, кажется, что ничего нет в мире постоянного и прочного: слава не держится, богатство ускользает между пальцами, короткие минуты счастья сменяются долгими периодами пустоты и бесцельности, вещи надоедают, друзья обманывают, любимые изменяют, мечты не сбываются, минуты радости неизменно сменяются состоянием пустоты и неудовольствия, на смену юности приходит старость, всех и во всяком возрасте стережет смерть, которая повергает в прах все человеческие надежды и планы.

В чем заключается причина этой двойственности и противоречивости мира? Почему он как бы дает одной рукой, чтобы потом другой забрать, созидает, чтобы разрушить. Неужели он по временам веселит нас только

для того, чтобы потом сильнее огорчить; манит к себе, чтобы потом сильнее ударить; радуется жизнью, чтобы потом беспощадно огорчить смертью?!

Если же мир по своей природе двойственен, как положительные и отрицательные заряды атомных частиц, то почему мы, органически принадлежащие ему, не можем примириться с его двойственностью и жаждем полной гармонии и целесообразности? Откуда в нас эта томительная жажда жизни и непрекращающегося счастья, когда смерть и разрушение так же естественны, как жизнь и развитие? И больше того! Как ни внушай себе, что когда-то все равно придется умереть, что смерть — это естественный конец всякого существа, наше подсознание упорно противится этой мысли и требует продления жизни — даже когда это сопряжено с невероятными усилиями и страданиями!

Таким образом, получается, что главное противоречие находится в нас самих, а именно, что какая-то сторона нашей природы мыслит и чувствует не по законам физического мира, а по каким-то иным, духовным законам. Поэтому человек никогда не сможет примириться с фактами разрушения и смерти. Они всегда останутся для него чем-то противоестественным и неприемлемым! Каждый из нас подсознательно желал бы переселиться в мир свободный

от противоречий, где царствуют гармония и справедливость, где радость не помрачается скорбями, где жизнь не знает конца...

Вера в существование Бога — в то, что Он бесконечно добр и всемогущ — подсказывает нам, что Он создал нас для счастья. Это Он вложил в нас неутолимую жажду совершенствоваться и достигать счастья. Поэтому должен существовать другой мир, лучше и совершеннее нашего. Но где он и как достичь его?

Четкий и ясный ответ на этот важнейший вопрос, искони волнующий человечество, дает христианство. Оно однозначно утверждает, что действительно существует другой, лучший мир, называемый раем или Царством Небесным, в котором обитают Ангелы и души праведников. В том мире нет наших противоречий и несправедливости, он свободен от преступлений, насилий, болезней и смерти. В нем царствует непрекращающаяся жизнь и полная гармония. Там все разумные существа, озаряемые животворящим светом Творца, непрестанно созерцают красоту Его и радуются Его бесчисленным милостям.

Наш физический мир тоже был создан Богом для добра, жизни и счастья, но грех все извратил и искалечил.

Епископ Александр (Милеант).
www.fatheralexander.org

ОТКУДА ЗЛО

Священное Писание объясняет, что трагедия, постигшая человеческий род, собственно началась в ангельском мире. Один из высших ангелов, сотворенных Богом, по имени Денница или Люцифер, возомнил, что среди ангелов он самый умный, могущественный и прекрасный, что он больше не нуждается в Творце и не обязан служить Ему. Денница задался целью сам стать как бы богом и предметом почитания для других ангелов. Для этого он произвел бунт на Небе и увлек за собой часть ангельского мира. Так Денница, прозванный позже сатаной, или дьяволом (что значит «клеветник»), положил начало самым страшным грехам — гордыне и самоугодию — из которых происходят все другие грехи и пороки. Денница планировал создать царство обособленное от Бога, состоящее из «свободных» и «независимых» духов. Но царство это, названное адом или бездной, построенное на началах греха, очевидно, не удалось. Вместо обещанного рая, оно стало местом непроницаемого мрака и непрестанного ужаса. Оно стало настолько страшным, что сами падшие ангелы (демоны и бесы) боятся его и желают уйти из него, как из тюрьмы (Лк. 8, 31).

Совершив трагедию в мире чистых духов и создав свое царство, дьявол не удовлетворил-

ся. Ненавидя Бога и все, сотворенное Им, он решил причинить зло и венцу Божьего творения — первозданному человеку. С этой целью он, приняв образ змия, соблазнил Адама и Еву нарушить Божию заповедь и вкусить запрещенный плод (Бытие 3-я глава). Будучи хитрым оболъстителем, он внушил людям, что если они вкусят от плода познания добра и зла, они станут знающими все и могущественными, как Бог. Так он прельстил их тем же, чем некогда сам прельстился, а именно возможностью легко и как бы «одним скачком», помимо Творца и даже вопреки Ему, стать богоподобными! Таким образом, людей погубили те же грехи, которые некогда погубили и Денницу: гордость и самолюбие.

Так трагедия греха из ангельского мира спустилась в наш физический мир, в результате чего наша земная жизнь наполнилась противоречиями, скорбями и разрушением. В результате грехопадения первозданные люди отпали от общения с Богом, стали смертными и лишились райской жизни. Но хуже всего то, что зараза греха, как поток от зараженного источника, перешла к их потомкам, так что все люди стали рождаться с поврежденной природой. Будучи предрасположенными грешить, потомки Адама и Евы пошли по пути наименьшего сопротивления и стали творить всякое зло — обижать, обманывать и даже

уничтожать друг друга. От греховной жизни сознание людей стало все более и более по-мрачаться так, что со временем они утратили верное представление о своем Творце и стали служить делам рук своих — разнообразным идолам, как в буквальном так и в переносном смысле — т.е. корысти, земным благам, роскоши, мирской славе и всевозможным плотским удовольствиям.

И по мере того, как человечество все больше погрязало в беззакониях, начальник зла дьявол стал все крепче и с большей жестокостью господствовать над ним. Так, со временем, наш прекрасный, сотворенный Богом мир, в лице своих высших представителей, богоподобных людей, погрузился в состояние зла, где царствуют вражда, ложь, беззакония, страдания и смерть. Хуже того: несчастное человечество оказалось совершенно беспомощным, чтобы сбросить с себя оковы греха и вернуться к Богу. Искусно манипулируя человеческими слабостями и страстями, преисподний змий захотел этот некогда прекрасный, Богом созданный мир, уподобить аду.

При таком отчаянном положении вещей спасти людей мог только их Создатель, наш любящий Отец Небесный. Когда люди полностью убедились в своей беспомощности и духовно созрели для принятия Спасителя, Он послал в мир Своего Сына, Который, не переставая

быть Единым с Ним Богом, по наитию Святого Духа воплотился от чистейшей и прекраснейшей из дочерей человеческих — Приснодевы Марии и стал Человеком, во всем подобным нам, кроме греха.

Цель Его пришествия была — освободить людей от тирании сатаны, от гнета греха и поставить их на путь духовного обновления, ведущий обратно к Богу и вечной блаженной жизни.

Епископ Александр (Милеант).
www.fatheralexander.org

СПАСЕНИЕ — ОТ ЧЕГО?

Для чего Христос приходил на землю? Символ веры отвечает предельно четко: «Нас ради человек и нашего ради спасения». Так в чем же состоит это спасение? Оно уже состоялось или мы его еще только ожидаем? И кого мы причисляем к «нам, человекам» — все человечество, своих единоверцев или каких-то особых, святых людей?

Христиане настаивают на том, что спасение необходимо каждому человеку и что совершается оно во Христе. Но когда разговор заходит о том, что же такое это самое спасение, и кто конкретно спасен, ответы могут быть разными. Хотя все они будут основаны на Библии!

Так что же говорит Писание о спасении? Разве оно не дает исчерпывающей информации?

Каждый из нас знает, что любой человек несовершенен, у него полно недостатков, он совершает множество ошибок. Но вместе с тем, в каждом есть нечто ценное, прекрасное, уникальное. И, наверное, только Библия из всех духовных книг человечества воспринимает каждую грань этого парадокса как нечто абсолютное, предельное. С одной стороны, человек сотворен «по образу и подобию Божьему» (Быт. 1, 26). С другой стороны — «лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено» (Иер. 17, 9). Как же это получается?

Ответ очень прост — человек обладает свободой воли и может выбирать добро или зло. Бог не делает из человека послушную Ему марионетку, Он предлагает следовать за Собой, но оставляет за человеком право отказать и жить собственным умом: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего... то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле... если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле» (Втор. 30, 15–18). Собственно, история Адама и Евы — именно о том,

как люди по собственной воле отказались от общения с Богом, разрушив доверие между Ним и собой.

На библейском языке это называется «грех» и имеет самые серьезные последствия. С одной стороны, человек оказывается виноват перед Богом. С другой — вредит самому себе и окружающим. Грех подобен наркотику: он не просто запрещен законом, его употребление меняет что-то в душе и теле самого человека и даже его детей. Тот, кто «сидел» на героине, иногда может, путем титанических усилий, выйти из наркотической зависимости, но он уже никогда не будет таким, каким был до употребления наркотика. И окружающие его — тоже.

Грех как преступление и болезнь

Поэтому христиане говорят не только о личных грехах против Бога и против ближнего, которые совершает каждый из нас, но и о первородном грехе, присущем человечеству в целом. Это та самая неспособность жить в соответствии с собственными принципами, которую так часто нам приходится признавать: вот, хотел как лучше, а получилось... Да, конечно, лично никто из нас не несет ответственности за выбор Адама и Евы, но мы наследуем их природу, искаженную грехом. И если почти сто лет назад наши предки устроили револю-

цию и гражданскую войну, мы можем не соглашаться с их выбором, но мы живем в условиях, сформированных этим выбором, и от этого никуда не деться. Вот так и первые люди решили когда-то жить без Бога, и мы по-прежнему живем в мире, обусловленном их выбором.

Спасение в христианстве понимается как освобождение от власти греха и смерти и вечная жизнь с Богом. Здесь можно задать вопрос: неужели Бог настолько обидчив, что до сих пор не может простить преступление Адама и Евы? Неужели Он не может просто даровать нам эту вечную жизнь, безо всяких условий? Может, разумеется. Представляете? Нас, такими, какие мы есть, всех скопом пускают в рай. Там не надо работать, никто не болеет и не умирает, люди живут вечно и обладают всем, чего только пожелают. Но что это будет за вечность? Разве мы перестанем ссориться и обижать друг друга? Наоборот, у нас будут для этого совершенно неограниченные возможности и неограниченное количество времени. А ведь никакие болезни не сравнятся с той болью, которую постоянно причиняют друг другу люди; никакие стихийные бедствия — с ужасами войн и концлагерей. Вот такая нас ждет вечность, если ничто не положит ей предел. И называется это — «ад».

А чтобы войти в иную вечность, нам нужно достичь двух вещей: примириться с Богом и

другими людьми и преобразиться, чтобы следование добру было для нас радостью. И для этого нам, наверное, нужно обрести некоторую общую Истину, иначе нас ждут войны за маленькие, частные правды, причем нам нужно научиться воплощать эту Истину в своей жизни, а не только абстрактно рассуждать о ней. Вот это все и входит в понятие «спасение».

Как описать спасение?

Именно поэтому христианство указывает на Христа как на единственный Источник спасения. Он был не просто очередным проповедником Истины (таких было немало), он был воплощенной Истиной, Богом и Человеком, Который умер на кресте за наши грехи и воскрес, победив тем самым смерть. Его жертва примирила людей с Богом и открыла им возможность преобразования.

Христос есть та самая точка встречи для верующих в Него, среди которых тоже встречаются и аскеты-затворники, и общественные деятели, и благодетели — да кто угодно. Но свои поступки они стремятся направить на то, чтобы раскрыть образ Божий в себе и в ближнем, уподобиться Христу. Каждый, кто верует в Него, идет своей дорогой, но направлены все дороги к одному Центру, и потому они сближаются.

Спасение неизбежно приходится описывать в образах и метафорах. Влюбленные, описывая свои чувства, тоже говорят о звездах и цветах, а не об эндорфинах и прочих объективных явлениях. Так и со спасением: Библия много говорит о нем, но не раскрывает механизма. Поэтому у богословов последующих времен неизменно появлялось желание уточнить: как именно совершается спасение.

Одни делали упор на наказании за наши грехи, которое добровольно принял на Себя Христос и тем самым избавил нас от вины; другие — на том обстоятельстве, что Он принял на Себя нашу человеческую природу и тем самым позволил нам приблизиться к природе божественной. Эти два объяснения иногда еще называют «юридической» и «органической» теориями спасения. На самом деле они описывают две стороны одного и того же явления, и до тех пор, пока ни одна из них не абсолютизируется, они обе правы. В самом деле, чтобы примириться с Богом и ближним, нам сначала нужно получить прощение, а затем преобразиться.

Билет забронирован?

В число избранных может войти каждый человек, не случайно на пир из евангельской притчи пригласили всех. Просто не все приняли приглашение. А некоторые из тех, кто принял, не

отнеслись к нему серьезно и даже не потрудились переодеться во что-то приличное. И те, и другие сами лишили себя приглашения.

Итак, мы уже спасены Христом. Каждый из нас. Но нам еще предстоит принять это спасение. Можно сказать, что билет на поезд в Царствие Небесное каждому из нас забронирован. Но надо собраться в дорогу, не поленившись прийти на вокзал, получить билет в кассе, найти свой вагон, суметь не отстать от поезда... Те, кому действительно нужно ехать, наверняка позаботятся обо всем заранее, придут задолго до отправления. А те, кто застрянет за кружкой пива в станционном буфете — значит, не очень-то и хотели. Силком туда никого не потащат.

Апостол Павел говорит об этом такими словами: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2, 12–13); «ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. 2, 8–10). Все эти добрые дела очень важны, они есть проявление нашей веры на практике, «вера без дел мертва» (Иак. 2, 17), но спасают нас ни в коем случае не они (да и откуда нам их столько взять?), а Господь.

Даже сами эти добрые дела, даже одно желание их творить — и те от Господа. Согласие с этим желанием, исполнение его есть наш ответ на Его дар, наша благодарность, наше принятие этого дара. Свидетельство нашей веры.

Отсюда следует один очень важный вывод. На вопрос «спасен ли я?» верующий может ответить «уже да, но еще не до конца». То есть Христос уже сделал все, что было нужно для моего спасения, я могу быть уверен в Нем. Но я не могу быть уверен в себе, каждый день моей жизни — это множество шагов: либо к Нему, либо прочь от Него. Я могу только надеяться, что итогом моей жизни будет окончательное соединение с Ним, но я не могу, как делают некоторые не в меру ретивые протестантские проповедники, утверждать, что теперь спасение «лежит у меня в кармане», и я раздаю его, кому пожелаю.

Нельзя забывать, что возможность вечной гибели стоит перед каждым из нас, поскольку Бог уважает свободу воли...

Андрей Десницкий. Журнал «Фома», № 4/48, 2007.

Печатается в сокращении.

КАК СПАСИТЬСЯ?

«Ну, зачем вы настолько узколобые фанатики? Почему утверждаете, что вне Православной Церкви нет спасения? Все равно ведь в

одного Бога верят все — мусульмане, и христиане, иудеи и буддисты, а разница только в обрядах. Так зачем же настаивать на своей исключительности? Неужели вы думаете, что Всевышний не примет мусульман к Себе? Ему ведь все равно во что кто верит. Главное, чтобы человек был хороший!» Такие слова слышал каждый христианин, наверное, не одну сотню раз. А часто приходится слышать это нечестие из уст тех, которых невнимательные священники почему-то допускают до святой Чаши.

И действительно, разве можно отвергать, что Бог — Един? Ведь еще апостол Павел сказал: «нет Бога кроме Единого» (1 Кор. 8, 4). Господь — единственный Правитель миров, Он — Бог и иудеев, и язычников (Рим. 3, 29). Обычный здравый смысл показывает, что не могут быть два Вездесущих — Им просто не нашлось бы места, и Они ограничивали бы друг друга.

Но если очевидным является факт Единства Божественной Сущности, то из этого никак не следует, что все знают о Боге, а тем более знают Бога и верно почитают Его. Фраза «все в одного Бога верят» неверна хотя бы потому, что в мире много атеистов — и коммунистов, и буддистов, и шаманистов. Они вовсе ни в какого Бога не верят.

Если же говорить о других, то из факта су-

существования Бога Творца вовсе не следует, что люди почитают Его.

Можно привести такой пример. Многие знают президента России, но разве из этого следует, что все к нему лояльно относятся, а тем более понимают все его действия? Так же многие миллиарды людей знают о существовании Бога. Но подавляющее большинство воспринимают Его как далекую и непонятную Силу. Например, в исламе не принято говорить, что Аллах — Личность. Он скорее Нечто, дающее Закон, карающее и награждающее по своей воле. Так же и в каббале Эйн-Соф не познаваем и не познает ничего. Это скорее Фемида римлян, чем Бог, открывший Себя в Библии. Это свет далекого костра, который не может согреть ничью душу.

И это представление на самом деле общечеловеческое. Не случайно «символ веры» обывателя звучит:

— Ну, так Что-то есть. Но что, не знаю.

При этом с этим «Что-то» обычно связывают понятие справедливости. Не случайно при всякой обиде говорят:

— Если бы Бог был, разве Он допустил бы такое?

Но разве такое знание можно назвать нормальным? Представьте себе, что вас приглашают жениться на невесте, о которой вы ничего не знаете. И когда вы спрашиваете «кто она

такая?», вам отвечают: «она справедливая и никому неизвестная». Разве можно счесть этот ответ удовлетворительным?

А ведь большинство людей знают о Боге куда меньше, чем работодатель, принимающий к себе нового работника. Но при этом почему-то считается, что этого плохо скрываемого невежества достаточно, чтобы спастись. Причем невежество это связано вовсе не с тем, что у людей нет возможности узнать о Боге, а с тем, что просто нет желания.

Получается как в Евангелии — вместо того, чтобы идти на Божий пир, люди предпочитают копаться в огородах и заниматься семейными и национальными разборками. Особо же настойчивых приглашающих они предпочитают в худшем случае убить, а в лучшем выставить идиотами. И неужели они наивно думают, что Бог арканом затащит к Себе тех, кто Его не любил и ни во что ставил? «Не знание Отца всего такое же преступление, как и борьба против Него» — говорил Минуций Феликс.

Лишь в православном христианстве человек настолько сильно вовлекается в Божественную жизнь, что созерцает таинственное пламя Троицейной любви.

Но часто говорят: «Есть же искренние люди в других религиях? Неужели и они погибнут?»

При этом забывается, что неверное знание о Боге ещё страшнее, чем невежество. Ведь

невежда может осознать свой недостаток и быть посвященным в Божию тайну, а тот, кто верит в ложь — не склонен к поиску. Он считает, что у него уже всё есть.

Даже в обычной жизни тот человек, у которого нет карты, имеет больше надежды добраться до цели, чем тот, у кого карта фальшивая. Лучше беспечный врач, который просто не лечит, чем уверенный шарлатан. В последнем случае у больного просто нет шансов. Так и в деле богопознания, убежденный иноверец не способен без прямого Божия вмешательства увидеть свет. Так говорит Бог: «знаю твои; ты не холоден, ни горяч: о если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч, и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей; и глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Откр. 3, 15–18).

Так же обстоит дело и с ложными религиями. Чем более человек укоренен в свою ложную традицию, тем сложнее ему из нее выбраться. Практика миссионерства показывает, что к Богу обращаются чаще те, кто с одной стороны не утратил чувства Истины, а с другой отошел

от своей ложной веры. И Евангелие приняли не книжники и фарисеи, а простые рыбаки. Поэтому не стоит одобрять религиозное рвение мусульман или иудеев, а скорее показывать всю нелепость их заблуждения, как это делали святые. Злое дело делают те, кто поздравляют их с их праздниками, тем самым, поддерживая их греховное упорство.

В одной книжке приводится пример, когда к священнику обратился татарин с вопросом: «что ему делать, если братья мешают ему ходить в мечеть?» Что должен был бы сказать нормальный пастырь? Конечно, «бросай ислам — принимай крещение и иди в монастырь, если хочешь быстрее угодить Богу». Но тот ответил: «ходи в мечеть два раза в неделю и слушайся муллу». Автор книжки считает этот совет чуть ли не доблестью (не даром мулла положительно оценил этого псевдопастыря)... А священник просто столкнул несчастного в еще большую бездну заблуждения, и обрек его на вечную гибель. Разве мог он не знать, что «не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36)?

Тут стоит разобрать вопрос, можно ли говорить о том, что можно быть хорошим, не смотря на веру. А что значит «быть хорошим»?

Где критерии хорошести? Алкоголик считает хорошим такого же выпивоху, а его жена придерживается противоположной точки зре-

ния. Говорят, что «хорош тот, кто другому плохого не делает», но это не определение. Мы же ещё не решили что такое «плохо» и «хорошо». С точки зрения пьяницы плохо делает тот, кто ему не наливает, а его родные думают наоборот. Где же правда? Да и обычный пень разве кому делает что-то плохое, но неужто он потому образец добродетели?

Совість тоже часто обманывает. И особенно ей в этом «помогает» ложная религія. Господь Іисус Христос предсказал: «наступает время, когда всякий убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня» (Ин. 16, 2–3). И христиане видели примеры этому все время своей истории. Мы знаем, что те, кто не верит в Отца и Сына — иудеи, и мусульмане, с чувством религиозного долга умерщвляют верных Христу. Началось это со святого Стефана и продолжается и до наших дней. Пример протоиерея Анатолия и воина Евгения, убитых уже в наши дни в Чечне, показывает, что одинаковая причина (отвержение Святой Троицы) приводит к одинаковому результату. Мусульмане убивают христиан так же усердно, как это делали иудеи. Так что и совесть и религія сама по себе не является критерием добра и зла.

Где же этот критерий? Ответ очевиден. Хорошо только то, что таковым считает Бог Творец. Ведь самая достоверная инструкция для при-

бора та, которая написана его конструктором. Для христиан же это еще более очевидно, ибо мы знаем, что добродетели — это безначальные свойства Бога. Потому то, что согласно с волей Господа — добро, а что противится ей — зло.

Но теперь вернемся к вопросу, «могут ли спастись искренние люди в других религиях?» Очевидно, что искренний маньяк-убийца, считающий, что все зло мира заключается в женщинах или в русских, вряд ли за эту «искренность» будет одобрен Великим Судьей. Но если это достаточно очевидно, то где можно найти ту меру искренности, которая в глазах Бога перевесила бы факт злодейства? Как определить — эта искренность хороша, а эта нет? Мы снова возвращаемся к тому, есть ли реальные критерии добра и зла, потому что искренность или неискренность — вещи достаточно субъективные.

Если же мы договорились, что добро — это воля Бога, а зло — ее нарушение, то ответ станет очевидным. Само нахождение человека в той религиозной традиции, которая не установлена Самим Богом — грех. Из Десяти Заповедей данных Моисею самая первая запрещает иные веры: «Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Исх. 20, 1–2).

Так что те люди, которые утверждают, что мерило добра и зла — Декалог, должны задуматься о том, что ни один атеист и иноверец не избежит гнева Божия.

И Господь наш Иисус Христос на вопрос: «что нам делать, чтобы творить дела Божии?», ответил: «вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 28–29).

Сам Христос повелел покаяться и веровать в Евангелие (Мк. 1, 15), а кто не покается, сам виноват, что Божья секира срубит его (Лк. 3, 9). Господь повелел всем народам принимать крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28, 19), а «кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). Сам Искупитель, а не фанатичные православные, засвидетельствовал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16, 16).

Господь вселенной сказал: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53), а у нас думают спастись неопределенным добреньким состоянием без Святого Причастия.

Пусть же ответят нам возражатели, кому нам верить — людям или Богу? Христос говорит одно, а гуманисты другое. Сын Божий говорит, что мусульмане и иудеи, эволюционисты и буддисты, отвергшие Бога Сына, пребывают

под гневом Божиим, а наши либералы утверждают, что все спасутся. Почему мы должны им верить? Они разве стояли в совете Божиим, чтобы им поправлять Творца? Это наглое восстание смертных глупцов против Бессмертной Премудрости! Это современные лжепророки, которым готовится наказание Божие.

Нет, пусть многие и верят в существование Бога, но лишь те спасутся, кто знает Бога, доверяют Ему, слушаются Его, любят Его. Кратко сказать, чтобы спастись — надо, чтобы и человек знал Бога, и Бог узнал человека, как написано: «познал Господь Своих, и да отступит от неправды всякий исповедающий имя Господне» (2 Тим. 2, 19). А Бог узнает как Своих лишь тех, в ком видит Сына Своего (вошедшего по вере через Крещение и Причастие), и кто несет в себе освящение Его Духа.

Священник Даниил Сысоев. Соблазн мнимого
Единобожия. www.mission-center.com

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ?

Почему обязательно нужно быть крещеным, неужели нельзя быть просто хорошим человеком и творить добрые дела?

Кажутся мне цветущие добрыми делами, но не ведающие Бога, похожими на останки мертвецов, хоть и прекрасно одетых, но бес-

чувственных к прекрасному. (Святитель Игнатий Брянчанинов). Если кто и добр по делам, но не получил запечатления водою, не войдет в Царство Небесное. (Святитель Кирилл Иерусалимский).

Можно ли жить по заповедям, т.е. честно и порядочно, но без веры в Бога?

Душа может противиться греху, но не может без Бога победить или искоренить зло. (Преподобный Макарий Великий).

Можно ли верить в высший разум, который не обязательно может быть Богом, без веры в Христа.

Спасается лишь тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь. (Блаженный Августин). Признающие возможность спасения без веры во Христа, отрекаются от Христа и, может быть не ведая, впадают в тяжкий грех богохульства. (Святитель Игнатий Брянчанинов).

Истинная вера — дар Божий.

С чего должен начинать своё «воцерковление» современный человек, уверовавший в Бога и осознающий свою принадлежность к Русской Православной Церкви?

Прежде всего, каждый православный христианин должен иметь веру, знать и понимать основы вероучения Христианской Церкви и всеми силами стараться жить по вере.

Для того, чтобы иметь веру, недостаточно надеть на себя нательный крест, зайти в храм и поставить там свечу, пребывая в уверенности, что ты уже «православный». Господь наш Иисус Христос неоднократно обличал в маловерии даже Своих учеников, свидетелей Его многочисленных чудотворений, которые сами совершали множество чудесных деяний полученной от Него Силой Святого Духа. «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20). Истинная Вера — Дар Божий. А даётся этот Дар тем, кто искренне, «от чистого сердца», жаждет получить Его. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7). Но для того, чтобы в душе человека поселилась жажда обретения Веры, этот человек должен заставить себя осознать, что вопрос о Боге, о Вере есть не просто вопрос «жизни и смерти», но Жизни и Смерти вечных.

Очевидно, любой человек, хоть раз в жизни, но задумывался: кто я, зачем я живу, есть ли что-нибудь после смерти? К сожалению, большинство людей не ищет ответа на эти вопросы, но поглощённое заботами о «хлебе насущном», а кто и о новом «мерседесе» или иных предметах роскоши или необходимости, старается вычеркнуть их из своего со-

знания или уж отложить на «когда-нибудь потом». Страшно то, что этого «потом» может и не наступить. Душа человека, живущего лишь одними заботами «века сего», под грузом накапливаемых в течение жизни грехов задыхается и умирает, становится неспособной к восприятию явлений духовных, не способной даже захотеть познать Бога. Как ни печально, но число таких «мёртвых душ» в наше время катастрофически увеличивается.

Те же, кто не заглушают в себе кроткий голос души, тоскующей от разлуки со своим Творцом, раньше или позже встают перед вопросами о Боге: есть ли Он; если есть, то какой Он; какая Церковь имеет правильное учение о Нём? И если человек искренне желает получить на них ответы, не смущаясь своим окружением, национальными или какими-нибудь другими предрассудками, то Бог, видя чистое желание его сердца, непременно открывает ему Себя, давая возможность познания Истины и приобщения ко Христу, который и есть «Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6).

Необходимо также учесть, что идя путём ума, путём анализа и размышления, особенно учитывая современный объём доступной всем информации, можно довольно быстро придти к пониманию того, что Бог есть. Но так и остаться с этим рассудочным бесплодным знанием. Главный инструмент познания Бога — челове-

ческое сердце, сердце страдающее, ищущее, томящееся в отсутствие Благодати. И, если оно не заполнено «через край» низменными страстями, завистью, злобой, сластолюбием, в нём всегда найдётся крошечный «живой» кусочек, способный почувствовать Бога, вместить в себя Его Любовь, стать начатком Спасения души.

Примером тому служит разбойник, распятый на кресте «по правую сторону» от Господа Иисуса Христа. В последние минуты жизни у разбойника проснулась совесть: он пожалел Распятого неповинно, и Распятый Бог простил ему все грехи и первым ввёл в Рай! Все наши грехи простит нам Милосердный Господь, если покаемся. Если захотим. Если успеем. Если не убьём грехами свои души, сделав их неспособными к покаянию.

Итак, для того, чтобы иметь Веру, нужно захотеть Её получить. А пробудив в себе это желание, нужно просить Веры у Бога, подобно человеку, пришедшему ко Господу Иисусу Христу и просившему об исцелении своего сына, которому Христос сказал: «Если сколько-нибудь можешь верить, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9, 24). Христос, видя искреннее желание этого человека, помог «его неверию» и даровал ему Веру, а вместе с Ней и исцеление сына. Вот

так же и нам, желающим получить Веру, нужно просить Её у Господа, и не рассудочно, с «холодным сердцем», а горячо, «со слезами», как просят порой дети желаемого у своих родителей. И, если желание наше будет искренним и просьба неотступна, даст нам Господь и Веру, и бесчисленные подтверждения истинности Её.

Второе необходимое для «воцерковления» условие: знание основ вероучения, то есть: Кто такой Бог? Чего Он от нас хочет? Что Он нам обещает? Кто такой Иисус Христос? Зачем Он пришёл? Чему Он учил? Что такое Церковь? Зачем она нужна? Как нам жить по-христиански? На все эти вопросы дают ответ «Священное Писание» и «Священное Предание» — два столпа, на которых стоит Святая Соборная Апостольская Православная Церковь.

Прот. Александр (Торик). Тихоновский благовест,
№ 1 (25), 2006.

ПРАВОСЛАВНОЕ НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ

Нравственное учение Нового Завета радикально отличается от всех предшествующих (и всех последующих!) нравственных учений. Отличие это начинается с того, что Господь дает людям совершенно новые нравственные правила, необычные по строгости даже для само-

го последовательного иудея-законника. Он обещает нескончаемые муки за малейшее злословие (Мф. 5, 22). Он строго запрещает даже мысленное прелюбодеяние (Мф. 5, 28). Он заповедует человеку отвергнуть защиту всех своих земных интересов и не только не отвечать злом на зло, но и благотворить делающему зло (Мф. 5, 39–45). Он не считает допустимым даже то, что во все века считалось нормальным и для естественной, и для ветхозаветной этики: принимать от людей моральное удовлетворение за религиозность и праведные дела (Мф. 6, 1–6). Упоминая об этих и других изречениях Спасителя, святой Василий Великий выводит три нравственных правила: «Как Закон запрещает худые поступки, так Евангелие запрещает самые сокровенные страстные движения в душе. Как Закон в каждом добром деле требует совершенства отчасти, так Евангелие требует всецелого совершенства. Невозможно удостоиться Небесного Царства тем, которые не показали в себе, что евангельская правда больше правды подзаконной»¹. Что это? Еще один нравственный кодекс, отличающийся от других лишь необыкновенной строгостью?

Нет. Нравственное учение Христово — это не просто закон. Господь не желает добить-

¹ Св. Василий Великий. Нравственные правила. Собр. соч. т. 3. С. 334.

ся формального исполнения человеком всех «пунктов» морального кодекса. Он жаждет полного духовного перерождения человека, после которого самая мысль о грехе, самое желание греха были бы чужды и противоестественны освященному сердцу. И такое новое состояние человеческой души, по слову Христову, не может быть достигнуто привычными средствами нравственного улучшения души — будь то самосовершенствование, внешнее принуждение, руководство учителя, мистическая практика и т. д. Все эти средства могут быть полезны, но лишь тогда, когда они объединены вокруг главного средства нравственного обновления личности.

Это средство Господь неразрывно связал со Своими нравственными установлениями. Это средство — единственное, что может помочь человеку достичь высокого евангельского нравственного идеала. Это средство — основа христианской этики, основа ее жизненности, которой не смогли достичь все мертвые законы. Это средство делает христианскую нравственность уникальной и неповторимой, а следующих ей людей — достойными спасения и святости.

Это средство — благодать Божия.

Христианская нравственность невозможна без благодати. Именно поэтому Господь сказал Своим ученикам, ужаснувшимся высоте еван-

гельской нравственности при беседе Христа с богатым юношей и спросившим Его, кто же может спастись: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Благодать Божия, действие Божие как основа и средство нравственного обновления человека возможны, по вере христиан, только со Христом, только в Церкви Его, «ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1, 17). Вне Церкви душа человека продолжает томиться в границах естественной нравственности, не будучи в силах достичь полного нравственного преобразования. «Горе душе, — пишет святой Макарий Египетский, — если останавливается она на своей природе и уповает только на свои дела, не имея общения с Божественным Духом»¹. И в то же время в Церкви Божией преображающая человека благодать Христова действует живо и явственно, нисходя на сердце христианина через Богом установленные таинства, через богослужение, через особые благодатные дары, коими так богата церковная жизнь. Таинства и богослужения Церкви, вся ее таинственная жизнь — это тоже средство нравственного совершенствования личности, средство, которого нельзя встретить на путях нехристианской морали и которое является

¹ Г.В. Флоровский. Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992. С. 150.

окном, открытым в безбрежное море Божией благодати. Не случайно святой Василий Великий включил в свои «Нравственные правила» особые положения о преображающей силе Крещения и Евхаристии¹.

В то же время было бы неправильно думать, что благодать как средство нравственного совершенствования человека оставляет его пассивным участником такого совершенствования, ограничивает свободу его выбора и не требует от него усилий. Нравственное обновление наших душ создается в синергии² Бога и человека. Причем человек может даже не являть миру плода своих нравственных действий — Сердцеведец Господь судит его по его внутреннему намерению, по его волеизъявлению, по степени его отказа от греховных дел, слов и поступков. Состояние человеческой души и есть плод его нравственного совершенствования. Это состояние может не совпадать с внешними проявлениями нравственности: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправ-

¹ Св. Василий Великий. Нравственные правила. Т 3. С. 316–319.

² Синергия (от греч. Synergos — (syn) вместе; (ergos) действующий, действие) — это суммирующий эффект, взаимодействие двух или более факторов, характеризующееся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

ды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (Мф. 23, 25–26). Только тогда, когда душа человека свободна от греховных побуждений, только тогда, когда в нас есть твердая воля ко спасению, когда мы, движимые этой волей, готовы сквозь любые тернии, борясь с грехом в себе и преодолевая его, стремиться к Царству Божию, наше спасение соделывается в согласии действия Божией благодати и нашей веры, оживотворенной добрыми делами. Нравственное обновление человека во Христе невозможно без участия самого человека. Невозможно оно и без участия Божия. «Правда Божия, — пишет святой Иоанн Кронштадтский, — требует, чтобы человек, волею падший, сознательно сам и подвизался против греха, боролся с ним и, побеждая его, призывал усердно на помощь благодать Божию, без которой никогда не может быть победителем греха, чтобы заслужить вечную награду от Бога и иметь утешение в том убеждении, что в этой нравственной победе есть и его доля заслуги»¹.

Естественная мораль не может быть основой для стремления христианина к высшему нравственному идеалу. Мы, чада Церкви Божией, знаем, что имеем более высокий

¹ Св. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М., 1992. С. 205.

идеал, равно как и единственно действенное средство его достижения. Но естественная мораль — возможно, в виде, наиболее приближенном к ветхозаветной этике, — может послужить общей почвой для совместных действий людей разных убеждений во имя общего блага, во имя мира и согласия друг с другом. В таком отношении к естественной морали нет ничего недопустимого для христианина до тех пор, пока это отношение не начинает граничить с вероуничтожительным компромиссом, со смешением нравственных идеалов и с утратой ради земных целей Истины Христовой, которая превышает всех земных ценностей, всех земных дел и интересов.

Ибо в ней, в Истине Божией — наше упование и основа нашего спасения. В ней, а не в идее «Царства Божия на Земле», которого якобы можно достигнуть без Бога, — подлинное благо человечества и подлинное его будущее. В ней — то есть не в книгах и не в сводах законов, а в Самом Воплощенном Слове — надежда на нравственное преображение наших сердец, которое Господь производит в нас Своею благодатью. И мы веруем в это, зная, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Протоиерей Всеволод Чаплин. Нравственность
в Церкви и вне ее: православный взгляд
в условиях меняющегося общества.
Церковь и время № 3(12), 2000.

МОЖНО ЛИ «ВЕРИТЬ В ДУШЕ», БЫТЬ ДОБРЫМ И СПАСТИСЬ, НЕ ПОСЕЩАЯ ХРАМ?

Можно ли верить в душе, быть добрым по натуре человеком и спастись, не посещая храм, не соблюдая постов?

Прожить жизнь порядочным, честным человеком можно, но спастись без Церкви нельзя. Надеющийся достигнуть Царства Небесного своими силами, подобен человеку, который прочитал дома учебник по вождению самолета и думает, что может самостоятельно долететь до нужного места.

Спаситель пришел в этот мир и пострадал в нем ради создания Церкви. Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28, 20), — обещал Он. И Он действительно неизменно пребывает с нами в церковных таинствах. И, прежде всего, в Таинстве Причастия, в котором мы таинственным образом соединяемся с Христом. Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 53–54), — это обещание Спасителя, записанное свидетелем, мы можем прочесть в Евангелии.

Человека спасает не честная жизнь, не поступки, потому что тогда незачем было бы во-

площаться и страдать Сыну Божию. Человека спасает Сам Господь. Но как? Через благодать, которая дается ему в Церкви. По словам святого Филарета Московского, как необходима человеку для рождения в земную жизнь утроба матери, так же необходима ему, для духовного рождения, духовная утроба матери Церкви.

«Верить в душе», не будучи членом Церкви, все равно как носить фотографию любимого человека в кармане, избегая встреч с ним. Такой «роман» обречен. «Вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц», — писал святой Феофан Затворник. То, что многие принимают за духовную жизнь «без посредников», на самом деле просто букет эмоционально-интеллектуальных переживаний в комплекте с религиозно-бытовой атрибутикой, разговор о Боге за чаем при свечах и под иконами.

Протоиерей Сергей Николаев.
Тихоновский благовест, № 8 (32), 2006.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТАИНСТВ

Непостижимая и неоткрытая людям тайна, почему восхотел Господь создать видимый мир и облек человеческую душу в телесную форму, нисколько не лишает нас твердой уверенности, что цель жизни этого уже созданного мира и че-

ловека нам известна — она лежит в достижении единства с Богом. Если ты рассмотришь сущность того единства в Боге, которое составляет цель жизни человека и его спасение, ты увидишь, что оно не есть единство только души, а всего человека. Всеобщее воскресение не есть воскресение только души. Тело и дух в человеке — не какие-то два противоположные начала. Они составляют нечто целое, единую человеческую личность. Так вот, если ты назовешь бессмыслицей и ненужностью соединение души человека с его телесностью — только тогда ты вправе назвать ненужностью и телесность таинств, то есть некую внешнюю форму для передачи Божественной благодати.

Надо понять это не как формальное внешнее требование, а со стороны внутренней, и тогда таинства перестанут тебе казаться пустыми церемониями.

Человек не только дух, но и вещество. Какова внутренняя связь и внутреннее соотношение души и тела человека с тем, что составляет его телесность, — нам не известно. Но мы знаем, что благодать Божия должна проникнуть всего человека: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» (1 Кор. 6, 15). И еще: «...тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены доро-

гою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 6, 19–20). Таинства и дают всему человеку Божественную Благодать. Духом Святым через таинства наполняется не только душа человека, как нечто отдельное, или тело его, как нечто отдельное, а весь человек в целом. Здесь так же необходимо и так же таинственно значение вещества, как и в личности человека. И здесь мы не знаем, какова связь и каково взаимоотношение внешнего вещественного начала в таинстве с его душой — духовной сущностью, но знаем, что эта связь есть и что она нерасторжима. Мы не знаем, почему для одного таинства нужно вещество воды, для другого масло, для третьего вино и хлеб, мы не знаем, почему нужно произнесение определенных слов и совершение определенных действий, но мы верою непреложно постигаем, что это не есть нечто ненужное и внешнее, а как бы телесность таинства, которая необходима, чтобы преподаваемая благодать наполняла Духом Святым всего человека: и его душу, и его тело, и ту непостижимую связь между ними, которая заключена в единой человеческой личности. В таинствах мы видим величайшее проявление Божественной любви, которая снисходит к нам, несмотря на все наше растление — и духовное, и телесное, — и принимает нас в свое лоно в полноте нашего человеческого бытия.

Эта любовь, снисхождение и милосердие дают нам благодатную силу в вещественных, осязаемых, внешних формах, которые объемлют всего человека, а не только его дух. Таинства — это благодать Божия, которая, подобно душе человека, облечена в таинственную телесность. В эту телесность облек Господь свою силу, снисходя к падшему и искупленному человеку, дабы весь он стал, по слову Иустина-мученика, «Сыном Всевышнего».

Без этой внешней формы непосредственное действие благодати и перерождения души человека невозможны.

Но здесь необходимо сделать одну оговорку. Она имеет отношение ко всем таинствам вообще. Таинство — это необходимое внешнее священнодействие для передачи Божественной благодати — такой общий и непреложный закон. Но всегда надо помнить, что там, где благодать — там по воле Божией возможны исключения. В отдельных случаях, когда это угодно Богу, благодать может быть преподана без установленных внешних священнодействий. Принципиально эта возможность относится ко всем таинствам. Я приведу тебе несколько примеров.

Как общее правило можно утверждать, что крещение водою и Духом обязательно для присоединения верующих к Церкви, но в отдельных случаях мученики делались членами

Церкви и без этого внешнего священнодействия. В древности Дары Духа Святого преподавались верующим через возложение рук. Но не было возложения рук на 120 мужей, на которых сошел Дух Святой в Иерусалиме. Сотник Корнилий прежде крещения и прежде возложения рук был исполнен Духом Святым.

Подобные исключения, возможность которых надо принципиально допустить в каждом таинстве, должны рассматриваться как особые, по воле Божией совершающиеся действия Его благодатной силы и нисколько не колеблют общего учения о таинствах и непреложность закона о необходимости, для передачи благодати Божией, определенных внешних священнодействий.

В Церкви глава Христос, и она вместилище Духа Святого. Поэтому действие в ней силы Божией продолжается. Откуда люди взяли, как надо совершать таинства, какие надо совершать действия и произносить слова? Это сказала Церковь. В слове Божиим даны основные начала всех Богооткровенных истин. Но дальнейшее их развитие, являясь по источнику своему столь же Божественным, раскрывает эти истины в их полноте. Как выросшее, цветущее и дающее плод растение все содержится в зерне, но зерно и выросшее растение — не одно и то же, так и догматы Церкви, все учение о благодати, весь внутренний порядок церковной

жизни содержатся в слове Божиим, но Символ веры, учение о таинствах и святые каноны — не то же самое, что зерно их в слове Божиим, хотя все они содержатся в этом зерне. Все, что имеет Церковь, создано силою Духа Святого уже в процессе земной ее жизни.

Церковь — не пустая форма, совершенно безразличная сама по себе, в которой как в сосуде содержится сила Духа Святого. Церковь — живое Тело Христово, возглавляемое Им и напоенное Духом Святым, значит, и люди, как члены этого Тела, являются действующими в ней. Отсюда некоторое определенное соотношение между сверхъестественным началом и естественным земным процессом. Участие человека в деле развития Церкви и земное естественное ее бытие сделало неизбежным постепенность ее развития в зависимости от нравственного и духовного состояния людей, степени их веры, подготовленности сознания и целого ряда внешних условий. Отсюда понятна и разная форма таинств в разные века. Церковь живет — и потому изменяется. Но это не есть изменение тех или иных человеческих измышлений — это живое изменение зерна, положенного в землю и постепенно выросшего в совершенное растение. «Вы Божия нива, Божие строение», — говорит ап. Павел. И пока ты не проникнешься до конца настоящим пониманием учения о Церкви как

сверхъестественном Телѣ Христовѣ, живущем в естественной земной средѣ, тебѣ все будет казаться «странным», «неразумным», «человеческим», потому что ты будешь видеть во всем только человеческое.

Начнем с Крещения. **Крещение** — это есть такое священнодействие, где при троекратном погружении в воду, с произнесением определенных слов — человек рождается свыше, делается другим человеком, присоединяется к Церкви, становится ее членом. Вѣра необходимое условие для совершения таинства. В таинствѣ Крещения человек получает новое рождение, делающее его членом Церкви. Физическое рождение человека носит в себѣ начало первородного грѣха, не преодолев который, нельзя стать членом Церкви, частицею Тѣла Христова. Сам человек не может сделать это потому, что сам не может уничтожить в своей природѣ начало первородного грѣха. Это можно сделать только через новое рождение силою Божественной благодати и верою в искупившего мир Господа нашего Иисуса Христа. Эта перерождающая сила содержится в Церкви, и в Церкви содержится необходимый для этого момент веры. Человек, принимающий крещение, получает то, что дает ему Церковь и что от него не зависит: душа его ставится в новое условие бытія, он вновь рождается, становится членом Церкви — и через это делается

для него возможным получение тех таинств, в которых может быть преподана благодать Божия только членам Церкви.

Церковь не станет совершать крещение над заведомо неверующим человеком. Она так же, как и Филипп спросил евнуха, спросит его, верует ли он во Христа. Но личная вера нужна и для того, чтобы благодать стала действительным началом в душе человека.

Младенцы не имеют личных грехов, и это условие считается достаточным для действительного принятия таинства. Что же касается личной веры, то Церковь здесь являет себя как нечто единое и целое: личная вера, которой не может быть у младенцев и которая необходима для действительности таинства, — исповедуется перед Господом его восприимниками.

Таинство брака — это такое священнодействие, в котором дается сверхъестественная сила для создания христианской семьи. Физическое соединение, которое вне брака, считается смертным грехом — блудом. После Таинства брака рождение детей считается не тяжким грехом беззакония, а исполнением заповеди Божией. Вся жизнь семьи превращается как бы в домашнюю Церковь, и апостол считает возможным сказать: «Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь». Эта любовь — уже не блуд, а некая «тайна»,

где силою Божественной благодати человек «прилепляется» к жене своей и двое делаются одной плотью.

Это одна сторона церковного учения. Она нашла себе выражение и в молитвах при совершении таинства брака. Там говорится:

«Благослови брак сей и подаждь рабом Твоим сим живот мирен, благоденствие, целомудрие, друг к другу любовь, в союзе мира...»

«Благослови я, даждь им плод чрева, доброчадие, единомыслие душ и телес...»

«Исполни дома их пшеницы, вина и елея и всякие благодати...»

Казалось бы, вопрос ясен. Церковь признает святость брака полностью. Молится о единомыслии не только душ, но и телес. Видит в соединении тайну. Заповедует любить жену, как Христос Церковь. Молится о рождении детей и о внешнем благополучии. И для всего этого дается Церковью благодатная Божественная сила.

Святость брака признается Церковью безусловно и безоговорочно. Отношение к браку как к скверне осуждено Церковью и названо ересью. Но есть два пути — путь девства и путь брачной жизни. Церковь признает первый более совершенным потому, что он открывает возможность большей близости к Богу. Но такое признание двух путей и предпочтение девства супружеству — совсем не есть «двой-

ственность». И меньшее совершенство в отношении большего совсем не есть «скверна». Ведь то же самое видим мы и в вопросе о жизни вообще. Там тоже есть два пути — монашеский и мирской. И хотя возможно спасение и в монашестве, и в миру, но первый путь выше. Слова ап. Павла: «лучше вступать в брак, нежели разжигаться». Апостол говорит следующее: есть два пути — девство и брак. Лучше избрать путь девства. Но не все могут идти этим путем. Тогда, встав на путь внешнего девства, можно погибнуть во внутреннем пороке, разжигания похоти. При таком положении лучше избрать менее совершенный путь, но тоже святой — путь брака.

Каждое таинство может быть совершенно властью Церкви, но действительность преподанной в таинстве благодати зависит от внутреннего состояния души человека. Крещение дает человеку благодать нового рождения. Но при неверии это рождение не создает новой жизни, потому что оно будет мертвым. И брак дает благодать, перерождающую воду естественно-природного влечения — в вино таинственного соединения двух в единую плоть. Но если не будет в браке любви, если жена будет «чужой женщиной», а не любимой той любовью, которая подобна, по словам апостола, любви Христа и Церкви, — благодать окажется бездей-

ственной, а брак, хотя и законный в церковном смысле, и потому не блудный, но мертвый, и семья — мирским делом, а не домашней Церковью. Ведь если крещеный, то есть получивший благодать рождения свыше, может быть хуже, чем некрещеный, то и живущие в браке могут быть хуже, чем вне брака, но это вовсе не значит, что не надо креститься и не надо венчаться. А значит совсем другое: надо креститься и венчаться, имея те внутренние условия — веру в крещение, любовь в браке, чтобы не бесплодной была в нас получаемая благодать и в крещении, и в браке.

Церковь ясно безо всякой двойственности считает брак святым таинством и брачный путь благословляет не как компромисс, а как путь, угодный Богу, хотя и признает девство более совершенным. Искаженное понимание брака коренится в полном забвении тех внутренних условий, которые необходимы для того, чтобы была действенной благодать брака.

По церковному учению благодать одна в смысле того Источника, который ее дает: «Дары различны, но Дух один и тот же...» (1 Кор. 12, 4). «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова» (Еф. 4, 7).

Так же различны дары благодати и в таинствах, хотя Дух один и тот же.

Теперь рассмотрим таинство **Миропомазания**. Да, рождение свыше, внутренне новое

бытие через таинственное присоединение к Церкви, то есть к Телу Христову — совершилось в Крещении. Дана благодать для того, чтобы встать на путь спасения. Это один дар. Но ведь этим внутренним рождением человек не изъят из вещественного мира. Он, родившись свыше, продолжает жить в среде естественного природного бытия, и стихии мира стремятся загасить эту вновь затеплившуюся духовную жизнь. Наш ум, наши чувства, наша воля все время подвержены опасности сделаться достоянием не этого вновь рожденного человека, а того ветхого человека, который, пока на земле, заключен в нашей плоти. Нужна «печать дара Духа Святого», которая дала бы силы этому вновь рожденному Благодатию Божией человеку по-новому мыслить, по-новому чувствовать, по-новому действовать, по-новому видеть, слышать, ощущать весь мир. Вот эта печать Духа Святого как бы восполняет таинство Крещения, в котором вновь рожден человек, и преподается Церковью в таинстве Миропомазания, обычно не отдельном от Крещения. Отказаться от этого таинства — значит отказаться от той полноты даров Духа Святого, которые по милости своей дает Господь.

Другими словами, от Крещения — духовное рождение, от Миропомазания — духовный рост.

Вопрос о таинстве **Елеосвящения** связан с вопросом об отношении Церкви к нашим физическим немощам. Медицина различает разные физические причины человеческих заболеваний. А Церковь различает разные духовные причины. Болезни бывают, как наказание, как вразумление, как испытание терпения и веры, — но все они имеют в своем основании наши грехи, начиная с греха первородного, и в этом смысле болезнь — начало физической смерти. В связи с разными духовными причинами болезни могут быть и самые различные обращения к Богу со стороны болящих. Церковь, молясь за Богослужением об исцелении в немощах лежащих, полагает, что акт веры и любви, который свидетельствуется Церковью в этой молитве, — восполняет то, что хочет Господь от души болящего человека. И Господь дает ему выздоровление. Но иногда такая молитва отдельных людей и всей Церкви бывает недостаточна. Болезнь продолжается. Господь как бы призывает человека к чему-то большему. Посещает его этой болезнью. Хочет от него или покаяния, или исправления, или веры, или терпения. Человек сознает это, но чувствует себя духовно слабым, ему нужна особая благодатная помощь. И тогда он испрашивает у Церкви таинство святого елея. Это таинство в одно и то же время и покаяние, и молитва об исцелении, и обет по выздоровлении посвятить свою жизнь

Богу, и испрашивание благодати Божией, которая дала бы силы исполнить все это. Прочти молитвы, которые произносит священник во время совершения этого таинства: «Исцели раба твоего от обдержавша его телесныя и духовныя немощи и оживотвори его благодатию Христа Твоего»... «Яко да возстав рукою Твоею крепкою поработает Тебе со всяким благодарением»... «Рабу Твоему в немощи духовной и телесной существу исцеление даруй, подая ему оставление грехов и прощение согрешений вольных же и невольных...»

Но, однако, не всегда исцеляются после этого таинства. Но что это показывает? Конечно, не ненужность таинства. Это показывает, что Господь положил взять душу данного человека и пресечь его земную жизнь. Почему Господь так положил, мы не знаем. Такова Его святая воля. Но знаем и веруем, что Всеведущий и Милосердный Господь всегда пресекает земную жизнь человека в момент, наилучший для его спасения, а потому просьба болящего о продлении жизни бывает иногда просьбой младенца, который не знает сам, что для него лучше, и потому просьба такая не исполняется Богом.

Но вот таинство **Исповеди**. Может ли человек покаяться перед Богом сам? Может. Может ли Бог простить грешника? Может. Но может ли это раскаяние и это прощение заме-

нить таинство? Не может. Почему? Во-первых, потому, что Церковь прощает грехи не только в меру принесенного покаяния, а в значительной степени в долг. Исаак Сирий говорит, что человек, сподобившийся видеть свои грехи, блаженнее сподобившегося видеть Ангела. Так трудно вполне, по-настоящему увидеть свой грех. Церковь властью, которая дана ее иерархии, как бы восполняя немощность покаяния, снимает тяжесть греха полностью. Прощает Господь Иисус Христос «благодатию и щедротами своего человеколюбия», а священник свидетельствует об этом и поданной ему властью от лица Церкви Христовой не только прощает, но и разрешает, то есть освобождает от этого греха человеческую душу. Во-вторых. Не достаточно, чтобы грех был прощен и душа освобождена от него. Человек должен еще воссоединиться с Церковью. То разъединение, которое произошло в момент греха, должно быть уничтожено, и полное единство с Церковью, необходимое для таинства Причащения, восстановлено действием особой благодати прощения. Вот это право разрешить или связать грех и даровано иерархии. То очищение от греха, которое необходимо для восстановления единства с Церковью, может дать только сама Церковь.

Таинство **Евхаристии (Причащения)** — это нечто совершенно иное, чем все остальные таинства. Там речь шла о передаче сверхъе-

стественной силы в форме совершенно естественных внешних священнодействий. Не то в таинстве Причащения.

Каким образом хлеб и вино, нисколько не меняясь по своему внешнему виду, — могут оказаться на самом деле уже не хлебом и вином, а Телом и Кровью?

Святая Истина. Больше того. Без таинства Евхаристии — нет христианства, нет Церкви, нет спасения. Ты говоришь — чудо. Да, чудо. Но чудо, которое постоянно совершается в Церкви и даровано ей навсегда. И если бы мы имели все остальное, что дает нам Церковь, но не имели бы таинства Причащения — мы были бы подобно богачу, которому дано войти в роскошный дворец и пользоваться всеми сокровищами в нем, но у которого отнята жизнь. Ты спрашиваешь, что можно сказать разумное в оправдание нашей веры? Не невежественные люди и не языческие жрецы, а Сам Господь сказал Своим ученикам: «...истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». «Ибо плоть моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 53, 55–56). И на Тайной Вечери, «когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «...приимите, ядите: сие

есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28).

В таинстве Евхаристии все непостижимо для разума. Все кажется ему абсурдом. Страшный соблазн для ума и испытание для веры. Но тем более нельзя все извращать, принаравливаясь к пониманию «здорового смысла»... В каждом Агнце в различных храмах совершенной литургии и в каждой частице этих раздробленных Агнцев, по учению Церкви, содержится весь Христос, а не какая-либо его часть... Но эта истина, сущность которой лежит в особом значении числа в невещественном мире, все же остается непреложной истиной и тогда, когда мы говорим о единстве Церкви, состоящей из многих членов, и о единстве Христа в таинстве Евхаристии.

Как могут хлеб и вино, не меняя своего внешнего вида, стать Телом и Кровию Христа? Да, непостижимо. Да, чудо. Но не заграждай путь для твоей веры кощунственными представлениями в угоду все тому же «здоровому смыслу». Говоря о Божественном Телe и о Божественной Крови Христа, не держи перед собой образ тела и крови, который ты знаешь в физическом мире. Что знаем мы о сущности вещества, кроме своих о нем представлений? Что познаем мы о внешнем мире, кроме собственных от

него восприятию? А не зная сущности вещества, как мы можем с дерзостью отвергать учение Церкви о пресуществлении этой непостижимой сущности вещества хлеба и вещества вина в Божественное и непостижимое для нас Тело и Кровь Христову? Почему тебя смущает, что это таинственное изменение не влечет для тебя изменения и внешних твоих восприятий, и ты по-прежнему продолжаешь видеть хлеб и вино, — когда ты не знаешь сущности того и другого и не знаешь, что именно произошло в этом отношении в момент пресуществления? Ведь внешний вид одного и того же вещества с одной и той же сущностью может быть разным даже в физическом мире — так вода по существу остается водой и когда она течет, и когда она имеет вид льда, и когда превращается в пар. Значит, внешняя форма не безусловно связана с сущностью вещества. Почему же твой разум не может допустить обратное: сохранение внешне одинаковой формы при изменении сущности, как это происходит в таинстве Евхаристии?..

Для нас же, верующих людей все теоретические сомнения исчезают не столько от доводов разума, сколько от полноты чувствования. И мы не столько признаем, сколько чувствуем то значение, которое имеет это таинство для нашей внутренней жизни. Слова Христа: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребы-

вает во Мне и Я в нем», — для каждого верующего человека подтверждаются его личным опытом. Почему же это так? Что такое таинство Евхаристии по своему внутреннему значению? Тело и Кровь Христа Спасителя, которые мы вкушаем в таинстве, есть Тело за нас ломимое и Кровь за нас изливаемая, то есть Голгофская искупительная жертва. В Божественной Евхаристии дана нам Голгофа в таинстве. В основе Голгофы, как видели мы с тобой при рассмотрении догмата Искупления, лежит Божественная любовь. И величайшая милость Божия к нам заключается в том, что в этом страшном таинстве дана нам возможность не в чаяниях наших, а в непостижимой реальности, в условиях нашего вещественного бытия, — сделаться причастниками этой Голгофской жертвы и Божественной любви. Для нас, верующих, в таинстве Евхаристии мы соединяемся существенно со Христом, то есть соединяемся всем существом нашим, а не только умом или душою. Евхаристия — это основа того реального единства, которое чаем во всеобщем воскресении, ибо в пресуществлении даров и в нашем причащении — залог нашего спасения и воскресения не только духовного, но и телесного. Таинство Евхаристии — истинный источник жизни, потому что в момент причащения по несказанной любви Божией к нам, недостойным, Христос пребывает в нас, а мы в нем. Это огонь, пополяющий все

наши согрешения и дающий нам благодатную возможность жить во Христе. Вот что такое таинство Евхаристии.

Истинность церковного учения подтверждается не столько логическими доказательствами, сколько внутренним опытом. И если ты стараешься вознестись духом до созерцания той Истины, которая теперь открыта перед тобой в учении о таинствах, я уверен, что ты почувствуешь тот благоговейный трепет, который укрепит твою веру более, чем все логические доказательства, взятые вместе. Логика действительна только тогда, когда есть общие положения, признаваемые обеими сторонами. Тогда одна из сторон может условно сказать: если ты признаешь эти положения, то логически обязан признать и проистекающие из них выводы. Поэтому с людьми неверующими, но признающими свободу воли, различие добра и зла и какой бы то ни было «смысл жизни» как основные посылы, можно вести логический спор и доказывать им, что эти основные посылы логически приводят к истинам веры. Но для людей неверующих и не признающих этих основных посылок, невозможны вообще никакие доказательства, ни логические, ни опытные. Они прячутся от Истины в убежища абсолютного скептицизма и стоят на почве ужасающего безразличия. Вся жизнь человека и все явления вселенной сводятся ими к физико-химическим «процес-

сам», они смело принимают все абсурдные выводы, которые следуют из этого положения и не желают считаться с данными внутреннего опыта. И мертвая душа их находит удовлетворение в мертвом мировоззрении, лишаящим всякого смысла человеческую и мировую жизнь. Если человек скажет: «На свете ничего не существует», — как ему можно сказать, что он говорит нелепость? Ты покажешь ему солнце, предложишь ему осязать окружающее предметы. А он скажет тебе: «Солнца никакого нет и никаких окружающих предметов не существует». Какой логикой и каким опытом можно опровергнуть эти нелепые слова? Для людей абсолютного неверия и для людей абсолютной веры доказательства одинаково не нужны. Для первых они бесполезны, а для вторых — излишни. Но ведь несчастных абсолютных безбожников — единицы, а абсолютная вера — благодатный удел святости. Громадное большинство неверующих людей в большей или меньшей степени сомневаются в своем неверии, и многие верующие нуждаются в укреплении своей веры. Поэтому все, что можно сказать от логики и от опыта имеет свое значение и для искренних безбожников, и для самых искренних исповедников веры.

Все религиозные истины, кроме логики, имеют за собой и внутренний опыт верующих душ. Учение о таинствах особенно богато этим. Ведь таинства — это та благодатная жизнь, ко-

торая нас уже здесь соединяет с Жизнью Божественной. Таинства — это светлое небо на грешной земле, это наступившее обетование. Это то, что нашу веру облакает в плоть и кровь, что, как огонь, согревает холод душ наших, что размягчает окамененное нечувствие наших сердец. Это тот невечерний свет, который озаряет застилающий нас мрак... И посмотри, какая в них мудрость какая в них правда, какая радость! Воистину нисшел к нам Дух Утешитель, о котором сказал Господь своим ученикам. Таинства Церкви объемлют все существо наше, дают новое рождение, дают силы жить новою жизнью. Исцеляют немощи. Омывают грехи. Благословляют семейную жизнь. Существенно соединяют со Христом через причащение Тела и Крови. Когда ты переживешь все это, какими жалкими покажутся тебе слова о «физико-химических процессах». И ты, не колеблясь, скажешь: вот где Истина, вот где правда, вот где жизнь!

Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги.

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ДРУГИХ РЕЛИГИЙ?

Православная Церковь учит, что все люди созданы Богом по образу Его и родственны друг другу и что заповеди Христовы о любви

к ближнему не имеют границ. Поэтому преподобный Феодосий Печерский говорил: «Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего — будет ли то иудей или мусульманин, <...> — ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости Свои не на христиан только, но и на неверных».

Нельзя не вспомнить и такие слова святителя Луки (Войно-Ясенецкого): «Надо было бы, чтобы обратились ко Христу и все добрые и благочестивые люди, не ведущие Христа — из мусульман, из евреев и из буддистов. И если бы случилось так, были бы они для нас самыми дорогими братьями, а теперь только уважаемые люди, к которым должно относиться с любовью, а не превозноситься пред ними».

Пример того, как надо с любовью относиться к человеку иной веры, нам дают многие святые отцы. Например. По свидетельству святого Николая Мистика, святитель Фотий Константинопольский имел дружеские отношения с халифом ал-Мутамидом, а святитель Павлин Ноланский поддерживал такие же отношения с язычником Авсонием.

Наконец, можно вспомнить слова святителя Игнатия (Брянчанинова), который призывал: «И язычнику окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков!

Наблюдай за собою, чтоб тебе не иметь недостатка в любви».

Таковыми словами и примерами святых отцов Православная Церковь руководствуется в отношении к последователям других религий. Но при этом следует понимать, что уважение, милосердие и личное расположение, которое православный христианин оказывает человеку иной веры, не означает согласия с теми убеждениями, которые этот человек разделяет. <...>

Все святые отцы, писавшие об иных религиях, констатировали принципиальное отличие их учений от христианской истины и даже противоречие ей. Поэтому общее отношение к доктринам других религий определяется тем фактом, что все они в той или иной степени не принимают вести о спасении рода человеческого от проклятия, греха и смерти, совершенном через крестную жертву Господа Иисуса Христа, истинного Бога и истинного человека.

Слово Божие последовательно утверждает, что без принятия Иисуса Христа как Сына Божия невозможно подлинное богопознание: «Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1 Ин. 2, 23), «кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца» (Ин. 5, 23), «никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). Сам Господь говорит: «Я есмь путь, истина и

жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6), «видевший Меня видел Отца <...> Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14, 9 и 11). По свидетельству преподобного Иустина (Поповича), «связь человека с Богом определяется в соответствии со связью, какую кто имеет со Христом. Поскольку не существует Бога без Христа ни на небе, ни на земле, ни под ней».

В силу этого нельзя принять суждения, согласно которому верующие самых разных религий поклоняются «одному Богу» и идут к Нему разными путями. Представления о Боге у многих нехристианских народов были сформированы отчасти под влиянием Его естественного откровения, проявляющегося в тварном мире, однако такие представления сами по себе недостаточны для познания истины, и именно поэтому Бог дал людям сверхъестественное откровение — Священное Писание Ветхого и Нового Заветов. Более того, представления о Боге, не основанные на Священном Писании, а тем более противоречащие ему, являются в лучшем случае неполными, а в худшем — попросту ложными. <...>

В случае, когда представление людей о Боге радикально противоречит тому, что Он есть на самом деле, они поклоняются не истинному Богу, а выдуманному ими существу или тварным духовным существам. Если же поклонение, которого достоин только Бог, воздается

сотворенному предмету (идолу), элементам природы, земным стихиям, мы никак не можем сказать, что люди тем самым воздают почтение Единому Богу. Об этом свидетельствуют и слова апостола Павла, говорившего, что «язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (1 Кор. 10, 20).

Употребление в документах межрелигиозного диалога некоторых относящихся к Богу слов, известных из Священного Писания — «Бог», «Творец», «Всевышний», «Отец» и так далее, — не означает, что все участники диалога имеют правильное представление о Боге. То, что в процессе диалога с представителями других религий православные христиане упоминают о Боге, означает не то, что представления нехристиан о Нем будто бы тождественны православному учению, а то, что при этом православные участники диалога апеллируют к тому интуитивному чувству Бога, которым обладает в той или иной мере всякая человеческая душа, равно как и чувством истины, справедливости, способностью отличать добро от зла и совестью, как писал святой Афанасий Великий: «Путь к Богу... не вне нас, но в нас самих; и начало его может быть нами найдено... Да не отговариваются служащие идолам элины, и вообще, никто другой да не обольщает себя, будто бы нет у них такого пути... Все мы вступили на этот путь, и

всем он открыт, хотя и не все им идут... Что же это за путь? Душа каждого и в ней ум... Душа имеет понятие и о созерцании Бога, и сама для себя делается путем, не совне заимствуя, но в себе самой черпая ведение и разумение о Боге Слове».

Православные христиане убеждены, что спасение, то есть достижение блаженной вечности, возможно только в Церкви Христовой для людей, обладающих истинной верой и ведущих добродетельную жизнь, основанную на евангельских заповедях. Основанием этому служат слова Самого Господа Иисуса Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). Церковь также помнит изречение святого апостола Петра о Спасителе мира: «Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 3, 12). Эти слова несопоставимы ни с учением об «апокатастасисе» — спасении всех людей вне зависимости от веры и добрых дел, ни с современной мирской трактовкой христианства, забывающей о том, что в Священном Писании сказано о вечности грядущего наказания: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12, 2); «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф, 25, 46); «Не познавшие Бога и не покоряющиеся

благовествованию Господа нашего Иисуса Христа... подвергнутся наказанию, вечной гибели» (2 Фес, 1, 8–9).

Православные христиане с любовью относятся к каждому человеку, желают ему спасения в истинной вере и не теряют надежды на милосердие Божие ко всем людям, живым или умершим. Однако при этом для нас непреложны слова Спасителя об участи тех, кто сознательно не желает принять Его благовест: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мр. 16, 16).

Те же, кто сделались вероотступниками, подпадают под слова Господа Иисуса: «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 33). А относительно посмертной участи тех, кто умер, не зная Христа и не слышав проповеди о Нем, можно сказать, что справедливый Бог, у Которого «нет лицепрятия» (Рим. 2, 11), «воздаст каждому по делам его» (Рим. 2, 6).

Между православно-христианской истиной и учениями других религий есть множество существенных расхождений. Однако, как заметил святитель Николай Мистик в письме к халифу ал-Муктадиру, «из-за того, что образом жизни, нравами и предметом поклонения мы разделены, разумеется, не следует быть расположенными враждебно и лишать себя общения».

Поэтому принципиальные различия должны рассматриваться не как повод к конфронтации, а как те границы, которые естественно отличают одну религию от другой. <...>

Признавая совпадение многих внешних нравственных принципов, нельзя признать идею полного тождества христианской нравственности с нравственностью иных религий. К тому же внутреннее обоснование нравственных норм в иных религиях нередко дается принципиально иное, чем в христианстве. Согласно православному пониманию, высший нравственный идеал, дающий человеку вечное спасение, достижим лишь во Христе, благодаря Его благодати, а не только личным заслугам человека. Более того, высшая, евангельская нравственность не существует автономно, но вырастает из христианской веры, из опыта жизни во Христе и реального богообщения.

При этом православные христиане верят, что каждый человек, имея в себе образ Божий, наделен нравственным чувством, способным отличать доброе от дурного. Все нравственные учения, известные человечеству, основаны на интерпретациях этого вселенного Богом в человеческую природу нравственного чувства. Этим, в частности, объясняются известные совпадения в нравственных нормах у людей самых разных религий, культур и мировоззрений.

Однако в процессе отхода людей от богоданной нравственности возникли этические представления, расходящиеся с теми, которые христиане почитают как истинные. Например, некоторые религии допускают двойные стандарты нравственности для «своих» и «чужих», некоторые допускают несправедливое отнятие человеческой жизни, насильственное принуждение к вере, оправдывают явный грех и так далее. <...>

В ходе дискуссий о нравственной составляющей диалога религий православный христианин призван помнить, что ни «общечеловеческая нравственность», если таковая вообще существует, ни исполнение десяти заповедей Моисеева закона сами по себе не ведут к вечному спасению. Нравственные принципы, которые считают нормативными сторонники «безрелигиозной нравственности» и которые сводятся к правилу «не делай другому того, чего не желаешь себе», являются лишь границей, отделяющей цивилизованного человека от варвара.

Нормативными для достижения спасения являются Нагорная проповедь и в целом Евангелие Господа Иисуса Христа, посредством исполнения заповедей Которого человек достигает святости и соединяется с Богом. Причем единственной силой, могущей сделать человека способным достичь столь

высокого нравственного идеала, является Божия благодать, подаваемая в Таинствах истинной Церкви.

В современном мире, где православные христиане постоянно соприкасаются с представителями других религий, практически нельзя обойтись без диалога с такими людьми. Он ведется как на уровне повседневных практических контактов, так и на уровне встреч и собеседований представителей Православных Церквей с представителями нехристианских религиозных общин, в том числе на различных межрелигиозных и светских форумах.

Участие Русской Православной Церкви в межрелигиозном диалоге ведется ради свидетельства об истине Святого Православия, а также ради заботы об утверждении в мире традиционных нравственных ценностей и о достижении добрых и справедливых отношений между народами. Такие цели суть исполнение заповедей: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3, 15), и «блаженны миротворцы» (Мф. 5, 9).

Ради этих святых целей — свидетельства об истине Православия и установления мира — святитель Димитриан Хитрийский и святой равноапостольный Кирилл отправлялись в Багдад беседовать с мусульманами, святой Иустин Философ разговаривал с раввином, святитель

Николай Японский общался с буддийскими культовыми служителями.

Следуя примеру святых отцов, в диалоге с последователями других религий мы можем свидетельствовать об Истине Христовой не только прямой проповедью Православия, но и своей любовью, добрыми делами, достойным поведением в житейских делах, включая попытки разрешения волнующих людей проблем современности, в частности, преодоления межнациональных, политических и межрелигиозных конфликтов.

В то же время, общаясь с верующими нехристианских религий, нам надлежит ясно представлять себе наши с ними вероучительные различия, твердо храня верность Истине Христовой. Это нужно не только для сохранения нами своей религиозной самобытности, но и для поддержания искренности и корректности самого диалога, поскольку попытка игнорировать существующие различия и изображать единство там, где его на самом деле не существует, ведет лишь к разочарованиям и к еще большему разделению. <...>

Для православного христианина недопустимо участие в совместных молитвах или обрядах с последователями других религий. Это запрещено канонами Церкви (65 Ап., 71 Ап., 11 VI Вс. Соб., 61 VI Вс. Соб., 94 VI Вс. Соб.) и логически связано с отвержением синкретиз-

ма (слияния), ибо там, где нет единства почитания, не может быть и единства поклонения. Тысячи христианских мучеников предпочли смерть участию в ритуалах иноверцев.

Вступая в отношения с людьми других вер и убеждений, православный христианин призван всегда оставаться верным Истине Божией, которая неизменна, как Сам Бог. Именно этим, а не «политкорректным» замалчиванием своих убеждений, он принесет настоящее благо и себе, и тем, с кем он ведет диалог и сотрудничество, помогая им как минимум увидеть твердость христианина в вере и вдохновиться этим примером, а как максимум — познать истинность спасительной веры Христовой.

Прот. Всеволод Чаплин, диак. Георгий Максимов, Дмитрий Сафонов. О православном взгляде на нехристианские религии. Церковный вестник. № 24 (397) декабрь 2008.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО — ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Воскресение Христово — основа нашей веры. Оно есть та первая, важнейшая, великая истина, возвещением которой апостолы начинали свою проповедь. Как крестной Христовой смертью совершено очищение наших грехов, так Его воскресением дарована нам вечная

жизнь. Поэтому для верующих людей Воскресение Христово есть источник постоянной радости, несмолкающего ликования, достигающего своей вершины в праздник святой христианской Пасхи.

Вероятно, нет человека на Земле, который бы не слышал о смерти и воскресении Господа нашего Иисуса Христа. Но, в то время, когда сами факты Его смерти и воскресения так широко известны, их духовная суть, их внутренний смысл являются тайной Божией мудрости, правосудия и Его бесконечной любви. Лучшие человеческие умы бессильно склонялись перед этой непостижимой тайной спасения. Тем не менее, духовные плоды смерти и воскресения Спасителя доступны нашей вере и ощутимы для сердца. И благодаря данной нам способности воспринимать духовный свет Божественной истины, мы убеждены, что воплотившийся Сын Божий действительно добровольно умер на кресте для очищения наших грехов и воскрес, чтобы дать нам вечную жизнь. На этом убеждении зиждется все наше религиозное мировоззрение.

Теперь вкратце вспомним главные события, связанные с Воскресением Спасителя. Как повествуют евангелисты, Господь Иисус Христос умер на кресте в пятницу, около трех часов после обеда, накануне еврейской Пасхи. В тот же день вечером Иосиф Аримафей-

ский, человек богатый и благочестивый, вместе с Никодимом сняли с креста тело Иисуса, помазали его благовонными веществами, обвили полотном («плащаницей»), как полагалось по еврейским традициям, и похоронили в каменной пещере. Эту пещеру Иосиф высек в скале для собственного погребения, но из любви к Иисусу уступил ее Ему. Эта пещера находилась в саду Иосифа, рядом с Голгофой, где распяли Христа. Иосиф и Никодим были членами Синедриона (верховного иудейского суда) и одновременно тайными учениками Христа. Вход в пещеру, где они погребли тело Иисуса, они заложили большим камнем. Погребение совершалось поспешно и не по всем правилам, так как в этот вечер начинался праздник иудейской Пасхи.

Несмотря на праздник, в субботу утром, первосвященники и книжники пошли к Пилату и просили у него разрешения приставить ко гробу римских воинов, чтобы охранять гроб. К камню, закрывавшему вход в гробницу, приложили печать. Все это было сделано из предосторожности, так как они вспомнили предсказание Иисуса Христа, что Он воскреснет на третий день после Своей смерти. Так иудейские начальники, сами того не подозревая, подготовили неопровержимые доказательства последовавшего на следующий день воскресения Христа.

Где пребывал Господь Своей душой после того, как Он умер? По верованию Церкви, Он сошел в ад со Своей спасительной проповедью и вывел оттуда души уверовавших в Него (1 Пет. 3, 19).

На третий день после Своей смерти, в воскресенье, рано утром, когда еще было темно и воины находились на своем посту у запечатанного гроба, Господь Иисус Христос воскрес из мертвых. Тайна воскресения, как и тайна воплощения, — непостижимы. Своим слабым человеческим умом мы понимаем это событие так, что в момент воскресения душа Богочеловека вернулась в Его тело, отчего тело ожило и преобразилось, став нетленным и одухотворенным. После этого воскресший Христос покинул пещеру, не отваливая камня и не нарушив первосвященнической печати. Воины не видели, что произошло в пещере, и после воскресения Христа продолжали сторожить опустевший гроб. Вскоре произошло землетрясение, когда Ангел Господень, сошедший с неба, отвалил камень от двери гроба и сел на нем. Вид его был, как молния, и одежда его была бела, как снег. Воины, испугавшись Ангела, разбежались.

Ни жены мироносицы, ни ученики Христа ничего не знали о случившемся. Так как погребение Христа было совершено поспешно, то жены мироносицы условились на следующий

день после праздника Пасхи, то есть по-нашему в воскресенье, пойти ко гробу и закончить помазание тела Спасителя благовонными мазями. О приставленной к гробу римской страже и о приложенной печати они и не знали. Когда стала появляться заря, Мария Магдалина, Мария Иаковлева, Саломия и некоторые другие благочестивые женщины пошли ко гробу с благоуханным миром. Направляясь к месту погребения, они недоумевали: «Кто отвалит нам камень от гроба?» — потому что, как объясняет Евангелист, камень был велик. Первая пришла ко гробу Мария Магдалина. Видя гроб пустым, она побежала назад к ученикам Петру и Иоанну и сообщила им о пропаже тела Учителя. Немного спустя пришли ко гробу и прочие мирноносицы. Они увидели во гробе юношу, сидящего на правой стороне, одетого в белую одежду. Таинственный юноша сказал им: «Не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого. Он воскрес. Идите и скажите ученикам Его, что они увидят Его в Галилее». Взволнованные неожиданной вестью, они поспешили к ученикам.

Между тем апостолы Петр и Иоанн, услышав от Марии о случившемся, прибежали к пещере: но, найдя в ней лишь пелены и плат, который был на голове Иисуса, возвратились домой в недоумении. После них Мария Магдалина вернулась на место погребения Христа и стала плакать. В это время она увидела во гробе двух

Ангелов в белых одеждах, которые сидели — один у главы, другой у ног, где лежало тело Иисуса. Ангелы спросили у нее: «Что ты плачешь?» Ответив им, Мария повернулась назад и увидела Иисуса Христа, но не узнала Его. Думая, что это садовник, она спросила: «Господин, если ты вынес Его (Иисуса Христа), то скажи, куда положил Его, и я возьму Его». Тогда Господь сказал ей: «Мария!» Услышав знакомый голос и обернувшись к Нему, она узнала Христа и, воскликнув: «Учитель!», бросилась к Его ногам. Но Господь не позволил ей прикасаться к Себе, а велел идти к ученикам и рассказать о чуде воскресения.

Этим же утром воины пришли к первосвященникам и сообщили им о явлении Ангела и об опустевшем гробе. Эта весть очень взволновала иудейских начальников: исполнились их тревожные предчувствия. Теперь им прежде всего предстояло позаботиться о том, чтобы народ не поверил в воскресение Христа. Собрав совет, они дали воинам много денег, приказав распространять слух, будто ученики Иисуса ночью, в то время когда воины спали, украли Его тело. Воины все так и сделали, и так слух о краже тела Спасителя потом долго держался в народе.

В первый день Своего Воскресения Господь несколько раз являлся Своим ученикам, которые прятались от преследований поодиночке

и группами в разных частях Иерусалима. По церковному преданию, Христос сначала явился Своей Матери, чем утешил Ее материнскую скорбь. Потом Господь явился и прочим женам-мироносицам, сказав им: «Радуйтесь!» Жены мироносицы поспешили поделиться этой радостной вестью с прочими апостолами. В тот же день Господь явился еще ап. Петру и двум ученикам — Луке и Клеопе, шедшим в Еммаус. Вечером же Он явился всем апостолам, которые собрались, чтобы обсудить слухи о Его Воскресении. Боясь иудеев, апостолы заперлись в одном из домов Иерусалима (по преданию — в «Сионской горнице», где была совершена Тайная вечеря и где через семь недель после Пасхи Дух Святой сошел на апостолов).

Через неделю после этого Господь снова явился апостолам и в том числе ап. Фоме, который отсутствовал при первом явлении Спасителя. Чтобы рассеять сомнения Фомы относительно Своего воскресения, Господь позволил ему прикоснуться к Своим ранам, и уверовавший Фома припал к Его ногам, воскликнув: «Господь мой и Бог мой!» Как повествуют далее евангелисты, в течение сорокадневного периода после Своего воскресения Господь еще несколько раз являлся апостолам, беседовал с ними и давал им последние наставления. Незадолго до Своего вознесения Господь явился более чем пятистам верующим.

На сороковой день после Своего воскресения Господь Иисус Христос в присутствии апостолов вознесся на небо и с тех пор Он пребывает «одесную» Своего Отца. Апостолы же, ободренные воскресением Спасителя и Его славным вознесением, вернулись в Иерусалим, ожидая сошествия на них Духа Святого, как обещал им Господь.

Епископ Александр (Милеант).
www.fatheralexander.org

СХОЖДЕНИЕ БЛАГОДАТНОГО ОГНЯ НА ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ

Одним из самых замечательных Божиих чудес всех времен является сошествие Благодатного Огня на Святой Гроб Господень под Светлое Христово Воскресение в Иерусалиме. Это чудо ежегодно повторяется с незапамятных времен.

Возникновение этого огня — необъяснимо. При своем появлении Благодатный Огонь не обжигает и его пламенем можно водить по лицу. Только через некоторое время огонь приобретает свою нормальную температуру. Православный иерусалимский патриарх (или его заместитель), получив Благодатный Огонь, зажигает им свечи, которые тут же раздает многочисленным богомольцам, собрав-

шимся в храме. Чудесный огонь производит на всех присутствующих в храме огромное впечатление и вызывает радость. Замечательно еще то, что Благодатный Огонь сходит только для православных и всегда на православную Пасху. Представители других вероисповедований, которые тоже служат в этом храме, Благодатного Огня не получают.

Одно из самых древних упоминаний содержится в трудах церковного историка Евсевия (IV век). Он описывает такой случай. При Патриархе Нарциссе (конец II века) не хватало масла в лампаде на Пасху. В лампаду налили воды из Силоамского источника. Лампада была зажжена небесным огнем и горела в течение всей пасхальной службы. Читая записи наших паломников, мы постепенно приобретаем довольно полную картину событий, связанных с появлением Благодатного Огня.

Как же происходит самое явление Огня, об этом разные путешественники пишут несколько различно. Одни описывают, что перед этим выходит облако, другие же, не упоминая этого, приписывают происхождение святого Огня прямо от Гроба Господня, иные паломники называют цвет Огня синим, который делается потом блестяще-светлым, а некоторые изображали его красным. Из последних паломников блаженной памяти Андрей Николаевич Муравьев писал, что «на Гроб Господень предварительно

кладется хлопчатая бумага (вата), дабы собирать ею святой Огонь, появляющийся, как говорят, малыми искрами на мраморной плите Гроба Господня».

Приведем отрывок из записок известного путешественника по святым местам, министра народного просвещения А. С. Норова: «Я видел, как престарелый митрополит, склоняясь над низким входом, вошел в вертеп и повергся на колена перед Святым Гробом, на котором ничего не стояло и который был совершенно обнажен. Не прошло минуты, как мрак озарился светом и митрополит «вышел к нам с пылающим пучком свечей». Иеромонах Мелетий, благочестивейший саровский старец, утверждает, что «явление святого Огня не от иначе, кажется, происходит, как только от самого Гроба, освященного Плотию Христовою, который ежегодно источает оный в знамение сия истины и правоверия». Не будучи сам лично свидетелем схождения святого Огня, иеромонах Мелетий приводит слова архиепископа Мисаила, совершавшего тогда служение: «Вшедшу мне, — говорил ему архиепископ Мисаил, — внутрь Святого Гроба, видим на всей крышке гробной блистающий свет, подобно рассыпанному мелкому бисеру, в виде белого, голубого, алого и других цветов, который потом, соединяясь, краснел и претворялся в вещество огня; но Огонь сей

в течение времени, как только можно прочесть не спеша сорок раз «Господи, помилуй» не жжет и не опаляет, и от сего-то Огня уготованные кадила и свечи возжигаются; но впрочем, — присовокупил архиепископ, — как, откуда явление сие бывает, сказать не могу».

Такое разнообразие сказаний о цвете святого Огня и о способе его явления доказывает неподдельность и искренность писателей. Все же сказания очевидцев сводятся к одному итогу, что он невеществен и является ежегодно в Великую Субботу.

Представляет интерес одно из ранних сообщений паломника Трифона Коробейникова (XVI век): «Патриарх Иерусалимский Софроний вошел в придел Гроба Господня, имея в обеих руках своих свечи без огня... И нас сподобил Бог видеть. Тут ж на Гробе христианские кадила (лампады) загорелись, а латинцы, и все еретики, и игумены, и попы взимают огонь на Гробе Господне от христианских (т. е. православных) кадил и свои кадила зажигают, а Патриарх им своими руками не дает, и от них удаляется и совета с ними не творит... И несут люди тот Огонь по домам для благословения и держат тот Огонь весь год»¹.

Сходное описание того же явления имеем в труде иеромонаха Ипполита (XVIII век). Он под-

¹ Хожделение Трифона Коробейникова (1593-1594 гг.). — Православный Палестинский сборник, вып. 27, СПб., 1888. С. 20-21.

черкивает, что Благодатный Огонь нисходит на лампы Православной Церкви даже тогда, когда ближе ко Святому Гробу висят иностранные лампы: армянские, французские, коптские... Всеобщее ликование, по словам отца Ипполита, захватывает и турецких администраторов. Однако они скрывают слезы умиления, чтобы сохранить жизнь.

Сам отец Ипполит оказался у Святого Гроба вскоре после появления Огня. Он пишет на родном ему украинском языке, что плита Гроба была покрыта «кропельками, як живое серебро». Благодатный Огонь обладает дивными свойствами. Первое время после появления Огонь этот не жжет ни кожи, ни волос, хотя свеча от свечи быстро загорается. Один из паломников пишет: «Я всеми горящими свечами себе бороду жег и ни единого волоса не подпалило и не скорчило»¹. Заметим, что минут через 10–15 после возникновения Благодатный Огонь начинает жечь, как обычное пламя свечи.

Значительно позже своих предшественников пришел на Святую Землю афонский инок Парфений. Его путешествие было предпринято около середины XIX столетия. Конечно, благочестивый инок уделил много внимания

¹ Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары (1634–1637 гг.). — Православный Палестинский сборник, вып. 33. СПб., 1891.

описанию Благодатного Огня. Приведем краткие выдержки из его яркого и правдивого описания. «Пришел Патриарх, и была ему великолепная встреча. Вечерня была торжественная. После вечерни арабы стали кричать и бегать по храму. Я спрашиваю, что они говорят. Мне сказали, что они хвалят веру Православную; франков (католиков) укоряют, что те не верят благодати, а армян укоряют, что они хотели сами получить благодать, но вместо этого посрамились»¹.

Известен рассказ о событиях, которые легли в основу последней реплики. Это произошло в Иерусалиме, вскоре после водворения там турецкой администрации. Руководители Армянской Церкви сумели убедить турок передать право получения и распределения Благодатного Огня армянской общине. Православная община во главе с Патриархом была удалена не только из кувуклии (содержащей Святой Гроб), но и из храма. Ей было указано место на улице близ колонн, знаменующих вход в храм. В храме заняли место богато облаченные армянские духовные лица во главе с Патриархом-Католикосом всех армян.

То, что произошло вслед за этим, нельзя не рассматривать как явное Божие указание на ис-

¹ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой горы Афонской инок Парфения. М., 1855. С. 113.

тинную веру. Цитируем о далее происходившем событии из статьи православного араба Хури Фози. «Армяне долго ожидали чуда, тщетно их духовный глава усердно молился перед Гробом — Божественный Свет не сошел. Вдруг раздался громовой удар. Мраморная колонна треснула, и из этой трещины показался Огонь. Православный Патриарх, молившийся перед храмом, встал и зажег свои свечи, а от него получили Благодатный Огонь все православные и все пришедшие в храм»¹. Этому событию сопутствовало другое трогательное явление. Рядом с храмом Гроба Господня стоит здание примерно той же высоты. На веранде верхнего этажа этого здания нес сторожевую службу турецкий офицер Анвар со своими солдатами. Когда он увидел сошествие Благодатного Огня на колонну, то прыгнул на мраморные плиты, устилавшие землю около входа в храм, и возгласил: «Едина есть истинная вера Православная христианская! Я — христианин!» При падении на каменный пол Анвар не разбился. Мраморные плиты, как восковые, подались под ногами Анвара. След его ног сохранили каменные плиты, хотя турки потом пытались их скоблить...

Турки обезглавили Анвара и сожгли его тело. Пепел мученика, крестившегося в своей

¹ Хури Фози. Встреча Воскресения Христова на Востоке (Из личных впечатлений). — Московские Ведомости, № 89, 1910.

крови, хранится в одном из христианских монастырей. Обгоревшая трещина в каменной колонне, откуда вышел Благодатный Огонь, видна и теперь у входа в храм воскресения Христова, напоминая всем об этом чуде.

Наконец, приведем в наиболее подробном виде рассказ паломника, совершившего путешествие в Иерусалим в конце XIX века.

«Святой Свет — у греков, Священный Огонь (или благодать Господня) — у русских паломников, искони являемый в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, в последний день Страстной седмицы, в два часа пополудни, — торжество, коему подобного нет во всем христианском мире.

Мне довелось быть очевидцем происходящего в это время в храме Воскресения два раза. Испытываемое внешними чувствами при этом своеобразном зрелище передать с надлежащей точностью нелегко. Ссылаюсь на очевидцев: пусть скажут, какова задача...

Обыкновенно в Великую Субботу, в половине второго часа, раздается колокол в патриархии. Начинается оттуда шествие. Длинной черной лентой входит греческое духовенство в храм, предшествуя его Блаженству, Патриарху. Он — в полном облачении, сияющей митре и панагиях. Духовенство медленной поступью минует «камень миропомазания», идет к помосту, соединяющему кувуклию с собором, и

затем между двух рядов вооруженной турецкой рати, едва сдерживающей натиск толпы, исчезает в большом алтаре собора. Патриарх останавливается перед царскими воротами. Два архимандрита с иеродиаконами его разоблачают. Без митры и всех архипастырских отличий, в белой полотняной хламиде, подпоясанный кожаным ремнем, он возвращается, в сопровождении митрополитов и архиереев, ко входу в часовню. Вход запечатан турецкой печатью, охраняемой турецким караулом.

Накануне в храме уже все свечи, лампы, паникадила были потушены. Еще в неотдаленном прошлом тщательно наблюдалось за сим: турецкими властями производился строжайший обыск внутри часовни; по наветам католиков доходили даже до ревизии карманов священнодействовавшего митрополита, наместника Патриарха, когда резиденция последнего находилась еще в Константинополе.

После троекратного обхода духовенством, предшествуемым хоругвеносцами, часовни Святого Гроба, с пением стихир 5-го гласа — «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесех» — Патриарх останавливается на помосте перед наружным входом в часовню. Здесь его ожидает армянский епископ в облачении. Турецкий офицер снимает печать. По входе Патриарха, а за ним и армян-

ского епископа, дверь снова запирается. Оба раза я епископа не замечал; но если он, по уверению некоторых и знаменитого паломника нашего Андрея Н. Муравьева, и входит за Патриархом, то остается в приделе Ангела бездействующим свидетелем. Греческий же иерарх проникает через низкое отверстие поперечной стены ко Святому Гробу. Там царит безусловный мрак ночи.

Следуют страшные... страстные минуты... иногда четверть часа, иногда двадцать минут... Это — целый век трепетного ожидания... Гробовое молчание... Представьте себе мертвую тишину многотысячной ... толпы, такую, что, пролети птица, слышен был бы шум крыльев, и поймете тогда степень напряженного ожидания этого людей. Только имевшие случай пережить эти минуты в состоянии понять, как бьются сердца.

В кувуклии, в приделе Ангела, в северной и южной стенах — два отверстия, овальные, величиной с большое столовое блюдо... В северном вдруг показывается длинная свеча... пылающая!

Благодать!.. Господи, помилуй! Кирие, элейсон!.. Воля-дин, иля-дин, эль-Мессия! (арабское: нет веры иной, как Православная!).

...Крики, вопли, неистовые, неумолкающие, несутся снизу, сверху, с балконов, галерей, лож, карнизов; отовсюду оглушительные возгласы,

звон колоколов, торжественные звуки деревянных бил, треск барабанов, резкие трели металлических молотков; все скачет, кричит, все лезет на плечи друг к другу... Мне сдается, что я в громадном здании, охваченном пожаром. Огонь моментально сообщается всюду: у всех горят пучки свеч; их спускают на веревках с галерей; зажженные летят вверх. Весь храм объят пламенем. Температура во мгновение доходит до 45°...

С невероятными усилиями, ружейными прикладами и тесаками, солдаты едва успевают очистить путь вышедшему из кувуклии Патриарху. Бледный, со страдальческими чертами лица от глубокого душевного потрясения, Патриарх медленно приближается к соборному алтарю. Так, во время оно, Моисей оставлял выси Синайские... Патриарх простирает в обе стороны зажженные свечи. Кто успевает, тушит свой пук и ловит пламя патриаршей свечи...

Никак не мог себе объяснить я, как огонь, едва замеченный в северном отверстии кувуклии, почти во мгновение ока появляется почти в алтаре собора. Там все свечи уже пылают в то время, когда огонь едва стал перехватываться и передаваться близ стоящим у самой часовни. У сказанного отверстия обыкновенно ожидают двое нарочных с фонарями; один из них немедленно скачет вер-

хом в Вифлеем... Но как может другой в единый миг пронизать сплоченную массу народа и проникнуть в алтарь, остается, решительно, непонятным...

В алтаре Патриарх отдыхает не более пяти минут и затем удаляется; мало-помалу и все духовенство исчезает из храма.

Что же произошло? Откуда же взялся Огонь у Патриарха? — Таковы вопросы, которые у скептика, разумеется, так сказать, на языке.

Как-то вскоре после пасхальных дней я, в числе нескольких вновь прибывших паломников, сопровождал Патриарха на пути в Иерихон и к Иордану. На половине пути мы были приглашены в его палатку к обеду. Один из таких скептиков, выбрав удобную минуту, вдруг поставил так вопрос:

— Откуда, ваше Блаженство, изволите получать Огонь в кувуклии?

Престарелый Архипастырь, не обращая внимание на то, что слышалось в тоне вопроса, невозмутимо отвечал так (мною почти слово в слово записано было слышанное):

— Я, милостивый государь, извольте знать, без очков уже не чтец. Когда впервые вошел я в придел Ангела и за мною закрылись двери, там царил полумрак. Свет едва проникал через два отверстия из ротонды Святого Гроба, тоже слабо освещенной сверху. В приделе же Святого Гроба я не мог различить, мо-

литвенник ли у меня в руках или что другое. Едва-едва замечалось как бы белесоватое пятно на черном фоне ночи: то, очевидно, белела мраморная доска на Святом Гробе. Когда же я открыл молитвенник, к удивлению моему, печать стала вполне доступна моему зрению без помощи очков. Не успел я прочесть с глубоким душевным волнением строки три-четыре, как, взглянув на доску, белевшую все более и более и так, что мне явственно представились уже все четыре ее края, заметил я на доске оной как бы мелкий рассыпанный бисер разных цветов, вернее сказать, как бы жемчуг с булавочную головку и того меньше, а доска начала положительно издавать яко бы свет. Бессознательно сметая изрядным куском ваты этот жемчуг, который начал сливаться подобно каплям масла, я почувствовал в вате некую теплоту и столь же бессознательно коснулся ее фитилем свечи. Он вспыхнул подобно пороху, и — свеча горела и три образа Воскресения озаряла, как озаряла и лик Богоматери и все металлические над Святым Гробом лампы. Предоставляю за сим вам, милостивый государь, судить о моем в ту минуту душевном волнении и вывести ответ на сделанный вопрос»¹.

¹ Нилус С. Святыня под слудом. Сергиев Посад, 1911. С. 183–187.

На страже Святого Гроба уже несколько веков стоят православные иерархи...

Подводя итоги, приведем еще несколько слов из статьи Хури Фози. Он рассматривает появление Благодатного Огня, как символ таинственного общения неба с землей и Бога с человеком. Появление Благодатного Огня повергает в благоговейный трепет сердца и создает для верующих радость ощущения близости Божества. Право совершения этого обряда с давних пор принадлежало православным. Только по молитвам их первоиерархов возжигается и поныне чудесный Огонь у Гроба Господня.

О неудачной попытке армян в XVII веке получить Огонь мы уже упоминали. Современные католики никогда не дерзают восхитить право на получение этой святыни. Они стараются лишь умалчивать об этом факте и делают вид, что никакого чуда не происходит. Иначе, как упорством, их позицию не назовешь...

Однако древние католики не отрицали чуда схождения Благодатного Огня. Сохранились, например, свидетельства латинского монаха Бернарда (IX века) и папы Урбана II (XI век). Вот что они сообщают.

«В Великую Субботу, — пишет Берnard, — накануне Пасхи, на утреннем церковном служении во храме Гроба Господня, по пропении: «Кирие, элейсон» (Господи, помилуй!) Ангел

нисходит и возжигает лампы, висящие над Гробом Господним. Патриарх передает этот Огонь епископу и наконец всему народу, дабы всякий мог засветить этот Огонь в своем доме. Нынешнего Патриарха зовут Феодосием (863–879); он призван на это место за свое благочестие».

Папа Урбан II на крестовом соборе в Клермонте, в своей речи к собранному перед ним бесчисленному множеству народа, провозгласил, между прочим, следующее: «Поистине в этом храме (Гроба Господня) опочивает Бог: в этом храме Он за нас умер и был погребен. Доселе не престаёт Он там являть Свои чудеса, ибо во дни Святых Страстей Своих, когда все огни погашены над гробом Его и во храме, внезапно погашенные лампы возгораются. Чье сердце, сколько бы оно ни было окаменелым, не смягчится таким явлением?»

Из свидетельств благочестивых православных паломников следует упомянуть свидетельство игумена Даниила, посетившего Иерусалим в 1093–1112 годах, при великом князе Киевском Святополке Изяславовиче. В то время, вскоре после крестовых походов, в Иерусалиме царствовал король Болдуин I, католик. Из описания Даниила мы видим, что Болдуин I присутствовал при явлении Благодатного Огня и принимал от епископа свечу,

но епископ был православный, а не католик несмотря на то, что сам Болдуин был католик и Иерусалим был завоеван крестоносцами-католиками и принадлежал папскому престолу. Вероятно, были опыты, но католическим епископам не сходил святой Огонь, поэтому и было предоставлено это право православным.

Необходимо сделать еще одно существенное замечание. Как известно, православные и католики празднуют Пасху по разному календарю (так называемый старый и новый стиль). Так вот, Благодатный Огонь появляется только под Светлое Христово Воскресение, определяемое православными по старому стилю, и никогда не сходил под Пасху, празднуемую католиками по новому стилю...

И, наконец, в заключение отметим еще одно обстоятельство. Получение Благодатного Огня происходит каждый год при таких условиях, когда всякая подделка исключена. Десятки тысяч людей, в том числе и иноверные — раньше турецкая, а теперь израильская полиция — наблюдают это явление. И тем не менее это явное чудо далеко не всех убеждает. Напрашивается страшный вопрос: какая же сила держит людей в столь крепких узах духовного мрака неверия?

Епископ Александр (Милеант).
www.fatheralexander.org

СПАСЕНИЕ ТОЛЬКО ВО ХРИСТЕ

«Я есть Путь, и Истина и Жизнь»
(Ин. 14, 6)

Христос — Путь

В определенный Богом и предсказанный пророками момент истории человечества, более 2000 лет тому назад в древнем Израильском народе родился Спаситель мира, Иисус Христос, предсказанный древними пророками Мессия. В его воплощении совершилась великая непостижимая тайна, когда в единой Личности Сына Божия навечно соединились две природы — Его предвечная Божественная и воспринятая Им человеческая, так что Он стал во всем подобен нам.

Живя среди людей, Иисус Христос и словом и личным примером учил их правильно верить и праведно жить. Не долго — всего лишь три с половиной года — продолжалось Его общественное служение. Но оно было чрезвычайно насыщено. Каждое слово, каждый поступок Христа отображал Его бесконечную мудрость, любовь и нравственное совершенство. Он сиял как великий свет, пришедший к нам из идеального горнего мира, который просвещает и всегда будет просвещать всякого человека, ищущего добро.

Хотя учение Иисуса Христа содержало в себе полноту того что людям нужно было

знать, чтобы праведно жить, однако они стали слишком нравственно немощными, чтобы одними своими усилиями духовно обновиться. Грех пустил слишком глубокие корни в человеческую природу, зло безмерно усилилось во всех сферах человеческой жизни, чтобы люди могли одними своими усилиями сбросить с себя его гнет.

Тогда из непостижимого сострадания к нам, грешникам, по своей величайшей любви, Он, праведный, взял на Себя грехи всех людей, грехи каждого из нас, и принес за них искупительную жертву на кресте. Своей пречистой Кровью Он смыл нашу вину перед Богом, а Своей смертью победил нашу смерть. Затем, сойдя в глубины ада, Он, как всемогущий Бог, освободил и вывел оттуда души всех желавших вернуться к Богу и праведно жить. Он отнял у сатаны власть над людьми и определил ему день окончательного осуждения в геенне огненной.

Почему понадобилась именно такая ужасная жертва, как позорная и мучительнейшая смерть на кресте Богочеловека Христа, не было ли у Бога других путей спасения людей — это непостижимая тайна. Знаем только, что искупительные страдания Христа, совместно с Его славным воскресением из мертвых содержат в себе величайшую возрождающую силу. Именно благодаря Его всепобеждающей силе, каждый грешник, как бы сильно он ни погряз в

тине страстей, может полностью духовно обновиться, стать праведным и даже великим святым.

После Своего Воскресения из мертвых, Иисус Христос на сороковой день вознёсся на Небо, и теперь как Богочеловек пребывает там, возглавляя Церковь и вместе с Отцом и Святым Духом управляя судьбами мира. Послав на своих апостолов и учеников Святого Духа в пятидесятый день после Своего Воскресения, Иисус Христос основал среди людей Церковь, которой сообщил все, необходимое для спасения верующих.

Если же Самому Сыну Божию пришлось совершить такие чрезвычайные дела, как сойти на землю, воспринять человеческое естество, пострадать и умереть на кресте самой позорной и мучительнейшей смертью, то ясно, что не может быть никаких иных путей к спасению, кроме предоставляемого нам Иисусом Христом!

Теперь, благодаря всему тому, что совершил Господь наш Иисус Христос, каждый человек имеет возможность освободиться от грехов, сбросить с себя бремя страстей, духовно обновиться и, с помощью Его благодати, начать праведно жить. Теперь каждый желающий может достичь вечную жизнь в Царстве Небесном, и дьявол не может воспрепятствовать этому, если мы сами по свое-

му легкомыслию и беспечности не отпадем от Христа.

Таким образом, благодаря Господу Иисусу Христу, воплотившемуся Сыну Божию, бессмертие и райское блаженство — не мечта поэтов или фантазия философов, а достижимая для всех реальность! Каждый желающий может достичь Царства Небесного, идя путем, указанным Спасителем, и посильно подражая Ему. Он является идеалом нравственного совершенства, высшим критерием истины, непреложным духовным авторитетом и неиссякаемым источником воодушевления.

Поистине — Он есть наш Путь и Истина и Жизнь! Все другие «великие учителя» человечества (Конфуций, Зороастра, Будда, Кришна, Магомет, а также основатели современных тоталитарных культов), если их противопоставлять Христу или при помощи них пытаться «поправить» и «улучшить» то, что Он сказал или сделал, являются жалкими пародиями.

Христос — Истина

Бог-Отец predetermined спасти людей через Своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа. Все, что делал и чему учил Иисус Христос содержится в Новозаветной части Библии в так называемых Евангелиях, которых всего четыре. Ветхозаветная часть Библии содержит писания Пророков, живших до Иису-

са Христа, и имела целью подготовить человечество к принятию Христа, как Мессии, т.е. Богом помазанного Спасителя. Книги Нового Завета, написанные учениками Христовыми, апостолами, более подробно и обстоятельно излагают учение Иисуса Христа.

Первая книга Библии, Бытие, учит, что все видимое и невидимое сотворено Богом из ничего. Сначала Бог сотворил невидимый ангельский мир (Небо), а потом наш видимый или вещественный мир («землю»). Как бы венцом вещественного мира Бог сотворил человека, украсив его Своим образом и подобием (Быт. 1, 26–27). Бог сотворил мир не по необходимости или нужде в нем, но по Своему всеблагому желанию, чтобы и другие созданные Им существа могли наслаждаться жизнью.

Будучи бесконечно добрым, Бог все сотворил добрым, прекрасным и чистым. Люди, как и Ангелы, были предназначены для вечной жизни и вечного блаженства в благодатном единении со своим Создателем. Чтобы они могли нравственно расти и совершенствоваться, Творец благоволил почтить их драгоценнейшим даром свободы воли. Этим даром Он предоставил разумным существам величайшую честь над остальной неразумной природой, но, одновременно, и испытание. Будучи необъятным морем любви (1 Ин. 4, 8–12) Бог хотел, чтобы мы все любили Его самой

чистой и бескорыстной любовью, как ласковые дети своего заботливого отца. Он хотел, чтобы мы все по собственному желанию стремились к Нему и, усиленно подражая Ему, все более и более совершенствовались.

Чтобы мы могли полнее познать Его, Бог открыл нам, что Он не простое единство, но Три-единство — или Троица, т.е. что в Нем, при единой Божественной природе или сущности есть три свободно-разумных Личности — Отца, Сына и Святого Духа, Которые пребывают в совершенном согласии и любви Друг к Другу. В Божестве Отец является источником общей Всем Божественной Природы (это Его ипостасное свойство), Сын предвечно «родился» от Отца, Дух Святой предвечно «исходит» от Отца (это Их ипостасные свойства)... Бог всегда был как Троица — Отец, Сын и Святой Дух.

Будучи Троичным в Лицах, но единым в существе, Бог хотел, чтобы и созданное им человечество в известной мере отображало Его три-единство. Иными словами, чтобы люди жили не как обособленные личности, одинокие «я», но как «мы», — т.е. как цельное и сплоченное общество, связанное любовью, в котором каждый воспринимает радости или скорби ближнего как свои собственные. Это, конечно, был идеал, намеченный Творцом. Но это всеединство не должно было подавлять личности разумных существ. Напротив, как в Творце

Каждое Лицо обладает Своими личными, непостижимыми для нас свойствами, так и в человеческом обществе, каждый отдельный человек должен был сохранить индивидуальные и неповторимые свойства, свои уникальные «talанты». К такому именно образу бытия — к единству во множестве — и был призван человек, прежде всего в семейных отношениях, затем в масштабах общества и, наконец, всего человечества.

Но, как мы уже говорили, грех глубоко повредил человеческую природу, в результате чего человечество не только оторвалось от своего Творца, но и раздробилось на множество соревнующихся и враждующих друг с другом индивидуумов. Задавшись целью вернуть людей на путь единения с их Творцом и сближения друг с другом, Иисус Христос начал Свою проповедь с благой т.е. радостной вести (по-гречески — Евангелие) о том, что «приблизилось» к ним «Царствие Божие». Бог готов простить каждого человека и воспринять его как Своего сына, при условии, что он поверит в посланного Им Спасителя, примет Его Божественное учение и начнет праведно жить. Все, что говорил и совершал Иисус Христос, имело целью научить людей и воодушевить их начать жить для Бога, для добра, для внутреннего возрождения. Проповедуемое Иисусом Христом Царство Божие должно

было начаться внутри верующих — в их обновленных любовью сердцах.

После Своего славного Воскресения из мертвых, незадолго до Своего вознесения на Небо, Иисус Христос открыл людям, что перед концом мира Он снова придет на землю. Это Второе пришествие Христа совершится не так, как первое. Тогда Он пришел как сострадательный и милующий Спаситель в образе обычного человека. Он жил в бедности и кротко терпел всякие поношения от грешников. Перед концом же мира Он придет в Своей Небесной славе, окруженный сонмом Ангелов и святых, как грозный и праведный Судья, чтобы каждому воздать по делам его. Непосредственно перед Вторым пришествием Христовым и по Его всемогущему слову, произойдет всемирное чудо воскресения мертвых. Тогда тела всех людей, когда-либо живших на земле, во мгновение ока восстанут из праха и соединятся со своими душами. Тогда каждый человек будет восстановлен в своей двух-составной природе, в которой душа и тело составляют единое человеческое естество.

Вспомним, что человек был сотворен для вечной жизни. Смерти же, как полного уничтожения, превращения в небытие — не существует! То, что мы называем смертью, есть лишь временное разлучение души и тела. Лишенное своего жизненного начала, души, тело

разлагается на свои составные элементы. Душа же, личность человека, в ясном уме и в полном сознании переходит в некие неведомые нам сферы бытия, где пребывает до дня Страшного Суда Христова. В Своем Втором пришествии Христос восстановит людей в их двухсоставной природе.

Во время Второго пришествия Христова закончится земная история человеческого рода. Огненному пламени предана будет земля и все, что на ней...

Суд Христов произойдет не только над людьми, но и над дьяволом и демонами. На этом суде будет решена вечная участь каждого разумного существа, и все те, кто не пожелали ответить Богу любовью на любовь, кто творил зло и распространял ложь, будут осуждены на геенну огненную. То будет «смерть вторая», состоящая не в уничтожении, а в полном отчуждении от Бога и в нескончаемых бесплодных мучениях.

На «новой земле» и под «новым небом», в «новом Иерусалиме», начнется та новая, радостная и нескончаемая жизнь, которую Бог от вечности предопределил любящим Его. Там и осуществится истинное спасение, которого жаждет каждый человек, хотя и не все сознательно. Тогда, наконец, осуществится то, для чего Бог по Своей бесконечной любви создал нас!

Христос — Жизнь

Итак, целью нашей временной жизни является наследование вечной жизни в Царстве Небесном. Для достижения её, возлюбивший нас Создатель не ждет от нас ничего иного, как только того, чтобы мы ответили Ему такой же искренней, чистой и бескорыстной любовью, какой Он любит нас.

Эта любовь есть источник, текущий из этой временной жизни в прекрасную вечную жизнь. Смыслом жизни человека является все больше и совершеннее уподобляться Богу и сближаться с Ним. Содержанием нашей жизни должно стать непрерывное утверждение в себе всего того, что содействует сближению с Богом и устранение всего того, что от Него отдаляет.

Но как возжечь в душе огонь такой любви и таких стремлений? А после возжжения, как сохранить его, не дать погаснуть, по возможности даже превратить в спасительный пламень, опаляющий в сердце всякую скверну. Даже при самом искреннем желании человек одними своими силами сделать этого не может, потому что слишком сильны ветры и волны страстей, исходящих от враждебных человеку начал: мира, во зле лежащего, грехолюбивой плоти и дьявола — начальника всякого зла.

Поэтому для спасения необходимо крепко прилепиться ко Христу, стать едино с Ним. Тогда Его Божественная сила, Его любовь напол-

нут наши души и будут охранять нас, освящать, укреплять и вести, хоть узким, но верным путем к жизни вечной. Христос так и говорит о необходимости пребывания с Ним: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Иными словами, подлинная духовная жизнь, приносящая добрые плоды, невозможна, если человек не соединится самым тесным образом с Источником духовной силы — Христом.

Но как? — Только в Церкви Христовой! Ведь Церковь, по слову апостола Павла, есть Тело Христово, глава которому — Он Сам; мы же, верующие, суть члены или частицы этого таинственного Тела.

Необходимость Церкви

Это великое, премудрое, превосходящее наше разумение таинство Церкви, Царства Божия, Господь Иисус Христос устроил следующим образом. Сначала, крестившись от Иоанна в Иордане, при наитии Святого Духа и гласе Отца Небесного, Он освятил водное естество. Тем самым, вода Крещения стала проводником благодати Божией, возрождающей человека. Христос учил, что человек духовно рождается и становится членом Церкви только «родившись от воды и Духа» в таинстве Крещения (Ин. 3, 5).

Но как рожденному необходимо питание для дальнейшего возрастания, так и вновь-рожденному в таинстве Крещения, необходимо духовное Питание, которое Господь подает нам в таинстве Причащения. О нем Господь так говорил: «Я есмь Хлеб жизни... Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6, 48–57).

Накануне Своих Крестных, страданий Христос Сам, впервые, на Тайной Вечере претворил хлеб в Свою истинную Плоть и вино в Свою истинную Кровь и причастил Ими Своих учеников, показав тем самым, как именно должно совершаться таинство Причащения.

С тех пор, таинство Причащения постоянно совершается на богослужении, называемом Литургия. На нем верующие люди, причащаясь Плоти и Крови Иисуса Христа, соединяются с Ним — не в каком-то отвлеченном, мистическом смысле, но совершенно реально! То есть, все духовно-телесное естество человека общается духовно-телесной жизни Богочеловека Иисуса Христа. Любовь открывает путь к духовному сближению, но, именно благодаря

Причащению, люди, соединяясь с Христом, одновременно объединяются друг с другом и в Нем становятся единым, цельным живым организмом, именуемым Церковью. Вот почему апостол Павел именовал ее Телом Христовым (Кол. 1, 24).

Как воплощение Сына Божия совершилось сошествием Святого Духа на Деву Марию, так и Церковь получила свое основание в день сошествия Святого Духа, Которого Иисус Христос от Отца послал на апостолов в пятидесятый день после Своего воскресения. С того дня Дух Святой постоянно пребывает в Церкви, животворяя, просвещая, возвращая ее, как единый живой организм Тела Христова, состоящего из множества «членов» — верующих христиан.

Чрезвычайно важно не забывать, особенно в наше время все увеличивающегося дробления христианства на множество церквей и «юрисдикций», что человек призван спастись не одним умозрительным признанием христианской истины, и не своими лишь добрыми стремлениями, а своей органической принадлежностью к живому целому Церкви. Только в ней, в этом таинственном Телe Христовом, верующий обретает и правильное духовное руководство и необходимые силы для подлинной христианской жизни.

Истинная Церковь едина и нераздельна

Родившись в дни апостолов, Церковь Христова на своем историческом пути, впитывая в себя людей из многих народов, постепенно возрастает от силы в силу «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). Как из малого семени вырастает могучее дерево, или как из младенца получается взрослый и зрелый человек, так и Церковь Христова, некогда состоящая из двенадцати рыбаков, к настоящему времени достигла своего полного расцвета, превратившись в многоветвистое и многолиственное прекрасное дерево (Мф. 13, 32) с развитыми учением, литургикой, символикой, канонами или правилами, охватывающими все стороны ее жизни, и жизни каждого отдельного верующего. Церковные каноны суть необходимые законы жизнедеятельности, подобно тому, как имеет такие законы организм живого человеческого тела.

Как у Христа не может быть нескольких «тел», так и Церковь Христова может быть только едина и одна!

Но в современной действительности мы сталкиваемся с фактом наличия множества христианских объединений, претендующих на звание «церкви». И католики и протестанты разных толков, и баптисты, и адвентисты, и пятидесятники и даже последователи самых изуверских культов — все настаивают на истинности своих учений...

Поскольку Христос основал Церковь именно для спасения людей, то, несомненно, что в дроблении христианства самую активную и ведущую роль всегда играл дьявол — этот извечный враг Бога и людей.

Назвав дьявола «лжецом и отцом лжи» (Ин. 8, 44), Христос обозначил главный метод, которым тот пользуется, а именно — ложь! И действительно, чтобы оторвать побольше людей от Церкви, дьявол в первую очередь старается внушить людям ложные религиозные идеи — ереси. Человек, прельщенный какой-то новой идеей, принимает ее за божественное откровение, а себя — за Божьего посланника и начинает распространять свое губительное учение с большим усердием и самоотверженностью. Делает он это, якобы для того, чтобы «улучшить», «очистить» или «дополнить» христианское учение. А когда Церковь отвергает это еретическое учение, тогда самозванные пророки отделяются от нее, отторгают от нее верующих и создают свои церкви, которые объявляют истинными, а Церковь Христову — сбившуюся с пути и не понявшую учения Христова.

Так с апостольских времен и до наших дней возникали и продолжают возникать всевозможные ереси. Прежде, например, появилось арианство, монофизитство, иконоборчество, затем от истинной Церкви отошло

Римо-католичество, от которого отделилось протестантство, реформаторство, а из них, как из рога изобилия, потекли бесчисленные современные секты. Причем, эти последние, по существу, повторяют древние, давно осужденные Соборами ереси, лишь оформляя их в новую фразеологию.

Тех же людей, которые твердо держатся истинного учения, дьявол старается оторвать от Церкви путем церковных расколов и приходских раздоров. Опять же, он умело внушает людям «благовидные» предлоги для исправления недостатков или улучшения сложившихся условий. Беда, конечно, не столько в тех или иных обычаях или внешних мероприятиях, которые не всегда могут быть во всем удачными, и потому всегда подлежат улучшению, сколько в том, что люди начинают ссориться друг с другом и в результате дробятся на враждующие группы.

Но как простому верующему разобраться в этой путанице наличия множества церквей, деноминаций и культов?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, надо понять, что истинная Церковь должна непрерывно восходить к апостольским временам, сохраняя апостольское учение, традиции и непрерывную нить апостольской преемственности, переходящей от епископа к епископу. Церковь, как живой организм, развивается

и растет, но в то же время она должна сохранять единство и тождество своей Богочеловеческой природы.

В Символе Веры мы говорим «Верую во единую святую соборную и апостольскую Церковь». Такая вера предполагает единство Церкви, как единства живого организма, где все теснейшим образом связано, то есть единство вероучения, литургической жизни и канонического строя. Все это обеспечивает общение верующих в главном — в таинстве Причащения и молитвах. В таком общении находились древние Православные Церкви, представлявшие собой, в сущности, одну Церковь, в разных лицах, как бы отображая Три-единство Божеского естества.

Некоторые выдвигают теорию, будто некогда единая Церковь Христова «разделилась» на части — православных, католиков, протестантов и т. д. — и что каждая такая часть или «христианская церковь» хранит в себе частицы истины и представляет собой как бы «осколки» некогда единой Апостольской Церкви. Поэтому все они должны теперь объединяться сначала в «диалоге любви», потом — в молитве, а затем и в Евхаристии. При этом каждая «церковь» будет сохранять свое учение, т.е. в сущности ересь. При таком подходе к вопросу единения игнорируется факт, что истинная Церковь, основанная апосто-

лами, существует в наши дни и по обещанию Христа будет существовать до конца мира (Мф. 16, 18). А раз так, то правильно будет для отпавших вернуться в нее. Ведь Церковь — это не человеческое общество, но Тело Христово! Если бы разговор шел о сотрудничестве между людьми только в земном, практическом плане, то здесь, конечно, люди вправе объединяться по взаимному соглашению. Но когда разговор идет о соединении в Церковь, то здесь все человеческое должно быть отодвинуто в сторону. Надо всецело вернуться ко Христу, принять Его учение в его полноте, без всяких поправок или модернизаций, надо восстановить ту церковную структуру, которую заложили Его апостолы.

Как у Христа не может быть нескольких «тел», так не может быть нескольких параллельных истинных церквей, ибо Церковь — Тело Христово, которое неделимо, как всякий живой организм. Поэтому никогда не было, и в принципе, не может быть разделения Церкви. Были только и есть еретические и раскольнические отпадения от нее! Вот почему древние правила (каноны) Церкви строго запрещают какое-либо молитвенное общение с отпадшими, то есть с еретиками, пока те через покаяние не вернуться в Церковь.

Только в Православии, как в действительном Теле Христовом, предназначено спасение для

каждого человека! Кто действительно любит Бога, тот непременно хочет быть в единстве с ним. В этой любви суть христианства! Тех, кто искренне любит Христа, их любовь должна привести к истинной Церкви!

И когда некоторые нынешние «мудрецы» утверждают, что к Богу ведут разные пути, как на вершину горы ведут разные тропинки, следует помнить, что Тот, Кто предложил Себя Самого, как единственные Путь, Истину и Жизнь, есть Сын Божий, Богочеловек. А все, кто учат иному и ведут людей другими путями — «суть воры и разбойники» (Ин. 10, 8).

Епископ Александр (Милеант).
www.fatheralexander.org

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Итак, причина нашего внутреннего разлада, всех противоречий и всех бедствий в мире — это грех. Христос открыл людям путь к спасению от грехов. При этом мы призваны спастись не в одиночку, как малые челноки, разбросанные в бушующем море, а на великом «корабле» Церкви, управляемым Христом.

Един Бог в Троице славимый, едина Истина Его, Един Господь Иисус Христос, едина Церковь Его, едино Причастие, и нет никаких иных «путей» и «церквей», кроме единственной подлинной Православной Церкви, сохранившей и возрадившей то, что она восприняла и продолжает воспринимать от Главы своего Христа и Духа Святого, живущего и действующего в ней.

Немногочисленна она в наши дни. Но к ней относятся Божии слова: «Не бойся малое ста-

до, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство (Лк. 12, 32). «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33)...

Главное же в нашем странствовании в этой временной жизни — держаться Истины, Пути и Жизни — Господа Иисуса Христа, пребывающего в Своей Церкви»¹.

«Церковь не только сегодня, но и всегда проповедовала о едином на потребу и предостерегала от религиозного индифферентизма. Сейчас ей приходится еще и объяснять, почему непросто спастись одним сбором гуманитарной помощи и отчислением религиозного налога, как то происходит в благоустроенных европейских государствах. Иисус Христос говорил: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). Для того, чтобы не смущаться так называемой религиозной нетерпимостью Православной Церкви, прежде всего необходимо честно ответить себе, веришь ли ты в единственный предложенный Господом путь спасения, и если да, то соотносишь ли ты свою жизнь с изначальным опытом христианской церковности, а потом уже и решать, можно или нельзя прилепляться душой к другого рода традиционным или

¹ Епископ Александр (Милеант). www.fatheralexander.org.

нетрадиционным религиозным воззрениям. Теперь верность в вере объявляется нетерпимостью. Скорее всего, это связано с тем, что в последние годы утвердившееся в нашей стране общественное мировоззрение все больше ориентируется на образцы западного секуляризованного (т.е. мирского, светского) гуманизма, одним из главных постулатов которого является то, что человек не имеет права настаивать ни на каких своих взглядах и не должен быть ни в чем до конца уверенным. Ему может лишь казаться, что так нужно жить, так чего-то нельзя делать, а так хорошо бы верить. Но упаси Бог ему на этом настаивать. Такое размывание ощущения абсолютного и единого, свойственное западному сознанию, сейчас начинает прививаться и у нас. И Церковь этому противостоит»¹.

«Своим воскресением Иисус Христос доказал миру, что Он истинный Бог, что учение Его истинно и что все то, что Он обещал непременно сбудется. А Он обещал, что в Свое Второе пришествие Он всех воздвигнет из мертвых. Наступает время, когда все мертвые услышат голос Сына Божия, и, услышав, оживут. Тогда каждый из нас восстанет со своим собственным, но уже обновленным и нетленным телом. Тогда-то, наконец, начнется та

¹ протоирей Максим Козлов. Православие.ru

настоящая жизнь, для которой Бог и создал людей.

Никто не может точно объяснить, в чем она будет состоять, потому что тот мир не похож на наш. Как объяснить червю, никогда не выползавшему на поверхность земли, красоту природы, пение птиц, благоухание цветов, голубизну неба? «Не видело того око, не слышало то ухо и не приходило на сердце человеку, что уготовал Бог любящим Его». Знаем только, что там не о чем будет волноваться, некого будет опасаться. Там все будут любить друг друга. Там будет непрестанная радость.

Следовательно, не жажда суетных здешних благ и страх умереть, а бодрое стремление к вечной жизни должно руководить нами и вдохновлять делать добро.

Не будем допускать, чтобы разные невзгоды жизни, измененные страсти или сведение счетов с обидчиками затмевали в нас чувство радости воскресения Христова. Будем стараться с каждым днем становиться чище и добрее, всех прощать и всех любить, как и Господь Иисус Христос возлюбил нас и умер за наши грехи.

Как путнику, возвращающемуся домой, не свойственно слишком огорчаться из-за неудобств путешествия, так и мы научимся спокойно принимать разные скорби, которые

милостивый Господь допускает постигать нас ради нашей же духовной пользы. И как путнику неразумно будет обременять себя лишним багажом, когда дома его ждет большое богатство, так и мы научимся довольствоваться малым и самым необходимым. Ведь ничего материального мы не возьмем с собой, когда перейдем в ту жизнь»¹.

¹Юрий Логачев. Смертию смерть поправ...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. СПАСЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПАРАШЮТА?	7
«Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?»	7
Почему некоторым трудно поверить в Бога?	11
Защита против совести	16
Почему мы православные?	20
Глава 2. ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВИЕ ЕСТЬ ИСТИННАЯ ВЕРА	26
Миф о «братстве религий»	26
Христианство истинно	33
Почему существует много религий?	35
Можно ли быть хорошим человеком без христианства?	37
Спаситель безнадежных	43
О том, почему каждому образованному человеку необходимо узнать Православие	57

Есть ли разница, как верить во Христа?	70
Истина Православия	72
Чем отличается Православие от католичества?	79
Являются ли католики еретиками?	89
«Скажите мне, кто ваши святые, и я скажу вам, какова ваша Церковь»	96
Одним ли путем идем?	108
Ересь протестантизма	118
Только верую?	130
О невозможности спасения иноверцев и еретиков	132
Торжество Православия	142
Глава 3. СПАСУТСЯ ЛИ МУСУЛЬМАНЕ?	146
Правда об исламе	146
Как появились «пророчества» Мухаммеда	160
Одному ли Богу поклоняются христиане и мусульмане?	168
Заблуждения мусульман	177
Нравственный облик основателя ислама	192
Почему мусульманину трудно стать христианином?	205
Почему христиане не считают Мухаммеда пророком?	211
Бог говорит устами святых	228
Глава 4. ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ ВОСТОКА	247
Ложь учения о реинкарнации	247
Духовное самоубийство	252
Одержимость как форма духовной практики в буддизме	266

Йога для христианина — путь к оздоровлению или вероотступничеству?	273
Чем отличается православная молитва от мантры и медитации?	284

Глава 5. ОБЛИЧЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ИУДЕЕВ В ОЖИДАНИИ МЕССИИ, ЯКОБЫ ЕЩЕ

НЕ ПРИШЕДШЕГО	296
Лжеучение иудаизма	296
Святые отцы об иудаизме	308
«Демоны живут в душах их»	319
Простое общедоступное рассуждение с доказательствами того, что Иисус Христос есть Бог	324
Пророчество Иисуса Христа о разрушении иудейского храма в Иерусалиме	349
Чудо распространения Евангелия	358
Доказательства важности почитания Честного и Животворящего Креста Христова	372

Глава 6. ЗНАКИ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ЖИЗНИ

ЧЕЛОВЕКА	386
Бог знает и предвидит все	386
Был голос: «Не делай этого!»	387
Как я уверовал в Бога после Причастия	391
Дерево, растущее корнями в небо	396
Как я пришел к вере в Иисуса Христа	406
История чудесного спасения, или почему я ушел от ислама в Православие?	421
Чудесный случай возвращения с того света	428

Глава 7. О САМОМ ГЛАВНОМ	441
Трагичная двойственность нашего мира	441
Откуда зло	445
Спасение — от чего?	448
Как спастись?	455
С чего начинается воцерковление?	464
Православное нравственное учение	469
Можно ли «верить в душе», быть добрым и спастись, не посещая храм?	476
Объяснение православных Таинств	477
Как относиться к последователям других религий?	498
Воскресение Христово – победа над смертью	509
Схождение Благодатного Огня на Гробе Господнем	516
Спасение только во Христе	532
ПОСЛЕСЛОВИЕ	551